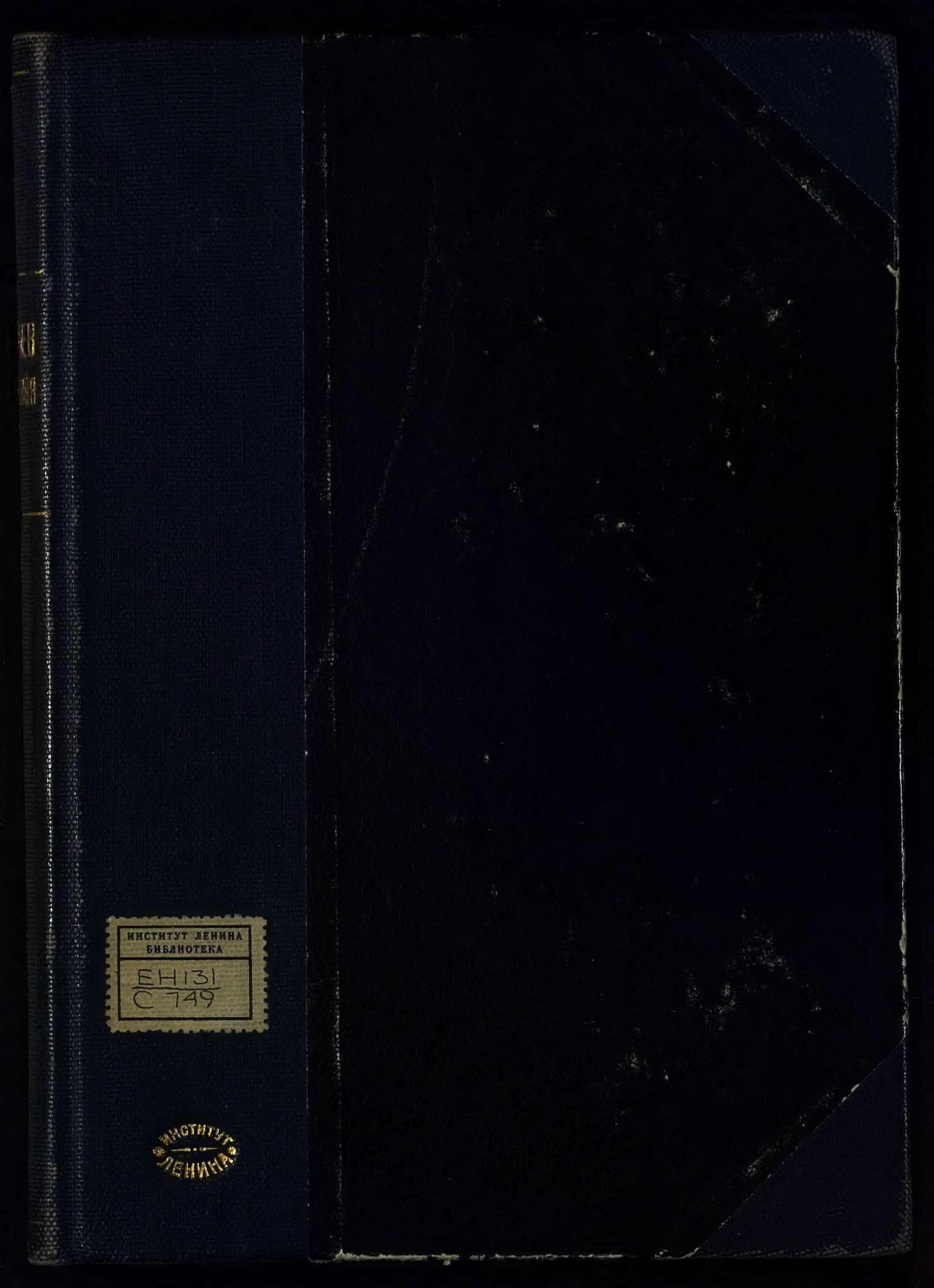
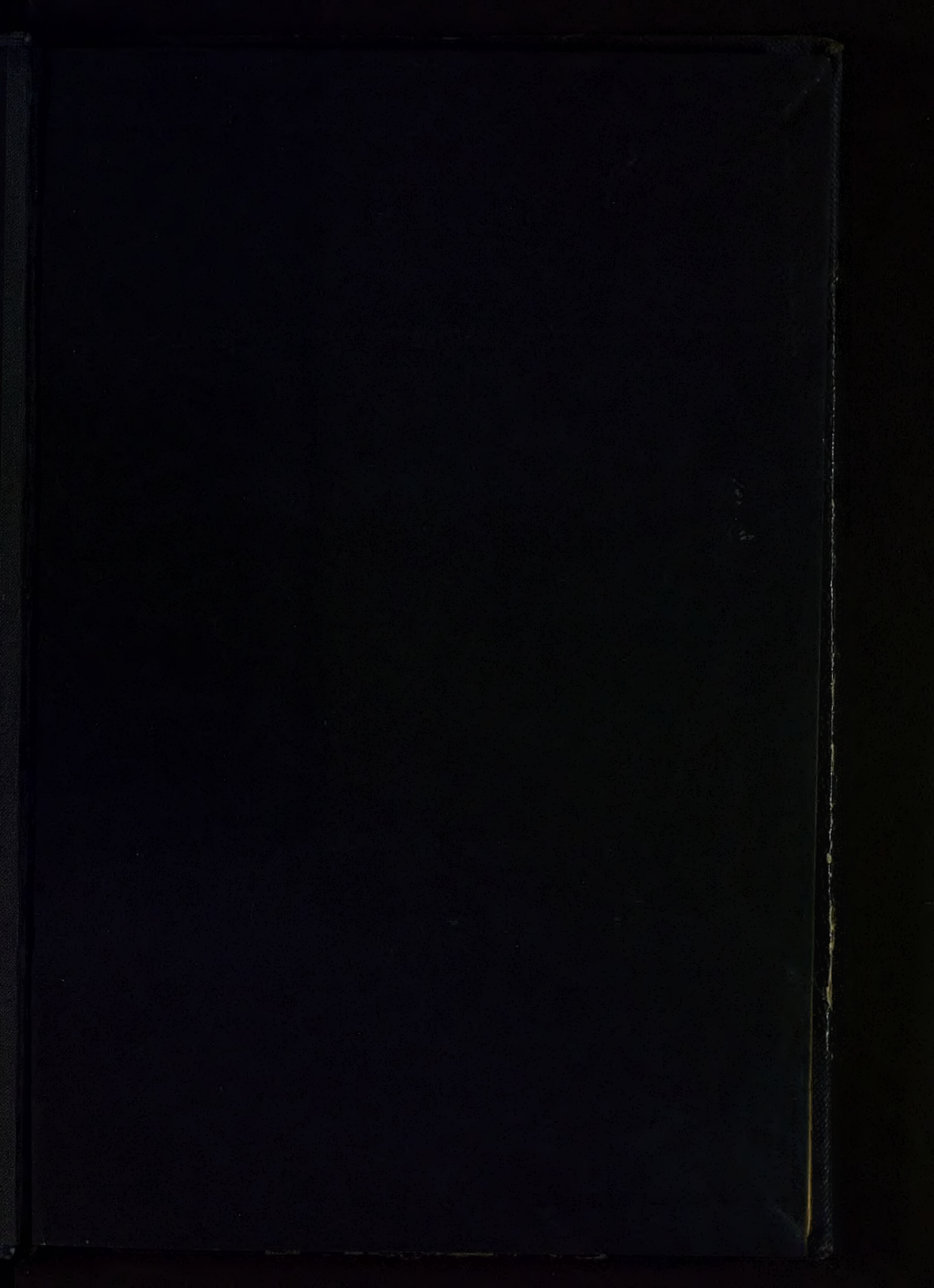

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН131
С 749
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

1911–1913

ТОМ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ-ВО
МОСКВА–ПЕТРОГРАД–1923

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ II

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1923 . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 6032. Петрооблит № 4214. Отпеч. 10,000 экз.

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА.

*

ЗАКОН О ЛИШЕНИИ ОТДЫХА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ СЛУЖАЩИХ (1).

17 декабря истекшего года третья Дума при «дружных рукоплесканиях в центре и справа» приняла в третьем (т.-е. последнем) чтении известный законопроект о лишении отдыха торговых служащих. За исключением двух-трех ухудшений, которые октябристам, при поддержке «представителей ведомств», удалось провести, — третье чтение в общем и целом ничего не изменило. Вопрос о выборе дня еженедельного отдыха попрежнему вырешен в «истинно-русском» духе, т.-е. без всякого внимания к интересам угнетенных национальностей. «Нормальная» продолжительность рабочего дня попрежнему определена в 12 часов, но рядом «исключений» тут же доведена до 15 часов и даже больше. Сверхурочные работы взрослых служащих и учеников узаконяются и доводятся до крайнего предела, — при чем, по настоянию барона Тизенгаузена, уничтожается указание об особой плате за эти работы. Контроль за проведением закона в жизнь попрежнему оставлен в руках органов заведомо враждебных интересам служащих и явно благосклонных к интересам хозяев и т. д. и т. п.

Министр торговли и промышленности г. Тимашев при первом обсуждении принятого теперь законопроекта сам констатировал: «тяжелое положение торговых служащих общеизвестно». Докладчик думской «рабочей» комиссии, октябрист барон Крюденер-Стрвуе, и тот признал, что «служащие действительно находятся в довольно (!!) тягостных условиях». Тот же г. Крюденер-Струве вынужден был констатировать, что «продолжительность торговли в бакалейных и мануфактурных лавках доходит до 16 часов, в гастрономических магазинах — до 17 часов. Средняя продолжительность торговли, если включить сюда и мелкую торговлю, особенно съестными припасами, доходила до $17^1/_2$ ча-

сов». Не больше, не меньше! Исследователи быта торговых служащих сообщали третьей Думе следующие данные о заработной плате торговых служащих:

Совершенно бесплатно работают	4,32%
От 3 — 30 руб. в мес. получают	66,43%
» 30 — 50 » » » »	23,03%
Свыше 50 » » » »	6,22%

Из общего числа приказчиков 73,37% страдает ревматизмом, 70,4% — болезнями пищеварения, 25% — болезнями дыхательных органов и 35,56% — нервным расстройством!! И вот эту то бездну нищеты, страданий и лишений хотят залечить тем законом «о нормальном отдыхе торговых служащих», крестным отцом которого был ставленник совета съездов торговцев и промышленников, октябристский барон Тизенгаузен...

— «Это — один из гуманнейших законов, которые знает культурный запад!» *) воскликнул в восторжённом экстазе перед своим собственным творением г. Тизенгаузен при третьем чтении законопроекта. Торговые служащие, наверное, держатся насчет этого совсем другой точки зрения, чем докладчик «рабочей» комиссии... как, вероятно, не согласны они и с правым депутатом г. Сушковым, сказавшим в прениях при том же третьем чтении: какой же это труд — работа приказчиков? — «Нужно только тому, кто придет в лавку, завернуть в бумажку и дать»**).

В прениях при третьем чтении все шло, как и подобает третьей Думе. Тон задавал приказчик фабрикантов и заводчиков, барон Тизенгаузен. Другой барон, официальный докладчик думской «рабочей» комиссии, г. Крюденер-Струве смиренно поддакивал Тизенгаузену: «я согласен», «я поддерживаю» г. Тизенгаузена... Октябристские главари стыдливо молчали. Господа кадеты выторговывали у г. Тизенгаузена «уступки», подкупая его тем, что набрасывались на «книжность», «утопичность» и «крайность» (речи к.-д. Степанова и Никольского) требований рабочих депутатов. Марков 2-й уверял, что даже требования кадет являются чисто-социалистическими ***) и т. п.

Позиция кадет в приказчичьем вопросе давно уже известна. Перед думскими выборами кадеты систематически «левеют» в этом вопросе, а на завтра после выборов самым циничным

*) Стенографический отчет «России», стр. 891.
**) Стенографический отчет «России», стр. 890.
***) Стенографический отчет «России». стр. 896.

образом предают интересы торговых служащих. Вот один маленький пример того, как защищали кадеты интересы торговых служащих при третьем чтении законопроекта. В законе г. Тизенгаузена ст. 2-я устанавливает 40 дней в году «сезонных работ», когда предприниматель может по произволу удлинять рабочий день служащих. Кажется, не много нужно «демократизма», чтобы бороться против этой части закона г. Тизенгаузена. Что же делают при третьем чтении кадеты? Они предлагают... цифру 40 заменить цифрой 20! И их оратор, г. Степанов, говорит по этому поводу буквально следующее: «Незыблемых аргументов в пользу 20 я, конечно, не имею, эта цифра произвольная, но и 40 — цифра тоже произвольная: почему 40, а не 35 или 45? Я просто прошу вас, защищающих интересы сезонной торговли, сделать маленькую уступку в пользу торговых служащих и сократить эти 40 дней до 20 дней» *). Сердца г. Тизенгаузена кадетские ходатаи, конечно, не тронули. Поправка к.-д. была отклонена. Но приказчики должны запомнить, что между октябристами и кадетами разница только приблизительно та же, как между цифрами 40 и 20...

Каким то чудом прошла после двух голосований 129 голосами против 92 одна из многочисленных поправок рабочих депутатов, которые единственные до конца отстаивали интересы торговых служащих. Это — поправка о том, что при торговых предприятиях должно иметься достаточное количество сидений, чтобы служащим не приходилось в свободное время постоянно стоять на ногах. Г.г. Тизенгаузену и Маркову 2-му пришлось примириться с этой «чисто-социалистической» мерой. Но ведь существует еще одна палата, и, быть может, российским торговым служащим, благодаря ей, придется еще достаточное время... постоять.

— ... «На узкой, чисто-классовой точке зрения стоят ораторы, сидящие на левых скамьях. Не угодно ли, господа, вам вникнуть в то, что предлагает социал-демократическая фракция. Устанавливая 8-часовой торговый день»... и т. д. — говорил, в тоне негодующего упрека по адресу рабочих депутатов барон Тизенгаузен при третьем чтении.

— ...«Государственная Дума должна к нему (к законопроекту) относиться именно, как учреждение внеклассное (!), и раз-

*) Стенографический отчет «России», стр. 893.

бирать интересы промышленности, которые защищает так ярко барон Тизенгаузен, с некоторыми крайностями (!), которые иногда проводят представители левых фракций... Государственная Дума должна сказать, что есть справедливого с точки зрения общего (кого с кем?) блага» *) — ответил на это московский кадет г. Щепкин.

По поводу этого небезынтересного спора между кадетом и октябристом о классовой точке зрения всякий мыслящий приказчик, наверное, скажет: «так яро» или «не так яро», — но оба вы, господа, «защищаете» одно и то же. И такой приказчик — можно предположить — сделает все от него зависящее, чтобы на будущих выборах в Думу не оправдались ни возлагаемые кадетами на приказчиков надежды, ни те надежды на «более зажиточных» приказчиков, которые высказал в своем недавнем интервью председатель «внеклассной» третьей Думы г. А. Гучков.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 2 журнала «Мысль», за январь 1911 г.

---

*) Стенографический отчет «России», стр. 948, 949.

РЕМЕСЛЕННЫЙ СЪЕЗД (1).

I.

— «Вы оправдали наши надежды... Ваши ходатайства и резолюции будут представлены соответствующим министерствам и находящееся под моим председательством общество для содействия промышленности и торговле употребит все старания, чтобы на ходатайства съезда было обращено надлежащее внимание» *). Этими словами закрыл I-й съезд ремесленников, состоявшийся в марте 1900 года, председатель его — граф Игнатьев. Устроители и вдохновители I-го съезда ремесленников, таким образом, остались вполне удовлетворенными его работами. И можно только удивляться тому, что II-й съезд ремесленников состоялся лишь через целых 11 лет после первого: если уж так «оправдали надежды» на первом съезде, так чего же было откладывать в такой дальний ящик созыв второго? Или — не до того было?..

Нет ничего естественнее того обстоятельства, что реакционные «верхи» ищут опоры в организации тех общественных слоев, на которые «можно рассчитывать». И все последние годы нашей общественной жизни характеризуются ведь именно тем, что одной рукой ставятся всевозможные препятствия сплочению тех элементов, на которые реакции рассчитывать невозможно, а другой рукой — поощряют, холят и развивают организацию тех общественных групп, которые «подают надежды». Когда бывший министр финансов С. Ю. Витте в 1903 году, обращаясь к представителям крупной фабрично-заводской промышленности, взывал: «старайтесь почаще видеться, съезжаться совещаться, организовываться» — он, разумеется, не столько заботился о процветании отечественной промышленности, сколько о том, чтобы те, кого он имел основания считать политическими союзниками, выступали организованно, планомерно, систематически.

И еще более естественно то обстоятельство, что воинствующая реакция ищет опоры среди некоторых слоев ремесленников. Ремесленные хозяева и хозяйчики — в силу своего положения

*) «Русское Богатство», 1900 г., кн. 4, стр. 167.

в современном производстве, в силу всей своей социальной позиции — во многих странах Западной Европы являются надеждой и упованием клерикальных партий, красой и гордостью бунтующего антисемитизма, самой надежной свитой всевозможных «социалистоедов». Такие крупные представители социальной реакции, как германский пастор Штеккер, как бывший венский городской голова, недавно умерший Люэгер, вербуют своих воинственных сторонников, главным образом, в среде ремесленников. Да и наши российские черносотенные партии, поскольку они имеют какой бы то ни было социальный базис, — тоже в очень значительной степени опираются ведь на реакционных хозяев и хозяйчиков ремесла.

К этим слоям ремесленников невольно тянутся и российские реакционные верхи. Первые шаги на этом пути делаются, быть может, даже не вполне сознательно, не вполне «с заранее обдуманным намерением». Но тем не менее делаются. И второй ремесленный съезд, несомненно, является одним из шагов по этому пути. Конечно, не вина нашей реакции, что она, вместо западно-европейских Штеккеров и Люэгеров, смогла выдвинуть всего только... г. Сушкова. Но придет время, появятся и «настоящие» люди. На горизонте уже виднеются такие политические фигуры, как, например, гр. Бобринский, который иногда обнаруживает довольно явственное понимание того, какое взаимоотношение существует между ремесленными хозяйчиками и социально-политической реакцией.

Оправдал ли полностью все надежды устроителей и вдохновителей второй ремесленный съезд? В этом позволительно сомневаться. По крайней мере, никто из людей, пользующихся влиянием, подобным тому, которым пользовался некогда гр. Игнатьев, не сказал второму съезду: «Господа, вы оправдали наши надежды». И даже наоборот. Из официозных кругов слышались, например, следующие оценки второго съезда:

«Как общую тенденцию работ съезда должно отметить привычное явление: надежду на няньку, на помощь извне, на благопопечительное правительство. Самодеятельности же, инициативы на ремесленном съезде не видно, как не видно этих белых ворон и в иных группах русских промышленников. Готовности обвинить при случае правительство в злокозненности, в наложении препон — сколько угодно. Желания побеспокоиться самим, поступиться для собственного же блага какими-либо ценностями — не заметно совсем» *).

*) «Россия», № 1588.

Правда, к этому неудовольствию не следует относиться черечур серьезно. Ведь даже с представителями крупной фабрично-заводской промышленности бывали подобные разногласия. Так, например, в январе 1905 года министр финансов г. Коковцов для улажения рабочего вопроса выдвигал «не требование и насилие, не приказ, а дружеский совет» фабрикантам и заводчикам сделать ряд экономических уступок рабочим. И получал от них в ответ заявление, что нужны «более глубокие реформы общегосударственного характера», а не экономические уступки. Другими словами, представители крупной промышленности тоже «сколько угодно» готовы были «обвинять при случае правительство», а желания самим чем-либо «поступиться» не обнаружили. Но факт остается фактом: когда в январе 1911 года сделана была попытка поближе сойтись с представителями мелкой ремесленной промышленности, оказалось, что даже эти последние обнаружили странную готовность обвинять — разумеется, совершенно незаслуженно! — правительство «в злокозненности, в наложении препон» и т. п. грехах...

«Замечалось несколько коробящее явление — пишет тот же официоз — по всем вопросам, практическое осуществление которых возлагалось на государство и городские или общественные самоуправления — собрание поголовно вотировало за. Стоило появиться призраку расхода со стороны группы собрания — голосование становилось сумбурным, затрудненным, нерешительным, словом, видно было, что голосуют скрепя сердце» *).

В последних словах — наряду с весьма понятным брюжжанием — безусловно много правды.

II.

Как ни отсталы и реакционны фактические отношения в российском ремесле, юридические нормы, долженствующие регулировать эти отношения, — еще более реакционны. Чего стоит один устав о ремесленной промышленности. Уставу этому не больше, не меньше, как 125 лет от роду. 21 января 1785 г. Екатерина II опубликовала жалованную грамоту, куда под ст. 123 вошло и «ремесленное положение». Но этого мало. Источниками поныне действующего права в области ремесленной промышленности были законодательные акты, еще более «ветхие деньми», например,—регламент главного магистрата Петра Вели-

*) «Россия», № 1588.

кого 1721 года и указ о цехах 27 апреля 1722 года *). От ремесленного устава 1785 года несет затхлостью прямо средневековой. Вот несколько образчиков:

— «Ремесленный голова, окончив с похвалою служение свое, в знак отличия имеет стул в управах и сидя объясняет дела свои или нужды» (ст. 310).

— «Сход (ремесленников) распускается председательствующим, который для сего ударяет по столу молотком трижды» (ст. 363).

— «Подмастерье не должен сметь ночевать вне дома своего мастера, без его ведома и дозволения, наипаче же запрещается ему сманивать с собою учеников в трактиры или непозволенные собрания» (ст. 411).

— «Ремесленному голове, в знак отличия, дозволяется носить трость с гербом города» (ст. 308).

— «Всякий ремесленник, яко подчиненный ремесленному голове и заведующим в ремесленной или же цеховых управах, обязан быть с ними почтителен, требования свои или жалобы приносить им с кротостью, вежливостью, не перебивая их речей, а тем меньше заводить какой-либо шум или грубость, или где-нибудь поносно говорить о вышеозначенных начальствах и делах их».

— «За шалость, леность и неуважение к мастеру и его семейству» ученика сначала подвергают «мерам домашнего направления», а если они окажутся недостаточными, то и «наказанию розгами от пяти до десяти ударов».

Что же может быть законнее того мнения, что подобный устав должен пойти возможно скорее на слом. Даже комиссия барона Штакельберга (основана в 1859 году при министерстве финансов и имела задачей пересмотр уставов о промышленности) «с решительностью и широтой замысла, свойственными тому замечательному времени» **), высказалась за совершенное упразднение цехового строя и особого ремесленного законодательства. На первом ремесленном съезде в пользу упразднения этого средневекового устава раздались, однако, лишь отдельные одинокие голоса. В начале XX века руководители официальной политики — и вслед за ними реакционные ремесленные

*) «Русская Мысль», июль 1909 г., стр. 173, ст. г. Рыкачева.

**) Как выражается г. Рыкачев в уже цитированной статье.

хозяева и хозяйчики — продолжали цепко держаться за институт «вечно-цеховых», «временно-цеховых» и т. п. реакционный хлам.

Зато в одной своей части ремесленный устав подвергался существенной переработке на первом съезде ремесленников в 1900 г. Мы говорим об известной 431 статье устава, обеспечивавшей, по крайней мере, на бумаге, 10-часовой рабочий день для ремесленников. Статья эта устанавливала, что:

— «Ремесленные рабочие часы в сутках суть от 6 часов утра до 6 часов вечера, исключая полчаса на завтрак и полтора часа на обед и отдых».

Но, как водится, большинство рабочих даже не знало о существовании этой статьи, и, под гнетом нужды, отлично работали по 15-18 часов в сутки. Однако, как только некоторые передовые ремесленные рабочие (особенно еврейские ремесленники западного края) стали в своей борьбе за сокращение невероятно длинного рабочего дня апеллировать к 431 статье, — ее поспешили «обезвредить». Самые страстные споры разыгрались на I-м съезде именно вокруг вопроса о 10-часовом рабочем дне. Прения по этому пункту были самыми драматическими. Хозяева и поддерживавшие их руководители официальной политики требовали «уравнения в правах» ремесленных рабочих с фабричными, которые по закону 2 июня 1897 года обречены были на $11^1/_2$-часовой рабочий день. Съездовская комиссия (куда случайно проникло много противников отмены 431 статьи) 22 голосами против 20 отклонила было отмену 431 статьи. Но на самом съезде огромным большинством, при неистовых криках восторга, мнение комиссии было отвергнуто, и 10-часовой рабочий день заменен $11^1/_2$-часовым.

— «По какому случаю шум?» — лицемерно вопрошали хозяева: — «Ведь теперь ремесленники работают 14-15 часов в сутки, стало быть, предлагая установить $11^1/_2$ часов работы, мы сокращаем рабочее время на 3-4 часа»... (Волков).

— «Ради заработка, ради хлеба, человек «колесом ходит», — следовательно (!) и работа по праздникам или по ночам должна зависеть от добровольного (?) соглашения договаривающихся» (Нейберг).

— «Русский рабочий день, в сущности, длится не более 5 часов, так как у русских 150 праздников в году» — говорил ремесленник (Сушков).

— «Ради бога, разберитесь в том вопросе, который вы решаете. Дело в том, что это касается, попросту сказать, собственной шкуры каждого из нас. Поймите это! Неужели мы доживем до того времени, когда рабочее сословие станет громко требовать 8-часового дня»... — вопил г. Назаров *).

Первый ремесленный съезд (1900 г.) далее обсуждал вопрос об учениках. Для «защиты» детского труда было принято: 1) дети, не достигшие 12 лет, не могут быть принимаемы в мастерские; 2) работа малолетних от 12 до 15 лет в ночное время (от 9 час. вечера до 5 час. утра) воспрещается; 3) малолетние в этом возрасте не допускаются к работам, вредным для здоровья; 4) 10-часовой рабочий день; 5) в интересах «образования» — отпуск в школу раз (!) в неделю на 6 часов. — «Ученики — видите ли — болеют совсем не от работы, а от малого сна и развратной жизни». Так уверял участник I-го съезда г. Куреник.

Много внимания уделено было и вопросу о телесных наказаниях. И — представьте: наши ремесленные гуманисты постановили отказаться от телесных наказаний, но — удержать в мастерских..... «домашние наказания». — Распространение фабричной инспекции на ремесленную промышленность съезд решительно отверг. Максимум, на что съезд в этой области согласился, это — чтобы ремесленная инспекция существовала отдельно от фабричной, состояла из выборных от ремесленников (конечно, хозяев) и имела во главе «правительственное лицо». Если еще прибавить, что съезд, по предложению профессора **) Тимофеева, признал необходимым штрафовать в размере до 100 руб. всякого, кто примет на службу ученика, не «отогнанного» прежним хозяином, а покинувшего «незаконно» свое старое место, — то, в общих чертах, мы будем иметь перед глазами весь итог работ I-го ремесленного съезда.

По составу своему I-й ремесленный съезд значительно отличался от II-го. На I-м съезде не было представителей рабочих и не было особой группы еврейских ремесленников. Крайнюю «левую» съезда представляла собою группа полу-либералов, полу-

---

*) См. «Русское Богатство», 1900 г., кн. 4, ст. «Наши ремесленники», «Рабочее Дело», № 8 (1900 г.) и др.

**) Как известно, для всякого дела можно найти соответствующего профессора. Это подтвердил и недавно закончившийся II-й съезд.

народников: известный организатор артелей Левитский, Лавринович, проф. Яроцкий, Оболенский. Но эта группа на съезде не имела почти никакого влияния. Народники типа «Русского Богатства», бессильно разводя руками, писали по поводу съезда:

«Фабрика сильна еще своими размерами. Тех же (!) выгод ремесленники могут достигнуть только кооперацией (!?), а они — меланхолично заканчивало «Русское Богатство» — освистали ее» *).

III.

Мы остановились сравнительно подробно на работах I-го ремесленного съезда потому, что духовный облик хозяйского большинства II-го съезда в очень многом напоминает I-й съезд, и потому, что решения, проведенные этим большинством II-го съезда, во многом являются продолжением и даже прямо повторением решений первого съезда. II-й ремесленный съезд начался с «европейского» заявления представителя власти о том, что для него «одинаково дороги как интересы ремесленной промышленности, так и интересы трудящихся в ней ремесленных рабочих». Либеральный профессор Быков при открытии съезда тоже обратился к собравшимся с архи-«европейской» речью об «облагороженном, индивидуализированном, одухотворенном, и т. д. ремесленном «труде», о том, что «жизнь требует от ремесленника все большего и большего совершенствования», о том, как некоторые затраты, как показывает опыт «практиков-промышленников», — выгодны, необычайно выгодны» **) и т. п. Но гораздо более точное представление о духовной физиономии большинства недавно закончившегося съезда дают некоторые другие «высказывания», например, в газете «Россия». Через два дня после открытия съезда этот официозный орган писал, например, по вопросу о ремесленных учениках, следующее:

«Не знаю, кого по нынешним временам надо защищать — ученика от хозяина, или хозяина от ученика? Одевай его, т.-е. ученика, обувай, корми, пои, а доучится—это уж извините! Как только он научился ковырять иглой, так и сбежал. Еще он, каналья, не пол-мастера, не четверть-мастера, а уж подавай ему жалованье. Насильно его держать нельзя, —

---

*) Цитированная статья, стр. 170. Небезынтересно отметить, что в этой же статье «Русское Богатство» полемизировало с г. Изгоевым, как с представителем классовой точки зрения и «марксистом».

**) Речь эта напечатана в № 2 (1911 г.) «Вестн. Европы». Курсив принадлежит почтенному профессору.

и пошел мальчик гулять по свету шарлатаном-недоучкой. Скверно было раньше, тиранство было великое, но, по крайней мере, до дела люди доходили, а теперь только одна распущенность. Если же такому фанфарону что сказать, сейчас либо уксусной эссенции глотнет, либо сам себе рожу расцарапает и летит с жалобой в участок. Скоро с этим потаканьем добьемся до того, что мастеров у нас, на Руси, не будет» . . . . *).

Всего в съезде приняли участие 333 **) человека, съехавшихся из 75 городов России. Больше всего представителей дали Петербург (120 человек) и Москва (32 человека). Рабочих-делегатов было 33 из следующих городов: Москва — 5, Ростов на Дону — 3, Рига — 3, Ревель — 1, Баку — 1, Н.-Новгород — 2, Гомель — 1, Двинск — 1, Лодзь — 1, Вильна — 2, Киев — 1, Екатеринослав — 1, Тамбов — 1, Петербург — 10. Громадное численное преобладание на съезде имели, конечно, хозяева. Даже делегат московского ремесленного общества А. К. Остроумов, который всех евреев-ремесленников почему-то относит к числу «присяжных поверенных», — даже этот почтенный участник съезда считает, что «действительные ремесленники, мастера, хозяева заведений» составляли «процентов 70 общего количества участников съезда» ***). Определенную линию поведения имела только рабочая группа, шедшая под знаменем марксизма. Еврейская группа была недурно сорганизована, но ее обессиливал половинчатый либерализм, который довольно сильно сказывался в ней. Третья группа тех, кого г. А. К. Остроумов считает «действительными ремесленниками», за немногими исключениями состояла либо из открытых черносотенцев (в роде одесского делегата г. Юдина), либо из «средних» обывателей, «политикой» не интересующихся и поворачивающих за г.г. Сушковыми и Юдиными с такой же почти легкостью, как за «передовым» профессором, вроде г. Быкова, или за каким-нибудь чиновным октябристом — человеком в футляре. Народников совсем на съезде не было. Кадеты, как партия, на съезде представлены были крайне слабо. В частностях — иногда весьма существенных — большинство раскалывалось. Тогда, благодаря дезорганизованности большинства и дружному выступлению левого меньшинства, удавалось проводить более или менее прогрессивные, вернее, менее реакционные решения. Но несмотря на столь огорчившее «Голос Москвы»

*) «Россия», № 1585.

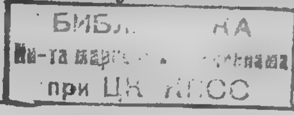
**) Цифра эта принадлежит газете «Россия». По другим данным (например, по данным газеты «Звезда»), участников съезда было 430 чел.

***) «Голос Москвы», № 26.

«засилье» со стороны рабочих и евреев, — «тем не менее (по признанию того же центрального органа октябристов) ремесленникам-хозяевам удалось отстоять несколько существенно важных положений». Еще бы!..

Одно из крупных мест на съезде занял вопрос о ремесленном уставе. Рабочая группа настаивала на его полном упразднении, требуя распространения на ремесленную промышленность обще - фабричного законодательства. Выдвигая это требование, рабочая группа подчеркивала, что она отнюдь не восхищается существующим общим фабричным законодательством. Но она отстаивала принцип единства рабочего законодательства. Незачем китайской стеной специального устава отгораживать ремесло от других видов промышленности. Ремесло, как таковое, с каждым днем все более и более разлагается, превращаясь, под влиянием неумолимых законов капиталистического развития, в один из подсобных видов крупной промышленности. Един рабочий класс, едино должно быть и рабочее законодательство, нужны не средневековые «цехи», а свободно развивающиеся профессиональные союзы — такова приблизительно была позиция рабочей группы. На иную точку зрения, как и следовало ожидать, стало большинство съезда. Оно решило, что старый, екатерининских времен ремесленный устав нужно лишь чуть-чуть подправить, приумыть, подчистить. Мы имели уже случай выше познакомиться с некоторыми перлами этого пресловутого устава. Многие из этих перлов так и остались неприкосновенными также в новом проекте устава. Так, например, во всей своей неприкосновенности осталась статья о том, что подмастерья и ученики должны относиться с повиновением и кротостью к своим хозяевам, их домашним и приближенным, и т. п. Съезд убил массу времени на кодификационную схоластику, и в результате новый проект признан годным пока только как «материал».

Продолжительность рабочего дня — вопреки требованию рабочей группой 8-часового дня — определен съездовским большинством в 12 часов для взрослых и 10 часов для малолетних учеников. Подавляющие данные относительно продолжительности рабочего дня для учеников привел московский рабочий делегат Кулешов. По данным статистики портновского цеха в Москве, молодые рабочие, так называемые ученики, работают в московских портновских предприятиях почти всюду (99,9% предприятий) от 13 до 18 часов в сутки. И это при самом тяжелом

положении относительно еды и отдыха: кроватей на 15-16 человек «учеников» — одна-две. Спят где, как и поскольку приходится: под лавкой, в сенях, на дворе...

Согласно анкете, произведенной профессиональными обществами в Петербурге в декабре 1910 года (опрошено 1535 рабочих, в том числе 474 ученика и ученицы),—процент «учеников», получающих плату за свой труд, таков:

Группы заведений.	% получ. заработок.
До 10 рабочих	34,4%
От 10 до 20 рабочих	9,8%
Свыше 20 »	48,3%
Всего	44,3%

Иначе говоря, **не получают никакой платы** за свой **труд** в среднем 55,7% «учеников»!! В наиболее мелких ремесленных предприятиях процент этот достигает даже 65,6%.

Характерна еще следующая табличка *), показывающая, что так называемые «ученики» на деле являются для капиталистов не чем иным, как теми же наемными рабочими, только легче всего поддающимися интенсивнейшей эксплоатации в виду их малолетства и неорганизованности.

Размер заведения.	% мастерских, выдающих плату.			% мастерских, выдающих плату.
	Со дня поступления.	С 1-го года.	Проч. сроки и неопред.	
До 10 рабочих	28,6	42,8	28,6	29,2
10—20 »	53,9	7,7	38,4	52,0
Свыше 20 рабочих	93,3	6,7	—	65,2
Всего	65,7	14,3	20,0	48,6

Наиболее крупные мастерские, таким образом, если уже выдают ученикам плату, то выдают ее с первого же дня поступления (93,3%), и дело, значит, вовсе не в «выучке».

*) Мы заимствуем ее из Спб. журнала «Рабочее Эхо», № 6, стр. 13.

Когда на съезде встал вопрос о минимальном возрасте для допущения «учеников» на работу, рабочие (и с ними д-р Могула) потребовали, чтобы минимальным был признан 16-летний возраст. Д-р Могула привел статистику средней смертности по возрасту в Германии и России для разных ремесл. Оказалось, что русские портные умирают в возрасте 39 лет, в количестве 490 из каждой 1000 от чахотки, а в Германии — в возрасте 45 лет. Из 1000 русских сапожников 37 лет умирает 560 человек, а в Германии наибольшая смертность наблюдается на 48 году и т. д. Но съезд, после долгих прений, установил минимальный возраст учеников в 13 лет (вместо первосъездовских 12 лет) и лишь после отчаянного сопротивления допустил повышение этой цифры для тяжелых и вредных для здоровья ремесл.

Рабочая группа требовала полного уничтожения института «ученичества», с тем, чтобы он был заменен рационально поставленным техническим и профессиональным образованием в специальных учебных заведениях. Съездовское большинство ответило дальнейшим узаконением «ученичества» и тем, что щедро отпустило целых 12 часов (вместо прежних 6-ти) в неделю для ученика на посещение школы. Рабочая группа настаивала на законодательном воспрещении пользования бесплатным трудом несовершеннолетних рабочих, на установлении минимума заработной платы для последних, на ограничении рабочего времени для несовершеннолетних 6-ю часами, а накануне праздников — 5-ю, на воспрещении для них ночных и сверхурочных работ и т. д. Съезд все эти требования признал «утопическими» и «невыполнимыми». Вместо этого он предлагал дать хозяевам право отметок на ученических книжках. И только энергичному протесту рабочей группы «ученики» обязаны тем, что они избавлены от этого худшего вида «черных списков».

По вопросу о надзоре за ремесленной промышленностью рабочая группа выдвинула требования: 1) общепромышленной инспекции, надзору которой подлежали бы все виды наемного труда; 2) достаточного количества назначенных инспекторов; 3) оплачиваемых помощников инспекторов, выбираемых рабочими из своей среды, и 4) инспектрисс в отраслях производства, применяющих женский труд. Хозяева этому решительно воспротивились, уверяя, что «мы выросли уже из опеки правительства». И съездовское большинство провело «среднее», как выразились на съезде, решение: особая ремесленная инспекция

с равным представительством от хозяев и рабочих, но... с прибавлением в качестве так называемого супер-арбитра представителя от министерства.

Прения по вопросу о страховании ремесленников открылись специальным докладом представителя министерства торговли и промышленности. Со своей, давно уже сформулированной, «платформой» *) на этот счет выступила рабочая группа. Представители наиболее неимущих слоев мелких ремесленных мастеров просили о том, чтобы страхование было распространено и на них самих. Возражали лишь против взимания расходов из кармана промышленников. И большинством постановили, чтобы и рабочие участвовали в расходах по страховым операциям.

Предложение рабочей группы о запрещении занимать учеников домашними работами отклонено. Воскресный отдых установлен в размере «не больше 36 часов», причем не преминули оговорить, что для некоторых видов ремесла допустима и праздничная работа. Зато не забыли адресоваться к интендантскому ведомству с просьбой о заказах и в гос. банк с просьбой о кредите. Попробовал было «знаменитый» депутат Сушков провести уничтожение всяких указаний насчет времени начала и окончания работы. Пусть часы устанавливаются «по-семейному», по «доброму согласию» — говорил черносотенный депутат. Но его план осуществить ему не удалось. Самыми «крайними», самыми «левыми» решениями съезда были признание желательности обязательного общего бесплатного обучения и заявление, что для успешной борьбы с алкоголизмом необходимо проведение в жизнь пожеланий недавнего анти-алкогольного съезда.

Таковы в самых общих чертах работы II-го ремесленного съезда.

Свое полное удовлетворение работами съезда выразил вслед за некоторыми октябристами центральный орган кадет. «Съезд, в котором участвовали ремесленики-хозяева, рабочие и люди теории, не мог, конечно, пройти без шероховатостей»... «Но, несмотря на то, что громадное большинство членов съезда состояло

---

*) 1) Одновременное осуществление всех родов страхования и сосредоточение их в единой организации, построенной по территориальному принципу; 2) демократическое самоуправление; 3) возложение всех расходов исключительно на предпринимателей и государство, которое должно покрывать их путем прогрессивного налога на доходы, имущества и наследства, и т. д., и т. п.

из ремесленников-хозяев, доминировавшая на съезде точка зрения — видите ли — далеко не была «хозяйской». Единственный сучок в глазу господ кадет, это — рабочая группа, «практические предложения которой были часто нежизненны и теоретичны». «Куда-то исчезли защитники розги», хозяева поняли, что «прибыль от маленьких учеников-заморышей — не так уж велика» (для кадет все дело в том — «так» или «не так» велика прибыль); «насколько прогрессивные предложения не были отрешены от действительности, они встречали сочувствие многих» *) — чего же еще надо. Кабы только не рабочая группа, все бы отлично обстояло.

Недоволен рабочей группой и московский орган кадет. — «Представители подмастерьев», «делегаты от рабочих, примыкающие к социал-демократическим взглядам», «нередко с излишней запальчивостью обрушиваются на «хозяев» (ехидные кавычки!) с точки зрения классовых интересов и приводят отдельные, и потому довольно малоубедительные примеры чуть ли не кровопийства» — пишут о рабочей группе с необычной для них «запальчивостью» профессора из «Русских Ведомостей» **). Далась же господам кадетам рабочая группа. Она беспокоит их положительно не меньше, чем господ октябристов или «литераторов» из «Земщины», не перестававших во все время съезда распространяться о «товарищах». И можно ли после отзыва кадет удивляться тому, что октябристы писали о рабочей группе: — «Были бесконечные речи по поводу якобы (!) беспощадной эксплоатации хозяевами и хозяйками работающих у них подмастерьев и подмастериц» ***). «Чуть ли не кровопийство» — посмеиваются кадеты. Якобы «беспощадная эксплоатация» — шутят октябристы. «Бесконечные речи» — досадуют одни. «Запальчивые речи» — недовольны другие. Два сапога — пара!

— «На съезде нет рабочей группы, здесь только ремесленники» — заявил один из председателей съезда, г. Бородаевский, когда один из рабочих делегатов сделал какое-то заявление от имени рабочей группы. Г. Бородаевский заставил даже съезд «голосованием» подтвердить его нелепое заявление о том, что на съезде нет рабочей группы. И, однако же, сколько внимания уделено несуществующей рабочей группе...

*) «Речь», № 31.
**) «Русск. Ведомости», № 20.
***) «Голос Москвы», № 26.

Нечего и говорить о том, что общая обстановка не благоприятствовала полноте и свободе действий рабочей делегации. Кроме общих встретился ряд местных препятствий. Цеховые управы явно срывали посылку рабочих делегатов. На самом съезде ораторов рабочей группы не раз лишали слова, не оглашали их заявлений, неистовым шумом заглушали их слова, делегатов-евреев пытались изгнать из Петербурга за неимением «права жительства» и т. д., и т. п. Наконец, после съезда газетные листы стали уже пестрить сообщениями о том, что рабочий делегат на ремесленный съезд от такого-то города, вернувшийся домой, арестован и т. д. И тем не менее — вопреки всем препятствиям — рабочая группа на ремесленном съезде сыграла крупную политическую роль...

Горделивые мечты г. Сушкова и тех, кто его послал, нашли себе далеко не полное осуществление. Правда, г. Сушков с большим успехом пек, как блины, каждый день по несколько «депутаций» от съезда (никем, впрочем, не избранных). Сушков и те, кто его послал, несомненно, «использовали» «возможности», которые представил для них ремесленный съезд. Но главного-то (главного для Сушковых) все-таки не вышло: внушительной, «импозантной» демонстрации в пользу черносотенства, воинствующего национализма, боевой реакции съезд не осуществил. Слишком сильно было оппозиционное меньшинство, слишком много было «средних», не боевых элементов, слишком рассыпано и не воодушевлено было то большинство съезда, на которое могли рассчитывать г.г. Сушковы.

Ремесло, как экономическая категория, находится у нас теперь в стадии решительного разложения и идет к упадку семимильными шагами, будучи вытесняемо крупно-капиталистическим производством. И вот именно теперь начинается крупная игра, «ставка» на хозяев-ремесленников. Как некогда возлагались кой-кем преувеличенные надежды на Bauernschädel, т.-е. на реакционность «мужицкого черепа», так теперь, повидимому, слишком много надежды связывается с Handwerkerschädel, — с реакционностью «ремесленного черепа». Политика антисемитизма и различных видов социально-реакционной демагогии некоторое «будущее» среди ремесленников, конечно, имеет. Но борьба марксизма с этой политикой не может не увенчаться успехом. Никакие эксперименты тут не помогут...

IV.

Ремесленный съезд закончился. Вряд ли кто обманывается насчет реального значения его «положительных» решений, вряд ли кто из марксистов шел на этот съезд для «органической» работы совместно с Сушковым, Юдиным и К°. Но участие марксистов в этом съезде для противопоставления своей политической позиции точке зрения всех остальных политических групп, для демонстрации в пользу своей «платформы» было необходимо. И теперь уже совершенно ясно, насколько неправы были те из ликвидаторов, которые предлагали бойкотировать*) ремесленный съезд единственно по той причине, что, как они предполагали, на нем не будет кадет («буржуазной интеллигенции», с которой, по признанию самих г.г. ликвидаторов, у них много «точек соприкосновения»). Мы указали на эту ошибку ликвидаторов в № 1 нашего журнала и за это навлекли на себя гнев вдохновленного барда ликвидаторства — г. Л. Мартова.

Чтобы защитить своих ликвидаторов, Мартову пришлось прибегнуть к несколько необычным (впрочем, в «литературе» иных лагерей — весьма обычным...) приемам. Судите сами. Вы напрасно стали бы искать у Мартова ответа по существу: были ли правы или нет те ликвидаторы, которые предлагали бойкотировать съезд в виду того, что на нем не будет кадет. Зато он не забывает высосать из пальца «факт», будто русские марксисты нашего «толка» «долгое время противились участию рабочих в пролетарских съездах». Где, кто, когда? Очень просили бы Л. Мартова открыть этот секрет для читателей «Нашей Зари» и привести литературные или какие-нибудь иные материалы (решения и проч.), которые ждали бы его утверждения. Мы знаем только один случай, когда некоторые, тоже — марксисты (из тех, которые желают «отозвать») нашли, что участие марксистов в московском съезде фабрично-заводских врачей было бы «изменой» и т. п. Но ведь Л. Мартов превосходно осведомлен насчет того, что эти горе-марксисты имеют гораздо больше «точек соприкосновения» с марксистами его (Мартова) «толка», чем с какими-нибудь иными... Верно то, что мы являемся защитниками только условного участия в «чужих»

*) Это не мешает теперь ликвидаторам на всех перекрестках уверять, будто вся «ремесленная кампания» есть дело их рук...

съездах, т.-е. уже сейчас считаем своим долгом предостерегать от участия в этих съездах тогда, когда не только буржуазия будет пользоваться некоторой свободой организации. Мы тем настоятельнее подчеркиваем опасность увлечения «сотрудничеством» на чужих съездах, что некоторые друзья Л. Мартова уже давно поднимают эту идею «сотрудничества» на щит. Мы указали в № 1 нашего журнала, что «вся их (т.-е. некоторых ликвидаторов) аргументация в защиту нынешнего участия в чужих съездах свидетельствует об этом с несомненностью» *) и приводили, как иллюстрацию, статью единомышленника Мартова — Ст. Ивановича. Но Мартов счел за благо и тут ни звука не проронить по существу вопроса, ограничившись увертками на тему о том, будто мы только предсказываем разногласия в будущем, выискиваем эти разногласия и т. д., меж тем как на самом деле единство и согласие — полное.

Кстати, об этом «единстве». Ликвидаторам политически выгодно теперь изображать дело так, будто в работе на открытой арене (на съездах и проч.) марксисты едины с ними, т.-е., иначе говоря, сами становятся ликвидаторами. Л. Мартов, однако, и здесь несколько... искажает факты. Вспомним хотя бы то, что происходило на некоторых «общественных» съездах, ну хоть — женском съезде или съезде фабрично-заводских врачей. Послушайте оценку поведения рабочей группы на женском съезде, даваемую товарищами Мартова по «ликвидации».

— «Скажем сразу, что эта группа (т.-е. группа рабочая. — *Г. З.*)... была далека от тактики социал-демократии... Смутное понимание рождало абстрактность и шаблонность... подчеркивалось резко и надоедливо (!): вы — буржуйки и пр.,... буржуйки ездят на рысаках, а мы плетется пешком... Буржуйки не могут нам помочь... Явившиеся на съезд молоденькие работницы, почти подростки, были больше вооружены чувством страстного протеста и порывом к лучшей жизни, широтою кругозора... Работница — голодная, холодная — аргументировала (к неудовольствию дающего эту сцену ликвидатора — *Г. З.*) другая работница».

Так характеризует поведение рабочей группы на женском съезде ближайший единомышленник Л. Мартова — А. Ерманский.

Неправда ли, читатель, любой Изгоев мог бы позавидовать этой мастерской либеральной характеристике... Недоставало только выкриков против «демонстрационной», «митинговой» — и как там еще выражаются либералы и ликвидаторы! — тактики марксистов...

*) «Мысль», № 1, стр. 79.

А вот что пишет другой единомышленник Мартова (под редакцией этого последнего) о той же рабочей группе на женском съезде:

— «Все обсуждения вопроса о том, как вести себя на съезде, концентрировались вокруг «размежевания» *)... со всем съездом или его большинством... Примитивное представление о «классовых противоречиях»,... иногда даже резкое озлобление и желание «хорошенько отругать барынь»... В результате... тактика рабочей группы была чисто «немецкой»... Стремились прежде всего «отмежеваться», подчеркнуть, что есть «вы» и «мы», и что все язвы и болезни общественного строя излечит только социализм».

Ну, разве же не является написавший эти строки W. кандидатом в сотрудники «обновленной» г-м Струве «Русской Мысли»? И Л. Мартов хочет уверить читателя, будто с этакими господами у марксистов существовало или существует «единство» в работе на открытой арене. Да ведь эти господа оплевывают тех самых выступающих на открытой арене марксистов, которые, по мнению Мартова, должны быть «едины» с ликвидаторами...

А московский съезд фабрично-заводских врачей! Почему же это Л. Мартову приходилось печатно огорчаться по поводу того, что в рабочей группе этого съезда (наиболее многочисленной из всех съездов) большинство принадлежало к антиликвидаторам? Раз «единство» полное, то не все ли равно, кто в большинстве. И не известно ли Л. Мартову, что на этом съезде, на котором противники ликвидаторства вели решительную борьбу с кадетским и иных видов буржуазным социал-реформаторством, виднейшие представители ликвидаторства поддерживали открыто этих самых «социал-реформаторов» и даже заявляли: «мы не знаем, что такое «социал-реформаторство». И неужели Л. Мартов забыл, что это поведение ликвидаторов вызвало сильнейшие трения внутри рабочей группы? Где же это пресловутое мартовское «единство»?

Единство — превосходная вещь, но не единство с... ликвидаторами.

И, надо правду сказать: у Потресовых, Мартовых, Прокоповичей и К⁰ гораздо больше настоящего единства со Струве и Изгоевым, нежели с марксистами-антиликвидаторами.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 3 журнала «Мысль», за февраль 1911 г.

---

*) Этим презрительным кавычкам тоже, пожалуй, позавидовал бы г. Изгоев.

ПАРАЛЛЕЛИ [1].

«О борьбе за право коалиций».

При всех чертах различия между современным положением рабочего движения в России и русским рабочим движением второй половины девяностых и начала девятисотых годов — есть между ними и одна важная черта сходства. Во второй половине девяностых и в начале девятисотых годов рабочее движение России переживало в известном смысле «эпоху первоначального накопления». Движение едва-едва начинало выходить на широкую арену, оно только еще начало накоплять первоначальный политический опыт, оно брело еще ощупью, оно лишь постепенно начинало собирать в нечто цельное и единое те отдельные, частные, изолированные формулы, на которые наталкивали его конкретная жизнь и повседневная борьба. Сегодня «практический опыт» учил тому, что необходима свобода профессиональных союзов, завтра ход движения давал наглядный урок относительно необходимости свободы печати, послезавтра перипетии борьбы делали ясным необходимость такого важного элемента политической свободы, как всеобщее избирательное право. Эпоха «первоначального накопления» руководящих формул и программных обобщений рабочего движения в России — как, между прочим, и в других странах — характеризуется тем, что это «накопление» шло, так сказать, эмпирическим, опытным путем.

Лишь медленно и постепенно становятся достоянием широких слоев эти отдельные формулы и обобщенные требования. Жизнь учит массы несравненно медленнее, чем того хотелось бы «сознательным выразителям бессознательного процесса». Для самих масс сумма частных формул лишь медленно и с трудом превращается в нечто цельное, стройное, в то, что может претендовать на звание программного комплекса. И — что всего хуже — отдельные слои рабочих масс часто как бы зацепляются за отдельные частные формулы и требования, и при этом — настолько крепко, что не видят их связи с целым: их как бы начинает гипнотизировать отдельное, частное, изолированное, в ущерб общему, цельному гармоничному. В такие эпохи движение больше всего нуждается в обобщении, в неутомимом сведении частного — к общему, к апелляции, от детали — к целому, от

эпизода — к системе... Но именно в подобные эпохи часто на первый план выдвигаются такие «идеологи», которое настроение отсталых слоев возводят в перл мудрости, начинают вдохновенно проповедывать целую программу «медленного шага и робкого зигзага», приглашают передовой отряд принизиться до предрассудков отсталых слоев вместо того, чтобы подымать эти слои до уровня передового отряда, подымают на щит крохоборство, усугубляя во много раз те шатания, которые временно наблюдаются среди самых отсталых слоев. Разумеется, эти теоретики крохоборства и идеологи робкого зигзага оказываются лишь героями на час. Проходит короткое время и, глядишь — кумир уже во прахе. Но вред движению эти теоретики отсталости приносят огромный.

Есть некоторое сходство между нынешней стадией русского рабочего движения и вышехарактеризованной стадией «первоначального накопления». В известном смысле приходится опять начинать сначала. Правда, массовый субъект движения бесконечно богаче опытом, нежели он был в эпоху второй половины девяностых и в начале девятисотых годов. Правда, о такой отсталости и такой политической наивности, какая обнаруживалась тогда, сейчас не может быть и речи. Но нельзя не видеть и того, насколько ошеломляюще подействовал разгром последних лет. Урон нанесен тяжкий: вчера мы были богачи, сегодня мы — нищие. Опять мы видим, как движение начинает брести ощупью, как только сейчас, в начале нового десятилетия, оно начинает делать первые робкие попытки сколько-нибудь вновь стать на ноги. Опять мы наблюдаем, как частное оттесняет общее; как вся общественная атмосфера способствует тому, что этим частным перед глазами отсталых масс заволакивается общее; как нерешительны и неуверенны первые эмпирические шаги в новой, столь усложнившейся обстановке. Эпоха распыления движения, распыления организованных коллективов, распыления даже руководящих формул и идей, быть может, скоро будет позади. Но она еще не прошла, а тяжелое наследие ее еще долго будет давить рабочие массы. И пока это наследие не изжито, мы будем видеть там и сям торжество частного над общим, мы будем видеть (и видим!), как целые кружки и группы «идеологов»-интеллигентов, искренне считающих себя сторонниками рабочего класса, платят щедрую дань буржуазным и мелкобуржуазным влияниям...

Одной из таких групп были в конце 90-х и в начале 900-х годов так называемые «экономисты». Одной из подобных групп в конце 900-х и в начале 910-х годов является группа интеллигентов — бывших марксистов, а ныне — ликвидаторов. Одной из таких, выдвинутых в свое время «экономистами», формул, означавших торжество частного над общим, была формула: «борьба за частичные права». Одной из подобных формул, выдвинутых в наши дни ликвидаторами, является формула: «борьба за легальность», или ее новейшее видоизменение: «борьба за право коалиций». Естественно, что марксисты борятся с ликвидаторами — во многих отношениях приносящими еще больший вред, чем экономисты — столь же решительно, как некогда с экономистами...

* * *

Когда «экономисты» проповедывали отказ от политической борьбы, когда они широкой обобщенной деятельности противопоставляли тактику «малых дел», — они всегда апеллировали больше всего к массам. Смотрите — говорили они — ведь и сами массы не хотят, не понимают еще «политики», ведь исходным пунктом движения среди них является борьба за «копейку на рубль». — Значит, «для русского марксиста исход один — участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности», — как писали в своем «Credo» наиболее последовательные «экономисты» — г-да Прокопович и Кускова. То же происходит теперь с лозунгом ликвидаторов: «борьба за право коалиций». Ведь сами массы сейчас аполитичны, ведь они не понимают еще связи части с целым, ведь дальше требования свободы коалиций они-де не идут. Вывод: сознательные выразители бессознательного процесса должны «по одежке протягивать ножки», должны и сами не итти дальше формулы: «борьба за право коалиций»...

Передовые представители массы — говорит Ф. Дан — «должны взять движение в его действительно исходной точке — борьбе за право коалиций». Но ликвидаторы — как в свое время и «экономисты» — прежде всего неверно изображают фактическое положение дела. «Движение» не есть что-нибудь однородное, сплошное. В нем легко отличить различные группы участников. «Движущийся» впереди авангард, разумеется, во много раз политически опытнее и сознательнее, чем, например,

арьергард. Для «экономистов», как им правильно указывалось в свое время Г. В. Плехановым, существовала только «задняя» часть «движущихся», и поэтому они и воображали, что среди рабочих так-таки вовсе и нет таких слоев, которые интересовались бы чем нибудь пошире, чем «копейка на рубль». Они ошибались относительно простых фактов. Уже и тогда борьба за «копейку на рубль» — необходимая, важная, нужная борьба — на деле переплеталась с более великими и обобщенными задачами, уже и тогда среди «движущихся» были значительные слои, интересовавшиеся этим великим и обобщенным.

То же и теперь: когда ликвидатор Ф. Дан утверждает, что «действительной исходной точкой» современного «движения» является «борьба за право коалиций», он прежде всего ошибается фактически. И в нынешнем «движении» легко отличить различные слои участников, одни из которых идут впереди, а другие позади, одни из которых понимают и пропагандируют значение общего, великого, другие — не идут еще дальше элементарного и частного. Если взять, например, большинство летних и осенних экономических забастовок нынешнего года, то легко убедиться, что для них «действительным исходным пунктом» были требования, если хотите, даже еще более элементарные, чем требование свободы коалиций. Только в нескольких экономических стачках (Варшава и некоторые другие города) забастовавшие определенно требовали свободы профессиональных союзов и т. п. Большинство забастовок, например, в текстильной промышленности характеризуется «формулами» вроде: «невыносимо строгая браковка», «не обращаться, как со скотами», «не бить», «не понижать больше расценок», или — в лучшем случае: — «повысить расценок» (прежде пониженный на 30—40%) на 10% и т. д. «Движение» сделало такой огромный шаг назад, что теперь вынуждено начать с борьбы за «право не голодать», начать с малого, робко, исподволь *). Но что из этого следует. Только слепые могут не видеть того факта, что, несмотря на колоссальный шаг назад, современное «движение» открывает огромное поприще для проповеди обобщенного, широкого, цельного. Только слепые могут не видеть,

*) Впрочем, во всяком капиталистическом обществе всегда будут налицо условия, заставляющие то одни, то другие слои рабочих «начинать» имеющую самое важное и коренное значение экономическую борьбу.

что среди «движущихся» существует и растет авангард, понимающий всю важность этого обобщенного и широкого, готовый на всякие жертвы, чтобы только сделать достоянием отставших ценности этого общего и великого; понимающий, что и самое-то частное (ну, хотя бы та же свобода коалиций) не может быть достигнуто без борьбы за общее, без выдвигания на первый план именно этого общего. Сознательные выразители бессознательного процесса всегда ставили себе целью быть идеологами авангарда, а вовсе не какой-либо другой части «движущихся». И поэтому, если бы встарь экономисты, а ныне ликвидаторы даже и были правы в своей ультра-пессимистической оценке фактов, — выводы этих противников марксизма все же оставались бы неверными, и марксисты и в этом случае не могли бы прекратить своей борьбы с «экономизмом» и «ликвидаторством».

Лозунг «борьба за право коалиции», в том его изолированном, оторванном виде, в каком его преподносят ликвидаторы, в его противопоставлении «несбыточным» мечтам «утопистов» о цельном и общем, — конечно, примут и принимают с распростертыми объятиями либералы. И понятно, почему: в таком виде этот лозунг и есть либеральный лозунг... Ликвидаторов это обстоятельство, однако, не только не смущает, а даже наоборот — воодушевляет. «Великий блок» с либеральной буржуазией для них — как и для германских ревизионистов — уже давно является заветным идеалом. Но кроме того им, как «реальным политикам» (правда, ничего не понимающим в реальном соотношении общественных сил), улыбается еще следующая перспектива: если нашу формулу «борьба за право коалиций» поддержат и либералы, то тем скорее, дескать, это право будет завоевано; если мы выберем линию наименьшего сопротивления для буржуазии, — тем больше, дескать, шансов на успех. Вы не верите? Вы думаете, что мы клевещем на ликвидаторов? Послушайте одного из признанных вождей ликвидаторства — Ф. Дана! Он пишет: «Недаром же при первых же признаках оживления стачечной борьбы вся пресса капиталистической буржуазии, с органом Совета Съездов во главе, заговорила о необходимости дать больший простор профессиональным союзам рабочих,... эта фраза (т.-е. фраза «капиталистической буржуазии» — *Г. З.*) показывает, в каком направлении лежит линия наименьшего сопротивления буржуазии по отношению к требо-

ваниям рабочих. (Курсив наш. — Г. З.) И то, что линия эта лежит именно в таком направлении, облегчает борьбу рабочих за право организаций».

Итак, «движущиеся», — в своем «движении» ищите паче всего линии «наименьшего сопротивления» для «капиталистической буржуазии», — сим победиши!.. Жаль, жаль, что «движение» не всегда внимает благим советам ликвидаторов. Ведь в 88% тех же летних экономических забастовок «действительным исходным пунктом» которых, по мнению Ф. Дана, была «борьба за право коалиций», — главными требованиями были требования: увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Как же быть с подобного рода требованиями. Ведь они, пожалуй, идут вовсе не по «линии наименьшего сопротивления» для «капиталистической буржуазии», как не шли они — к огорчению либералов и ликвидаторов — и в «безумный» год. Уж не лучше ли отказаться и от этих требований, господа ликвидаторы? Если вы будете последовательны и логичны, вы должны притти именно к отказу и от экономических требований, по крайней мере — тех, которые не идут по линии «наименьшего сопротивления» для буржуазии. Все равно ведь — «выше лба уши не растут». Как-нибудь и в этой области надо найти базу для «соглашения с капиталистической буржуазией». Зато, когда найдена будет линия «наименьшего сопротивления», «маленький», но «реальный» успех будет обеспечен. «Медленным шагом, робким зигзагом»...

Когда то в знаменитом «Credo» предки ликвидаторства, — господа Прокопович и Кускова — писали: «Линия наименьшего сопротивления у нас (т.-е. у нас, в России — *Г. З.*) никогда не будет направлена в сторону политической деятельности». Нынешние последователи г-на Прокоповича и г-жи Кусковой не так... просты и не так откровенны. О, они никогда не скажут пролетариату, что ему не нужно участвовать в политической борьбе, так как сама эта борьба не представляет-де для него линии наименьшего сопротивления. Но ведь и английские либералы (да и наши кадеты) ничего не имеют вообще против участия рабочего класса в политической борьбе. Они только — вместе с Ф. Даном — рекомендуют ему в этой политической борьбе ограничиваться такими частными, изолированными лозунгами и требованиями, которые представляют собою линию «наименьшего сопротивления» для «капиталистической буржуазии»...

Нечего и говорить о том, что русские марксисты не имеют ничего общего с этой ликвидаторской подстановкой частного вместо общего, с этим полу-либеральным выдвиганием детали вместо целого. В пору идейного разброда, в пору всеобщей дряхлости и шатаний марксисты должны найти в себе силы отстаивать с тем большей энергией накопленные с таким трудом ценности целого, общего, должны найти в себе силы — остаться марксистами.

И это, конечно, не значит, чтобы марксисты должны были презрительно проходить мимо частностей и деталей, чтобы они имели право горделиво махать рукой на повседневные нужды и заботы представляемого ими класса. Ничуть. Марксисты должны были уделять, уделяли и уделяют должное внимание и якобы «серой» и «будничной» (на взгляд фразеров) борьбе за «копейку на рубль». Они должны, разумеется, уделять свое внимание и борьбе за свободу коалиций вообще и профессиональных организаций в частности. Они должны, например, всем, чем могут помешать проведению в жизнь нового «проекта правил о профессиональных союзах», вносящего ряд существеннейших ухудшений *) даже в действующие (вернее, бездействующие) «правила 4-го марта». Но ко всему этому они относятся, конечно, с точки зрения общего, по-марксистски, а не по-ликвидаторски, не по-либеральному...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 3 журнала «Мысль», за февраль 1911 г.

---

*) Главные ухудшения таковы: 1) по новому проекту из числа задач профессиональных союзов прямо исключается «улучшение условий труда», т.-е. одна из главных задач профессиональных организаций; 2) страшно усиливается административная опека над союзами (союзы обязаны представлять списки членов и т. п.); 3) в союзы безусловно не допускаются «посторонние», кроме ... предпринимателей; 4) рабочий, по той или иной причине лишившийся работы, перестает быть членом профессионального союза; 5) вводится возрастный ценз при выборах в органы управления профессиональных союзов и при вступлении в члены союза, и т. п.

НУЖНА ЛИ ОБЩЕПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (1).

К положению дел в партии.

На этот вопрос, конечно, мы отвечаем утвердительно. Еще год тому назад Ц. К. нашей партии после своего пленарного собрания писал: «Необходимость скорейшего (курсив Ц. К.) созыва общепартийной конференции, мы уверены, никем из партии оспариваться не будет» *). Нет сомнения в том, что теперь, через год, наша партия еще более нуждается в том, чтобы собрать и сплотить свои силы, обсудить на общепартийной конференции целый ряд вопросов, еще более повелительно требующих разрешения. Общепартийная конференция необходима, и чем скорее, тем лучше. На этот счет не может быть двух мнений.

Не будем входить в рассмотрение того, почему конференция не состоялась в течение истекшего года. Не будем бередить чересчур еще свежих ран. Нам кажется вполне несомненным одно: несмотря на очень тяжелое положение партии, в данный момент существуют и факторы, способствующие осуществлению конференции больше, чем, положим, год тому назад. Это — по двум причинам.

Во первых, — в силу начавшегося оживления экономической борьбы и политической жизни. При полном отсутствии чрезмерного оптимизма нельзя не признать того, что летние и осенние забастовки, захватившие больше 100 тысяч рабочих, политические демонстрации в связи со смертью Муромцева (2), Л. Н. Толстого (3) и тюремными трагедиями (4) — известные слои рабочих все же всколыхнули. Несмотря на все преследования против профессиональных организаций рабочих, мы можем отметить за последнее время такие успехи, как появление двух тысяч членов профессиональных союзов в таких городах, например, юга России, где, казалось бы, выметено было все до тла. Мы видим рядом с этим серьезный поворот в сторону большей партийности и с.-д. выдержанности среди некоторых очень важ-

*) Пленум Ц. К. в общем и целом одобрил тот проект созыва конференции, который изложен был за несколько месяцев до пленума от имени совещания большевиков в № 50 «Пролетария».

ных с.-д. групп, действующих на легальной арене. Мы видим, что в большинстве пока еще разоренные нелегальные партийные группы, руководимые самими рабочими, начинают шевелиться, искать связи друг с другом, начинают осиливать все те невероятные трудности, которые стоят на пути к планомерной политической работе. Удушливая контр-революционная атмосфера начинает несколько разрежаться. Это должно облегчить нам выполнение очередного организационного дела, — созыв общепартийной конференции.

Во-вторых, этому, т.-е. созыву конференции в сравнительно близком будущем, могла бы содействовать и наступившая большая определенность относительно идейно-политических направлений внутри социал-демократического лагеря. За год, истекший со времени пленума, мы накопили не мало «опыта». Вполне определилось бунтующее ликвидаторство, — течение, открыто подымающее свое полу-либеральное забрало, не стыдящееся называть себя ликвидаторством. Среди деятелей рабочего движения, оперирующих на легальной арене, произошло уже сравнительно ясное размежевание на партийцев и на антипартийцев. Контуры реально возможного объединения между отдельными фракциями обрисовались со значительной определенностью. Сближение между двумя фракциями, большевиков и меньшевиков-партийцев, — стало фактом. На кого может и на кого не может рассчитывать наша «старая» партия, — должно было стать виднее для многих и многих из тех, кто раньше хотел «примирить» вся и все. Бо̀льшая ясность во внутрипартийном положении, накопленный внутрипартийный опыт могли бы в свою очередь помочь нам решить очередную организационную задачу. Если бы... если бы, конечно, нам не предстояло «организовать» нового, достаточно невеселого «опыта»: если бы партия не встретилась теперь с новым внутренним препятствием — с «тройственным союзом» голосовцев, впередовцев и Троцкого ([5]), агитирующим за антипартийную и раскольническую конференцию.

Какая же конференция нужна партии, из кого должна она состоять? Центральный Комитет (пленум) в своем письме к партийным организациям дал на этот счет вполне определенный ответ. Конференция должна быть «чисто партийной». Кроме нелегальных, чисто партийных организаций, должны получить дополнительное представительство и «партийные» (курсив Ц. К.) группы в легальном рабочем движении. И — подчеркивает

Ц. К.—дополнительное представительство должно распространяться только на «действительных партийцев», только на тех деятелей легального движения, которые «ничего общего не имеют с теми, кто в легальных рабочих организациях борется против «старой» Р. С.-Д. Р. П., кто проповедует отказ от революционных традиций, программы и тактики нашей партии и деморализует рабочую среду проповедью легализации рабочего движения во что бы то ни стало» *). За последнее время развелось много сторонников якобы общепартийной, а на самом деле антипартийной и раскольничьей конференции. Интересно бы знать, как относятся они к этому кардинальному указанию Ц. К. насчет состава конференции?

Взять хотя бы Троцкого, беспринципность которого так хорошо используют ликвидаторы и впередовцы (отзовисты).

В своей агитации за якобы общепартийную конференцию Троцкий по вопросу о составе выдвинул следующее положение: «установление какого бы то ни было фракционного ценза при выборах на конференцию должно быть заранее отвергнуто». Если бы Троцкий хотел этим сказать, что в общепартийной конференции должны принять участие партийцы всех фракций — и большевиков, и меньшевиков, и «националов», и «примиренцев» — он был бы прав. Троцкий говорит не это. Троцкий называет «фракционной» борьбу с ликвидаторами и отзовистами. Каждый рабочий, к которому Троцкий обратится с агитацией за свою, т. е. троцкистско-впередовско-голосовскую конференцию ([6]), вправе спросить Троцкого: ну, хорошо, «фракционного ценза» не надо, но партийный-то «ценз» вы признаете или нет? Как вы относитесь, например, к г. Потресову и его группам? полагаете ли вы, например, что именно они «ничего общего не имеют с теми, кто борется против «старой» Р. С.-Д. Р. П.» и т. д.? Слышали ли вы, тов. Троцкий, например, что еще совсем на-днях ваш политический союзник (если не политический патрон) г. Потресов объявил нашу «старую» партию «гиблым местом» **). Решитесь ли вы, тов. Троцкий, отрицать тот факт, что именно г. Потресов и сгруппировавшиеся вокруг него бывшие члены

*) Эта и следующие цитаты заимствованы из письма Ц. К., напечатанного в № 11 Ц. О. Письмо было принято единогласно. В комиссии, составлявшей его, участвовал и Л. Мартов, голосовавший за него.

**) См. в № 10 органа бывших социал-демократов, «Нашей Зари», ст. «О Плеханове».

нашей партии занимаются «проповедью легализации рабочего движения во что бы то ни стало»? Отважитесь ли вы отрицать, что ликвидаторы безусловно проповедуют отказ от революционных традиций, программы и тактики нашей партии? До сих пор вы это отрицать не решались, хотя... хотя и помогали ликвидаторам всем, чем могли! Вы очень любите уверять читателей, т. Троцкий, будто именно вы целиком отстаиваете позицию пленума (7). Не отгадаете ли вы, кого же имел в виду Ц. К., когда писал, что нам нужна такая именно конференция, которая дала бы «нам возможность с наибольшим успехом бороться против многочисленных врагов нашей партии, против размножающихся с каждым днем дезертиров и ренегатов, против подымающего голову российского ревизионизма»? *) и т. д. Или и Ц. К. повинен в злокозненном изыскании «фракционных цензов»? Когда Ц. К. указывал, что о легальных деятелях «наши местные работники будут судить не только по словам, но и по их делам», он, очевидно, защищал «фракционность»! Когда вы, т. Троцкий, говорите о вреде «фракционного ценза», вы, очевидно, защищаете «партийность»! Так что ли, т. Троцкий? Не даром же так успешно идет ваш блок с ликвидаторами, не даром же все труднее становится отличить вас от них. Нет, как ни подорваны силы нашей партии, она будет искать помощи не у «дезертиров и ренегатов», не у «подымающего голову российского ревизионизма». Состав нашей конференции — мы в этом глубоко убеждены — будет партийным, вопреки всем усилиям сознательных и бессознательных врагов партии.

Мы переживаем своеобразный переходный момент. Обширные круги бывшей с.-д. интеллигенции уже подпали под разлагающее влияние буржуазной идеологии, но еще не решаются окончательно порвать всякую связь с с.-д., которая, несмотря на все удары контр-революции, владеет умами очень широких рабочих масс. Все эти бывшие с.-д. инстинктом чувствуют, что свою работу разрушения с.-д. партии они могли бы успешнее всего выполнить изнутри ее. Совершенно так же, как в свое время анархисты — тоже вовсе не по какому-нибудь холодному расчету — сознавали, что им выгоднее всего разрушать Интернационал, оставаясь внутри его... Передовые рабочие России сумеют понять эту опасность и избавить от нее свою партию.

*) См. № 11 «Социал-Демократа».

Все те, которые и до сих пор работали в нелегальных и легальных организациях под знаменем старой Р. С.-Д. Р. П., все те, кто ценит принципы революционного марксизма, должны теперь больше, чем когда-либо, сомкнуть ряды и направить нашу работу на путь, чуждый уклонениям как справа, так и «слева», чуждый как ликвидаторству, так и отзовизму.

Чем должна заняться, т.-е. каков должен быть порядок дня партийной конференции? Расхождение с антипартийным «тройственным» союзом и на этот счет намечается вполне ясно. Союз этот настаивает на том, чтобы конференция занялась только так называемыми «практическими», «деловыми» вопросами и избегала бы общих, принципиальных вопросов. Это и понятно! «Блок», построенный на беспринципности, не может и прикоснуться ни к одному серьезному принципиальному вопросу, чтобы не разлететься вдребезги. Поэтому, если бы партийная конференция вздумала, например, заняться определением принципиального отношения марксистов к ликвидаторству, Троцкий наверное закричал бы: «долой политику фракционного ценза»! Он бы, конечно, не догадался, что на деле это значило бы провозглашать: «да здравствует политика г. Потресова»! Мы на этот счет стоим на точке зрения Ц. К., писавшего, что конференция должна заняться не только «теми вопросами, которые будут наиболее злободневны к моменту открытия» (т.-е. теперь, например, вопросом о выборах в IV-ю Думу, тактикой экономической борьбы, вопросом о профессиональной печати и проч.), но и «более общими вопросами о пройденном пути, открывающихся перспективах и т. д.» *).

Наконец, последний вопрос: кто должен созвать конференцию для того, чтобы она была действительно партийной. Ответ партийцев на этот счет совершенно ясен: конференцию должен созвать Центральный Комитет нашей партии. Но Ц. К. нет,—кричат нам со всех сторон, не скрывая своей радости, ликвидаторы. Мы говорим на это рабочим-социал-демократам: Центр. К-та нет, помогите его воссоздать! Центральный Комитет срывают ликвидаторы и их помощники, — отведите руку, срывающую Ц. К. нашей партии! Конференция нужна, конференция необходима, но не конференция раскола, созываемая Троцким, ликвидаторами и отзовистами,

*) См. № 11 «С.-Д.», письмо Ц. К.

а конференция, которую должен созвать восстановленный при помощи передовых рабочих Ц. К., опирающийся на поддержку действительных партийцев без различия фракций. «Невозможно и недопустимо пассивно дожидаться восстановления Ц. К.», — говорит в одной из своих резолюций по поводу конференции Троцкий. Это, конечно, справедливо. Одни из этого делают тот вывод, что необходимо на местах заняться подготовительной работой по созыву конференции, что надо **активно** поддержать все попытки партийцев восстановить Ц. К. и организовать активный отпор врагам партии на всех поприщах нашей как нелегальной, так и легальной деятельности. Другие весьма активно творят волю пославших их ликвидаторов и отзовистов. Социал-демократы - **партийцы** всех течений и всех наших национальных организаций сумеют сделать правильный выбор.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Нужна ли общепартийная конференция?» — статья из № 19 - 20 «Социал-Демократа» за 1911 г.

[2]) Смерть Муромцева в 1910 г.

[3]) Смерть Л. Н. Толстого, 20 ноября 1910 г., всколыхнула студенчество, которое провело ряд собраний под лозунгом борьбы против смертной казни. Движение сопровождалось забастовками протеста в учебных заведениях.

[4]) Тюремные трагедии — самоубийство Сазонова и других вследствие их истязаний на каторге — вызвали бурный протест (студенческие демонстрации с участием рабочих).

[5]) Троцкий создавал фракцию вокруг своей венской «Правды», блокируясь с ликвидаторами и отзовистами.

[6]) К этому времени уже вполне выяснилось, что все антибольшевистские группировки тогдашнего времени: сторонники группы «Вперед», сторонники тов. Троцкого, сторонники «Голоса с.-д.» объединяются для того, чтобы созвать свою собственную конференцию против Ц. К. партии.

[7]) Последний общий с меньшевиками пленум Ц. К. состоялся в Париже летом 1910 г. На этом пленуме политически победили непримиримые большевики во главе с тов. Лениным, проведшие принципиальное решение против отзовизма и ликвидаторства. Организационно же на этом пленуме победили примиренцы, которые провели амнистию для меньшевиков и ряд организационных уступок им в надежде, что таким образом они лучше всего спасут партийное единство. На деле меньшевики воспользовались этими организационными уступками, чтобы начать еще усерднее разлагать партию.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ [1]?

(О положении дел в нашей партии и задачах партийцев).

> «Главное теоретическое препятствие для дальнейшего развития нашего рабочего движения на основах социал-демократии лежит теперь в недрах ее самой, в анти-социал-демократических взглядах, распространяемых под ее флагом».
>
> Из объявления о возобновлении изданий Группы «Освобождения Труда»: подписано П. Аксельродом и Г. Плехановым.

Нет ничего более исторически закономерного, как то, что в течение всей нащей революции во главе всей революционной армии шел российский пролетариат, а во главе всего российского пролетариата — Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Нет ничего более закономерного, как тот факт, что, когда контр-революционерам удалось отразить первый натиск революционного народа, они с ожесточением и яростью, с каннибальской мстительностью и скрежетом зубовным, обрушились прежде всего на руководителей революции — рабочий класс и его партию. В предреволюционную эпоху на нашей улице был праздник — пролетариат и его партию превозносили, за ними ухаживали. Теперь нам мстят за доставленные беспокойства, теперь отряхают прах с своих ног те пришельцы из среды так называемого «общества» и буржуазной интеллигенции, которые раньше спешили к нам целыми стаями. Теперь недавнюю властительницу дум — социал-демократию — лягают и в литературе, и в искусстве, и в политике, и с университетской кафедры. Теперь только ленивый не ущипнет и не подставит ножки загнанной в подполье социал-демократической партии.

Как отразилась победа контр-революции в среде самого рабочего класса? Она и здесь не прошла незаметно! Смешно было бы отрицать. Однако удивляться надо не тому, что контр-революции удалось-таки внести известное разложение в некоторые слои пролетариата, а тому, что ей удалось это сделать в сравнительно столь небольших размерах.

Если искать хотя бы отдаленных исторических параллелей, то тот страшный разгром, который пережил недавно рабочий класс России, можно сравнить разве лишь с той кровавой баней, которую принесло французскому пролетариату поражение Коммуны 1871 года. Во многих отношениях разгром, пережитый нами, был, пожалуй, еще тяжелее, еще мучительнее. Что же? Сравним настроение французского пролетариата после поражения Коммуны и настроение российского рабочего класса после поражения революции 1905 года! Сравним отношение к социализму и социалистической партии со стороны французских рабочих после 1871 года и со стороны русских рабочих после 1905 года! Было отчего прийти в отчаяние, если посмотреть на французских рабочих непосредственно после поражения Коммуны! Казалось, банкротство социализма — полное. Возрождение разбитых в 1871 г. рабочих организаций шло явно под флагом буржуазии. Уныние и разочарование, с одной стороны, буржуазные влияния, с другой стороны, настолько глубоко проникли в самую толщу французского пролетариата, что на так называемых «чисто рабочих» съездах, которые устраивались по инициативе буржуазных политиков, французские рабочие неоднократно выносили (подавляющим большинством голосов) чисто ренегатские резолюции, пропитанные духом явного отречения от социализма. Правда, это не мешало тому, что через несколько лет эти же «рабочие съезды» косвенно помогли основанию социалистической партии Франции, что, конечно, в расчеты буржуазных организаторов этих съездов не входило. Но факт остается фактом: понадобился почти десяток лет для того, чтобы французские рабочие оправились от удара, нанесенного им поражением Коммуны, и сорганизовались в свою собственную рабочую партию.

Сравните же это с тем, что мы видим в России! Вы изумитесь стойкости, упорству, героизму, преданности социалистическому знамени российского пролетариата. Как ни тяжела была внешняя политическая обстановка для французских рабочих непосредственно после Коммуны, но наша третьеиюньская обстановка, лишившая русских пролетариев малейших крох политической свободы, — куда труднее. И все же — все же наш пролетариат не только не отрекается от социализма, но, наоборот, идейно он, как признают сами господа буржуа, остался душой и телом с социал-демократией. Даже в 3-ю черносотенную Думу российский пролетариат, вопреки столыпинскому избирательному закону

3-го июня, послал всех депутатов от рабочих и подавляющее большинство выборщиков от рабочих — социал-демократов, членов Р. С.-Д. Р. П.

Конечно, контр-революция и для нашего пролетариата и нашей с.-д. партии не прошла даром. Она принесла нам новую анти-социал-демократическую партию, стремящуюся получить влияние среди рабочих. Мы говорим о тех бывших социал-демократах, которые теперь строят новую легальную будто бы «рабочую» партию и предлагают рабочим уничтожить, ликвидировать нашу старую, революционную и теперь по необходимости нелегальную социал-демократическую партию. Ничто, кажется, не свидетельствует столь наглядно о том обаянии, которым пользуется наше революционное социал-демократическое знамя среди рабочих, как тот факт, что даже ликвидаторы стремятся хотя бы по внешности примазаться именно к этому знамени. Российские легалисты и ликвидаторы, само собой разумеется, ничего общего не имеют с социал-демократией. Ликвидаторы — просто-на-просто бессознательное орудие в руках либеральной буржуазии. Их объективная задача — совлечь рабочих с пути революции и социализма на путь «законной» и мирной борьбы «за легальность», за мелкие реформы в рамках приемлемого для буржуазии и Столыпина. Тем не менее, эти люди, поскольку они обращаются к рабочим, стараются делать вид, будто и они — социал-демократы, будто и они принадлежат к с.-д. партии. Почему это? Чем объяснить подобное явление? Неужели только тем, что среди ликвидаторов попадаются и старые деятели нашей партии и что лично у этих бывших социал-демократов прочные с.-д. традиции? Или неужели простым лицемерием, личным коварством изменивших с.-д. знамени ликвидаторов? Конечно, нет.

Ликвидаторы инстинктивно сознают, что русские рабочие немедленно отвернутся от такой политической группы, которая открыто отречется от Р. С.-Д. Р. Партии, руководительницы рабочих масс на протяжении всей революции. Они чуют, что наша партия пустила слишком глубокие корни в среде рабочих, чтобы можно было безнаказанно выступать открыто против нее. Они отдают невольную дань социал-демократии, выжидая «лучших» (лучших для противников с.-д.) времен, как отдают невольную дань социализму, скажем, и французские либеральные буржуа, присваивающие себе кличку «радикал-социалистов», «независимых социалистов» и т. п. Эти французские буржуа

тоже весьма «чутки». Они хорошо знают, что среди пролетариев и полупролетариев, среди крестьянской бедноты и т. д. знамя социализма пользуется большим обаянием. Почему же под этим самым знаменем не понести буржуазных идей в среду недостаточно сознательных рабочих масс?

Подобная тактика врагов социализма может обрушиться на их собственные головы. Заигрывания с рабочими не проходят даром, — это показала в России еще пресловутая Зубатовщина (2). Наш российский социалистический пролетариат, конечно, сумеет без особых осложнений обезопасить себя от язвы ликвидаторства, как и от всех других буржуазных течений. Но это только в одном случае: если все мы, если все русские «социал-демократы» сознаем грозящую опасность, если мы откажемся от иллюзий, если мы взглянем правде в глаза и выскажем то, что есть. У нас в России теперь две партии, борющиеся за влияние на рабочих: одна — старая Р. С. Д.-Р. П., настаивающая на своей старой марксистской программе и своих неурезанных революционных требованиях, другая — новая, ликвидаторская, действующая применительно к столыпинской легальности партия, отказывающаяся от программы и тактики с.-д., проводящая буржуазные влияния, но в своих политических интересах сохраняющая еще пока «социалистическую» фразеологию.

* *
*

У нас две партии, — таков факт, такова реальность, таково *партийное бытие*. А партийное сознание все еще не учло окончательно этого факта, все еще отказывается с полной определенностью зарегистрировать этот факт и сделать из него соответствующие выводы. Ведь факт этот так печален, так тягостен...

Однако, политика страуса, прячущего голову в песок, менее всего годится для революционных социал-демократов. От того, что мы будем стараться не видеть печального факта, факт этот не исчезнет. А кто же, не закрывая глаз, может не видеть, что ликвидаторские журналы «Наша Заря», «Дело Жизни» и «Голос С.-Д.» создают новую партию, ничего общего с Р. С.-Д. Р. П. не имеющую? Откройте любой номер этих журналов, прочтите, с другой стороны, корреспонденции с мест в наших нелегальных газетах, перелистайте журналы и газеты наиболее чутких буржуазных групп, следящих за жизнью с.-д. в России. Возьмите хоть факты последних дней. Сегодня г. Смирнов на допросах хвастается перед жандармами, что Р. С.-Д. Р. П. уже

нет, что она уже ликвидирована *). Выполнивши этот гражданский долг, г. Смирнов спешит опубликовать об этом специальное интервью в кадетской газете «Речь». Завтра ликвидатор Ларин (3) открыто зовет рабочих покинуть ряды нашей нелегальной партии. Послезавтра ликвидатор Б. Оленин требует, чтобы агитация по законопроекту о страховании рабочих велась только легалистами без всякого участия нашей нелегальной партии. Вчера «Наша Заря» заявила, что на выборах в 4-ю Думу ликвидаторы будут выставлять своих кандидатов против Р. С.-Д. Р. П. Сегодня в Петербурге, в Выборгском районе, какой-то «видный» ликвидатор пошел в «подполье», явился на нелегальное собрание, но только для того, чтобы потребовать от рабочих уничтожения нашей партии. В Екатеринославе группа ликвидаторов приняла официальную резолюцию о том, что она против образования в этом городе—одном из крупнейших центров рабочего движения—партийной с.-д. группы и против установления связей с партийными учреждениями. В Киеве ликвидаторы, господствующие в одном легальном обществе, прямо травят наших товарищей (рабочих меньшевиков-партийцев) за то, что эти последние имеют преступное намерение проповедывать в этом обществе идеи социал-демократии. В Москве ликвидаторы не останавливаются перед расколом тех профессиональных союзов, которые не поддаются анти-социал-демократическим и антипартийным влияниям. Заграничные ликвидаторы срывают окончательно Ц. К. партии и выпускают уголовного типа брошюры (4) и листки, имеющие целью подорвать доверие к партии, и т. д. и т. д. Есть ли возможность перед лицом таких фактов (не говорим тут о десятках и сотнях других, не менее вопиющих фактов) не видеть того, что ликвидаторы отделились от нашей партии и образовали другую, новую организацию? К чему придем мы, если мы будем закрывать глаза на подобные факты? Не явимся ли мы в таком случае простыми сообщниками ликвидаторов в их работе по разрушению нашей партии?

Все вести, идущие из России, с несомненностью доказывают, что в России, на местах, в так называемых партийных «низах»,

---

*) Через несколько недель этот господин напечатал «опровержение». Он, видите ли, не сказал, что Р. С.-Д. Р. П. нет, а лишь сказал, что Петербургской организации нет. Это—жандармам-то! Нечего сказать — поправился: из кулька в рогожку...

размежовка между партийцами и ликвидаторами уже почти закончена. Там и в голову не приходит ни одному партийцу — будь он большевик или меньшевик — говорить о «примирении» и об «единстве» с отделившимися от местных партийных групп ликвидаторами, которые образовали свои особые организации. Там всякий партиец каждый день убеждается, что в лице этих новых групп он имеет дело с прямым врагом социал-демократии, что перед ним конкурирующая организация, ставящая себе целью раздавить и уничтожить якобы «устаревшее» и якобы «реакционное» подполье, т.-е. в том числе и нашу Р. С.-Д. Р. П. Там каждый рабочий воочию видит перед собой противника, зачастую в материальном отношении весьма недурно вооруженного и готового на борьбу с нашей партией не на живот, а на смерть. Примирение с этаким противником равносильно капитуляции партии перед ним,—этого не может не понимать всякий сознательный рабочий. Где же тут думать об «единстве» или «соглашении» с подобным врагом? Тут думать только о том, как бы дать отпор врагу, как бы защитить от его ударов партию, чтобы затем от обороны перейти к наступлению. Наши так называемые «низовые» партийные ячейки—заводские группы, фабричные кружки — в силу того, что они ближе всего стоят непосредственно к рабочим массам, к здоровой пролетарской стихии, — во многих местах сохранили всю силу сопротивления разлагающим влияниям. Они не дали себя заразить «терпимостью» (5) к «социал-демократическим октябристам» (6), как метко назвал ликвидаторов тов. Плеханов, или к «столыпинским социал-демократам», как назвали бы их мы. Они, наоборот, усвоили себе здоровую рабочую нетерпимость к противникам социал-демократии, и они, как нечто само собой разумеющееся, признают необходимость «изолироваться» (7) от ликвидаторов и заботиться исключительно об единстве против них, а не об единстве с ними.

Не то — в «верхних» этажах нашей партии. По крайней мере до сих пор было не то. Последним официальным собранием руководящих органов нашей партии был пленум Ц. К. в январе 1910 г. Огромная, историческая заслуга этого пленума перед русским рабочим движением заключается в том, что он не послушался интеллигентских криков о необходимости «примирения» всего со всем и не прошел мимо ликвидаторства, чего, между прочим, усерднее всех добивались сами ликвидаторы. Пленум от имени всей

нашей партии высказал то, что есть, т.-е. что ликвидаторство (и отзовизм) есть буржуазное течение, есть порожденное контрреволюцией буржуазное влияние на пролетариат. Пленум пошел на ряд смягчений по внешним формулировкам, но суть дела он высказал прямо. Он признал, что идеология ликвидаторства есть идеология не пролетариата, а известных слоев буржуазии, стремящихся развратить рабочее движение. Он признал, что «неотъемлемым элементом с.-д. тактики» является борьба с этим буржуазным течением. Фундамент был заложен пленумом, как ранее декабрьской 1908 года партийной конференцией, совершенно правильно. В этом великая и прочная заслуга пленума.

В той организационной надстройке, которую пленум возвел на этом совершенно правильном базисе, далеко не все оказалось безошибочным. Скрывать это после нашего 1½-годового опыта невозможно. Если бы пленум теперь вновь собрался, он, мы уверены, первый признал бы свою ошибку в этой области.

Объяснимся. Ошибка пленума имеет две причины. Во-первых, когда собирался пленум, воинствующее ликвидаторство окончательно еще не сложилось и в России своей совершенно обособленной организации еще не создало (№ 1 «Нашей Зари» (8) вышел после пленума). Многим участникам пленума Ц. К. чудилось: авось еще минет нас сия чаша, авось дело ограничится отпадением только незначительного слоя бывших с.-д., авось не понадобится еще борьба по всей линии, авось до создания ликвидаторами своей особой партии дело не дойдет. Чтобы добиться осуществления подобной перспективы, стоило пойти на некоторые, особенно только организационные уступки. Во-вторых, и это главное, дело осложнилось той тактикой, которую повела заграничная часть ликвидаторов—голосовцы.

Теперь, по истечении полутора лет, уже всякому ясно, что, как превосходно выразился в Ц. О. товарищ Плеханов, среди ликвидаторов есть свои ликвидаторские Струве и свои ликвидаторские Милюковы. У кадетов типа Струве и кадетов типа Милюкова существует своеобразное разделение труда. Одни — откровенные веховцы (9) — откровенно и оплевывают все, чему раньше поклонялись, всенародно целуют сапоги Столыпину и публично отрекаются от всякой солидарности с демократией. Другие—веховцы менее откровенные — иногда даже слегка пожурят «искренних, но увлекающихся искателей новых путей», но по существу работают вместе и служат ту же службу богу контр-

революции. Так и голосовцы — заграничные ликвидаторы — по отношению к г.г. Потресову, Смирнову, Ларину, Левицкому, т.-е. по отношению к российским вождям ликвидаторской партии. У них тоже существует известное разделение труда. Одни борются против кажущейся им отжившей Р. С.-Д. Р. П. извне, т.-е. открыто выйдя из нее, другие — изнутри, делая вид, что они в ней остаются. Результат ли это холодного политического расчета или дело обстоит как-нибудь иначе, — для партии объективно результат один. Кто для партии опаснее и хуже — Милюковы от ликвидаторства или господа Струве от ликвидаторства, — сказать трудно. Вернее—оба хуже и оба опаснее.

Вот этого-то пленум не учел. Он доверился голосовцам настолько, что при построении центральных руководящих учреждений забыл совершенно о меньшевиках-партийцах, величайшей заслугой которых является их энергичная борьба с ликвидаторством. Голосовцы на пленуме, как известно, пошли так далеко в... милюковских методах политики, что голосовали там за резолюцию, осуждающую ликвидаторство, как буржуазное течение. Здесь было, конечно, явное злоупотребление доверием партии, ибо назавтра после пленума голосовцы ультимативно потребовали «прекращения постыдной борьбы с ликвидаторством». Это, опять-таки, совершенно ясно и бесспорно только теперь. Немногие участники пленума склонны были в январе 1910 года, т.-е. во время заседаний пленума, ожидать такого цинического злоупотребления доверием партийного учреждения. Как бы то ни было, а результат получился роковой. Пленум создал все учреждения в таком составе, что голосовцы без особого труда смогли либо вовсе сорвать, либо парализовать их работу, либо захватить их в свои руки и сделать их орудием своих ликвидаторских целей. Пленум хотел уничтожить существование в партии отдельных фракций, а создал режим, при котором существование фракций стало неминуемым. Никаких действительных гарантий от фракций впередовцев, голосовцев и Троцкого в том, что и они прекратят фракционное существование, пленум не получил. Устранив меньшевиков-партийцев от официального участия в руководящих партийных учреждениях и признав в этом смысле голосовцев представителями всего меньшевизма, пленум толкал лучшую часть меньшевиков к известному фракционному обособлению внутри партии. Оставив возможность впередовцам, голосовцам и Троцкому сохранить

все свое фракционное оружие, пленум заставлял большевиков — единственную фракцию, закрывшую свою газету «Пролетарий» и распустившую свою особую организацию — искать групповых средств для обороны партии от ликвидаторов и раздирающих ее фракций, поскольку официальные учреждения партии были парализованы участием в них голосовцев. Организационная уступка ликвидаторам привела не к их примирению с партией, а к тому, что они перешли от обороны к нападению. Партия дала голосовцам палец, — они ухватили всю руку.

Когда эта организационная ошибка выяснилась; когда г. Потресов ответил на уступки пленума заявлением, что партии «не существует», а «Голос» ответил усилением ликвидаторской агитации и пресловутой статьей Дана: «Борьба за легальность»; когда, одним словом, обнаружилось, что партия обойдена с тылу, — тогда члены Ц. К. — большевики-примиренцы (больше все ответственные за те организационные уступки, которые, конечно, bona fide([10]) сделал пленум голосовцам) — должны были признать свою ошибку. Они и признали ее и со своей стороны решили сделать все возможное, чтобы привести организационную надстройку в соответствие с идейной (анти-ликвидаторской) базой, чтобы сделать все практические выводы из нарождения новой, не с.-д., а ликвидаторской партии. Увы, — оказалось — уже было поздно. Третьеиюньская полицейская стихия, с одной стороны, ни перед чем не останавливающиеся приемы срыва *) учреждений ликвидаторами, с другой стороны, — привели к затяжной, озлобленной организационной борьбе, кончившейся пока что тем, что ликвидаторы свою программу-минимум осуществили: они — на время, по крайней мере — к стыду нашему, сорвали существование Ц. К. партии. Партийцам осталось искать иного выхода для защиты партии и восстановления центральных учреждений Р. С.-Д. Р. П. Этим выходом была частная инициатива оставшихся членов Ц. К., — то совещание членов Ц. К. ([11]), которое недавно состоялось и которое, мы уверены, послужит серьезным шагом к развязке, поворотным пунктом, знаменующим переход всех партийцев к активной борьбе с новой партией ликвидаторов, к решительному размежеванию с теми, кто хочет предать нашу партию проводникам буржуазного влияния на пролетариат.

* *

---

*) См., например, в этом же номере Ц. О. некоторые данные о срыве Ц. К. ликвидаторами.

Исходным пунктом внутрипартийных споров последнего времени являются решения совещания членов Ц. К. Говорят «о расколе», созданном будто бы этим совещанием. Голосовцы про себя посмеиваются над теми, кто верит их крикам о «расколе», усиленно эксплоатируют то здоровое само по себе стремление к единству партии, которое, конечно, очень распространено среди рабочих. Да и как не смеяться голосовцам? Когда их представитель в старом З. Б. Ц. К. (12) вышел в 1909 г. из этого, тогда строго-партийного учреждения, безусловно выполнившего все постановления Ц. К., тогда шаг этот был, повидимому, глубоко партиен. Когда теперь представитель большевиков порвал с З. Б. Ц. К., ставшим фактически агентурой ликвидаторов, голосовцы находят людей, поддакивающих им в том, что это шаг «к расколу» и что это неслыханное «нарушение дисциплины» и т. п. Пойманные на месте преступления, голосовцы бегут и кричат: «ловите вора»; сами создали новую партию, сами произвели раскол, сами сорвали все соглашения, сами не выполнили ни одного обязательства перед пленумом, сами все время ведут самую бесшабашную узко-фракционную политику, а еще решаются кричать *) о «фракционности» других и о нарушении дисциплины другими. Находятся люди, которые верят этим крикам, подхватывают и повторяют их. Правда, иногда голосовцы откровенно пробалтываются, что разговоры о дисциплине для них только прикрытие, а суть в том, что в мутной воде они надеются утопить принципиальные споры и создать более подходящие условия для победы «новых форм» рабочего движения (См. Листок «Голоса» № 2), т. е. для победы ликвидаторов. Главный прием в политике голосовцев, это — прикинуться «примиренцами», изобразить

*) Для той же цели заметания следов голосовцы выхватывают отдельные эпизоды из внутрипартийной борьбы и ими гипнотизируют слушателей. Пример—шум, поднятый вокруг «поступка т. А.» (13). «Преступление» этого товарища, как известно, заключалось в том, что деньги, которыми по постановлению пленума распоряжаются «держатели» (14) (Каутский, Меринг, Цеткин), он после разрыва большевиков с З. Б. Ц. К. отдал, на основании договора большевиков с З. Б. Ц. К., именно этим «держателям». «Преступление» держателей (держатели превысили свое полномочие, — пишет З. Б. Ц. К. в своем «Листке» № 1, стр. 7) состоит в том, что они денег не отдали голосовцам. Казалось бы,—дело ясное. Однако, даже и в данном случае голосовцы сумели-таки ввести в обман порядочное количество публики.

из себя самых горячих сторонников «единства» и вопить о расколе».

Разберем же этот довод относительно «раскола». Кто с кем раскололся? Что мы имели до сих пор — единство или раскол? Ликвидаторы (в том числе и голосовцы) вот уже около двух лет как откололись от партии. Пусть нам назовут хоть одну местную нелегальную, действительно партийную организацию, в которой голосовцы работали бы вместе с партийцами! Никто такой организации не назовет. Зато противоположных примеров — сколько угодно. И на легальной и на нелегальной арене (последнею ликвидаторы пользуются в такой же мере, как кадеты) ликвидаторы отделились от партийцев. Это — факт, который знает всякий работник в России, который отрицать можно либо из полного незнакомства с положением дел в России, либо из лицемерия. При таких условиях говорить о единстве! Единство — хорошо. Но с кем? Ликвидаторы в России окончательно развязали себе руки и с решениями Партии считаются так же, как с прошлогодним снегом. Остаются ликвидаторы заграничные — голосовцы. Они — вполне за «единство», понимая это единство так, что им должна быть предоставлена полная свобода взрывать нелегальную Партию изнутри. Сколько раз, должно быть, различные Даны в кругу своих тесных единомышленников посмеивались: ну и долготерпеливы же эти партийцы: что ни делай с их Партией — они все сносят; этакую смиренно-кроткую Партию и сам бог велел слопать... Надо сознаться: г.г. Даны и их друзья имели серьезные основания для подобных издевательств.

Русские рабочие! Когда вам будут говорить о «расколе», спросите говорящего: о каком расколе идет речь? О расколе с ликвидаторами, давно создавшими свою новую партию? Расскажите вашему собеседнику то, что вы давно знаете! — Что фактический раскол с ликвидаторами уже давно налицо, что ликвидаторы уже давно создали на местах свои особые организации, борющиеся против нашей Партии. Не забудьте также рассказать, сколько раз вы на своей практической работе ощущали весь вред, всю губительность той недостойной игры в примирение с ликвидаторами, которая велась заграницей, которая тормозила работу партийных учреждений, которая привела к тому, что вы, разбросанные по всем городам и селам работники партии, оставшиеся верными ее знамени, оставлены без всякой помощи со стороны центральных учреждений партии, и

которая, главное, затушевывала, затемняла перед рядовыми рабочими действительный характер новой ликвидаторской партии! Нет, позорную игру пора кончить! Терпимость — хорошая вещь, но не терпимость к врагам социал-демократии. Единство — превосходная вещь, но не единство с ликвидаторами. Мир в Партии — отличная вещь, но не мир с голосовцами, проводящими буржуазное влияние на пролетариат! Пусть терпят, пусть объединяются, пусть мирятся с голосовцами кто угодно. Мы на это не пойдем. Мы спрашиваем всех рабочих, всех членов Р. С.-Д. Р. П.: хотят ли, позволят ли они еще ликвидаторам топтать грязными ногами знамя нашей Партии, видят ли они еще какой-нибудь толк в продолжении игры с людьми, решительно с с.-д. порвавшими?

Отдельным группам и кружкам особенно труден разрыв с отдельными лицами, бывшими выдающимися с.-д., а ныне ставшими вождями ликвидаторов. Может ли быть, чтобы такой то, имя-рек, столь много сделавший для Партии, теперь отрекся от нее, — приходится слышать иногда. Не только может быть, а уже есть. К сожалению, к горести нашей, но это — факт. Так было, так будет. Эдуард Бернштейн *), друг Маркса, правая рука Энгельса, его душеприказчик, виднейший марксист Германии, — стал вождем мелкобуржуазного ревизионизма. Струве, написавший революционный манифест нашей с.-д. партии после ее 1-го съезда в 1898 году, — перешел на службу к капиталу. Тихомиров, бывший член грозного Исполнительного Комитета славной Народной Воли, — перешел в лагерь реакции. После того, что мы пережили в России, надо удивляться не тому, что у нас есть ренегаты, отступники, маловеры, поколебавшиеся, а тому, что их так сравнительно немного.

* * *

Но позвольте, прерывает нас иной читатель, ведь есть в Партии и другие группы, кроме голосовцев. Почему же с ними нет единства? — Чтобы ответить на этот вполне законный вопрос, мы дадим краткий обзор деятельности некоторых из наших фракций со времени пленума.

Как известно партийному читателю, здесь дело идет главным образом о фракции Троцкого и фракции «Вперед»(15). Пленум оказал этим фракциям максимум доверия. Газете Троцкого

*) «Умер, Касьяновна, умер, болезная... г. Бернштейн умер для школы Маркса», — писал в «Заре» тов. Плеханов. Мартовы, Потресовы, Даны тоже умерли для социал-демократии, — пора эту истину усвоить.

(«Правда») он обеспечил субсидию и распространение, послал своего делегата в редакцию этой газеты, обещал ей, словом, всяческую поддержку на одном, само собой разумеется, условии: вести партийную линию, разъяснять рабочим весь вред буржуазных течений — отзовизма и ликвидаторства. Что же, выполнил Троцкий эти условия? Кто решится ответить утвердительно?

Когда мы до пленума и особенно после пленума повели энергичную пропаганду идеи сближения большевиков с плехановцами, нам часто приходилось слышать: а Троцкий? — Почему же вы не включаете его группу в число партийцев? Кто теперь решится повторить этот наивный вопрос? За это время Троцкий явно выбросил за борт резолюции пленума, удалил из редакции «Правды» представителя Ц. К., объединился совершенно с ликвидаторами, боролся только с теми, кто чем-либо не потрафил ликвидаторам, выступал только исключительно против партийцев, сделал авантюристическую попытку помимо и против Ц. К. (тогда, когда последний еще мог собраться) собрать «конференцию»(16) в блоке с голосовцами и впередовцами против партийцев, одним словом, — окончательно порвал с партийностью. В чем же дело, в чем тут гвоздь? Гвоздь в том, что Троцкий хочет во что бы то ни стало единства с новой партией ликвидаторов. Только уступивши Троцкому в этом, можно с ним сойтись. Партия говорит Троцкому: мы делаем вам всевозможные уступки, но под одним условием — борьбы с буржуазным ликвидаторским течением. Троцкий отвечает: а именно этой-то борьбы я и не хочу, я требую единства не против ликвидаторства (это, видите ли, фракционность), а единства с ликвидаторами. В этом суть вопроса. Мы спрашиваем: где те смельчаки из партийных людей, которые предлагают уступить Троцкому в этом?

Впередовцы подписали резолюции декабрьской конференции Партии (1908 год) и теперь отреклись от них, походя третируя и извращая эти резолюции совершенно в ликвидаторском духе (см. извращения впередовцами позиции конференции по вопросу о «буржуазной монархии») (17). Они подписали резолюции пленума, а теперь над ними издеваются. Они заявляют, что они — за созыв конференции на основах, выработанных пленумом, и в то же время высказываются против «оппортунистического проекта» последнего пленума Ц. К. «о созыве общероссий-

ской конференции, проекта, в основу которого «якобы» легла извращенная идея рабочего съезда». («Вперед», № 3, ст. 27). Они начали с упреков по адресу большевиков в том, что эти последние делают уступки меньшевикам (Плеханову) ([18]), а кончили тем, что переметнулись на сторону голосовцев. Они начали с защиты — на словах лишь, конечно — «крайней левой» линии и кончили тем, что со всего размаха шлепнулись в болото ликвидаторства. Мы не говорим тут о рабочих, действующих в России и сочувствующих «Вперед». Те, наоборот, от отзовизма большей частью отказались и Партию от ликвидаторов защищают. Заграничная группа «Вперед» потерпела полное идейное банкротство, защищает отзовизм, трусит и имеет достаточно «сил» и «влияния» только для того, чтобы поддерживать голосовцев. Идейно разбитая, она цепляется за все антимарксистское и подает руку ликвидаторам. В последнем своем листке впередовцы окончательно раскрывают карты. Они, например, — это невероятно, но это факт! — обвиняют партийцев в том, что мы «мешали» ликвидаторам вести легальную работу. Они — это еще более невероятно, но это тоже факт! — заявляют, что у голосовцев есть лишь отдельные неудачные «обмолвки» (см. Листок впередовцев от июля), но что нелегальной партии голосовцы не отрицают. Эти, будто бы левые, с.-д. заканчивают требованием единства с ликвидаторами во что бы то ни стало.

Кажется, достаточно ясно: и здесь гвоздь в ликвидаторах. Чтобы привлечь впередовцев, надо объединиться с ликвидаторами. Таков факт. Мы, опять-таки ставим вопрос: кто предлагает принять эти условия впередовцев? Пусть выступит перед Партией и скажет это открыто!

И впередовцы и троцкисты составляют совершенно обособленные фракции. Чтобы затемнить это для широкой публики, они кричат о «фракционности» других. И впередовцы, и троцкисты насмеялись над решениями пленума. Чтобы скрыть это, они обвиняют других в нарушении дисциплины.

Политически и впередовцы, и троцкисты гораздо ближе к ликвидаторам, чем к партийцам. «Отзовизм — законный оттенок», — говорят заграничные впередовцы. «Ликвидаторство — законный оттенок» ([19]), — провозглашают заграничные троцкисты. И находятся люди, идущие по стопам этих двух печальных фракций и в интересах «примирения» поддакивающие: «троцкизм и впередовство тоже законные оттенки». Нет, избави нас,

господи, от таких неразумных друзей, а с врагами мы и сами справимся, — скажет Партия таким «примирителям». Партия будет ставить всю свою агитацию не так, чтобы призывать рабочих мириться с «законными оттенками» отзовизма, ликвидаторства, троцкизма (понятие троцкизм теперь почти окончательно совпадает с понятием ликвидаторство), а так, что Партия должна поскорее освободиться от этих «уклонений», что рабочие должны относиться к этим уклонениям непримиримо враждебно. Пусть не говорят нам о вреде «исключения из партии», «вышибаний» и т. д. Не об этом идет речь, а именно о характере нашей агитации перед рабочими, и только об этом. В этом суть вопроса.

У нас две серьезных политических силы: старые партийцы с большевиками во главе и ликвидаторы с заграничными голосовцами во хвосте. Между ними можно путать, можно, согласно известному примирительному «лозунгу» гоголевской невесты Агафьи Тихоновны, попробовать «нос» одного течения приставить к «усам» другого. Если хотеть не только слова о мире и единстве на ветер бросать, то выбрать тут необходимо.

Конечно, голосовцы делают все возможное, чтобы запутать «малых сих». «Примиренчество» в духе Троцкого, «примиренчество» впередовцев и всех иных видов есть вода на мельницу ликвидаторов. Оно ослабляет борьбу партийцев против новой партии ликвидаторов. Добьемся же принципиальной ясности во что бы то ни стало. Мы разоблачим эту, по выражению представителя П. С.-Д. ([20]), «своеобразную азефовщину для ликвидаторских целей» *), которую практикуют голосовцы.

* *
*

Совещание цекистов может и должно стать серьезным шагом вперед, шагом к освобождению Партии от ига голосовцев, к прекращению неслыханной двойной игры в показную принадлежность к нашей с.-д. Партии для того, чтобы извнутри разрушать ее и помогать строить новую с.-д. партию, одним словом,

*) «Это — «своеобразная азефовщина по отношению к нелегальной партии, когда голосовцы сидят в ней для разрушения ее и для помощи ликвидаторам извнутри», — так писал представитель польской с.-д. т. Вар в апреле 1910 г. (в письме от имени больш. ред. Ц. О. Ц. К-ту), как только выяснилось, что голосовцы обманули пленум. Тов. Вар был глубоко прав.

к уничтожению той, по справедливому выражению польского товарища, «своеобразной азефовщины для ликвидаторских целей», которую так бесстыдно практиковали голосовцы. Совещание может и должно помочь Партии выйти вновь на широкую дорогу, слиться с возрождающимся рабочим движением, стать вновь впереди масс, собрать силы действительных партийцев всех фракций, сплотиться и укрепить с.-д. ряды.

Заслуга совещания состоит в том, что оно значительно парализовало антипартийную «работу» врагов социал-демократии и, главное, указало Партии выход из современного положения — конференцию, к созыву которой приняты уже энергичные меры. Совещание в очень значительной мере лишило ликвидаторское «З. Б. Ц. К.» возможности вредить Партии, создав новое учреждение для выполнения тех функций, которых не выполняло «З. Б. Ц. К.». Совещание заставило уйти из редакции Ц. О. Ф. Дана и Л. Мартова (21), этих двурушников, желавших одной рукой писать в Ц. О. Р. С.-Д. Р. П., а другой писать в «Нашей Заре» — Ц. О. новой анти-социал-демократической партии. Оно разоблачило перед всей партией срыв Ц. К. голосовцами. Оно вырвало Партию из рук голосовцев, душивших в зародыше все начинания нашей нелегальной партии, оно отдало судьбы Партии в ее собственные руки — в руки местных партийных организаций, принимающих уже теперь ближайшее участие в созыве так необходимой Партии партийной конференции.

Совещание создало новые учреждения: Организационную Комиссию по созыву конференции и Техническую Комиссию для заведывания техническими делами заграницей. От того, как поведут свою работу эти учреждения, в значительной мере зависит, станет ли совещание шагом вперед или шагом на месте. Если эти учреждения будут продолжать политику торгов и переторжек с заграничными группами впередовцев и Троцкого, они будут только тормозить русскую работу, сколь хороши бы ни были сами по себе «примирительные» намерения. Тогда партийная работа пойдет помимо и против этих учреждений, которые очень скоро останутся с глазу на глаз с бессильно воздыхающими «примирителями», и только с ними. Если, наоборот, эти учреждения станут энергично помогать практической работе, невзирая на вой голосовцев и голосовствующих, если, не боясь криков об «изоляции», «сектантстве» и «фракционности», они обратят свое внимание не на дипломатические торги, а на дело

немедленного созыва партийной конференции во что бы то ни стало, — тогда они окажут большую помощь Партии.

Мы говорим это вот почему. Созданные совещанием учреждения состоят из представителей трех групп: большевиков, примиренцев (новая фракция, точно еще не избравшая своего пути и колеблющаяся между партийностью и «примирением» во что бы то ни стало с Троцким, впередовцами, а через них с голосовцами) и польской с.-д. Попытка привлечь в эти учреждения другие фракции не удалась. В данный момент они представляют собою блок трех групп — блок, сейчас борющийся за восстановление Партии и против ликвидаторов. Большевики в этих учреждениях часто остаются в меньшинстве. Так называемые «примиренческие» тенденции часто сильно дают себя знать в политике этих новых учреждений — этого скрывать нельзя *). Опасность увлечься беспринципной «дипломатией» с оторванными заграничными кружками — налицо. Партийцы должны против этого бороться и должны вместе с Ц. О. заявить этим учреждениям: мы поддержим вас постольку, поскольку вы будете вести работу; мы будем против вас постольку, поскольку вы будете во вред русской работе заниматься беспринципным примирением того, что непримиримо...

Созданные совещанием учреждения должны все силы отдать делу немедленного созыва конференции. В этом главная организационная задача дня. Вести с мест показывают, что в этом деле совещание встречает полное сочувствие со стороны всех работников без различия фракций. Уже около десяти важнейших российских организаций нашей Партии выразили доверие совещанию цекистов и приступили к практической работе по подготовке конференции. Заграничные Милюковы ликвидаторства — Дан, Мартов и их друзья — видят, что дело идет к быстрому созыву конференции. С целью сорвать конференцию они пускаются на последний ход. Они начинают льстить «России»,

---

*) Пусть читатель обратит внимание, например, на статью большинства Технической Комиссии в № 1 «Бюллетеня». Большинство Т. К., как бы оправдываясь и извиняясь перед кем-то, старается изобразить себя каким-то «надклассовым»... то бишь надгрупповым учреждением. Этим большинство Т. К. надеется поднять свой престиж (перед фракционерами — впередовцами и Троцким) и вызвать к себе большее уважение. Кажется, небольшой натуги ума нужно, чтобы понять, что подобная ребяческая политика способна только ослабить уважение к большинству Т. К. с обеих сторон.

«чисто-российским» работникам и т. п. и предлагают русским товарищам отказаться итти на единственную конференцию, которая действительно созывается Организационной Комиссей в интересах той проблематической конференции, которую по предложению голосовцев должна где-то когда-то созвать «сама Россия» в лице «Областных Комитетов» и т. п. К счастью, кроме Милюковых ликвидаторства существуют еще на свете искренние ликвидаторы, которые не считают, что язык дан им только для сокрытия своих мыслей. Эти искренние ликвидаторы откроют глаза товарищам на действительный смысл неожиданной любви Мартова и Дана к «Областным Комитетам».

Посмотрим на факты. В тот самый момент, когда Дан и Мартов распинаются за конференцию, созываемую нелегальными «Областными Комитетами», выходит номер «Дела Жизни» (№ 6), органа ликвидаторов. Здесь г. Ларин излагает свои взгляды на нелегальную партию. Вот что он пишет:

«При большом количестве политически невинных молодых рабочих, при некотором повышении ныне интереса ко всему, что носит кличку «политики»... не так трудно слепить в каждом городе в непрочные «кружки пропаганды» пару сот человек... Но это «маскарадное предприятие» не есть классовая партия, а только «одно недоразумение», способное вводить в заблуждение лишь политических младенцев»... «Не шли и не идут в комитетские организации лучшие, сознательные и опытные рабочие, ибо «ни один живой человек не в силах долго выдержать этой изнурительной обстановки политического безделья в них»... «Комитетская организация ставит себе целью создать массовую нелегальную организацию» *), а нужно не это, а «открытое движение», легальная партия.

Итак, одни из ликвидаторов поют для ликвидаторских целей об «Областных Комитетах», созывающих (точнее: срывающих) партийную конференцию, а другие прямо пишут, что человек по 200 сорганизовать нелегально в каждом городе можно, но что делать это — значит заниматься сущим вздором. А работают и те и другие ликвидаторы вместе, вместе пишут, друг друга защищают, нигде друг с другом не спорят! Интересная кооперация, интересное разделение труда: одни прямо борются против партии, другие извнутри уловляют простачков на удочку

*) «Дело Жизни», № 6, стр. 15-16.

«Областных Комитетов» и т. п. Какой же сознательный рабочий поверит вам, господа? Каждый рабочий в поте лица трудится над тем, чтобы сорганизовать хоть 50 человек в каждом городе, ибо он знает, что 50 человек вели и поведут за собой тысячи и десятки тысяч. Господа ликвидаторы одной рукой пишут наглые статьи о вздорности подобной работы, а другой рукой пишут (для срыва конференции) восхваления «Областным Комитетам». Ведь даже в «Новом Времени» не всегда так циничны...

Партийная конференция необходима нашей Партии. Она должна быть и будет созвана немедленно, вопреки всем препятствиям и всем уловкам со стороны ликвидаторов. К работе над ней, к самым энергичным усилиям для реализации этого насущного дела призываем мы всех партийцев без различия фракций!

К настойчивой работе по восстановлению Партии, к непримиримой борьбе с врагами Р. С.-Д. Р. П. зовем мы всех товарищей. Только этим путем можно увлечь за собой и колеблющихся. Не бойтесь «изоляции»: изолироваться от врагов социал-демократии — наш долг. Не смущайтесь упреками в «сектантстве». Еще Л. Мартов, когда он был революционером, написал в «Заре»: «Признаком хорошего тона становится нынче свобода от «сектантства», то-есть от того, что слывет под этим именем у буржуазных критиков и что составляет неотъемлемую часть революционно-социалистического мировоззрения».

Положение нашей партии во многом напоминает положение ее в конце 90-х годов и начале 900-х годов. То же размножение многочисленных эфемерных групп, претендующих сказать нечто новое, но ни малейших следов в истории по себе не оставляющих. Тот же фактический раскол между отдельными группами. То же сильное буржуазное влияние на пролетариат («экономизм») (22). Те же «примирительные» потуги беспринципных групп.

После появления знаменитого Экономического «Credo» (23) (написанного предками ликвидаторов — Прокоповичем и Кусковой), в котором буржуазные тенденции были высказаны почти так же откровенно, как в «Нашей Заре», тов. Плеханов писал: «В этом будто бы направлении нет ни социализма, ни демократизма» («Vademecum» (24), стр. XXX). Экономизм во многом похож на ликвидаторство, хотя, конечно, экономизм был несравненно менее вреден рабочему движению.

Между прочим, экономизм похож на ликвидаторство и в том отношении, что и у него были свои «экономические» Струве и свои «экономические» Милюковы. Первые («Рабочая Мысль», «Credo» и т. п.) откровенно высказывали свои либеральные идеи. Вторые, главным образом «Рабочее Дело», уподоблялись голосовцам и Троцкому и заметали следы. Сколько чернил потратили, например, Акимов ([25]), Мартынов ([26]) и др., чтобы доказать, что «экономизма», как течения, вовсе нет, что «Credo» есть лишь «мнение отдельных лиц». Но что на это ответила группа «Освобождения Труда»? Плеханов писал: вы говорите, что это лишь отдельные лица. Но нам надо знать, сколько их, этих отдельных лиц, и какое положение они занимают в наших рядах... Плеханов дал решительный отпор «примирителям», он требовал и добился **полного** размежевания. Революционные с.-д. не позволяли потопить принципиальных разногласий в россказнях о захвате партийного имущества ([27]) и т. п. (в которых и тогда недостатка не было), они добились того, чтобы все с.-д. поняли, что продолжение хаоса выгодно только врагам марксизма.

На вопрос: что же дальше?—мы ответим словами, которыми Плеханов заключил свое предисловие к «Vademecum'у», направленному против тогдашних ликвидаторов:

«**Нам надо выйти из этого хаотического и позорного положения во что бы то ни стало. Горе партии, терпеливо переносящей подобную путаницу!**».

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Что же дальше?»—статья из № 23 «Социал-Демократа» за 1911 год.

[2]) Один из наиболее ловких и нечистых на руку жандармских генералов, Зубатов, в начале 900-х годов попытался организовать рабочие союзы с целью завлечь в свои сети наиболее отсталых рабочих и при помощи мелких экономических уступок отвлечь их от политической борьбы.

[3]) Ларин в те времена был одним из наиболее непримиримых ликвидаторов и противников большевизма. Как известно, после июльских дней 1917 г. тов. Ларин вошел в ряды Р. К. П. и является одним из выдающихся работников ее.

[4]) Имеется в виду «знаменитая» брошюра Л. Мартова «Спасители или упразднители». В этой брошюре Мартов, по свойственному ему обыкновению, пытается подменить принципиальную борьбу личными обвинениями.

[5]) Терпимость к ликвидаторам, разрушавшим партию, проповедывали тогда примиренцы.

[6]) Октябристы, как известно, являлись партией наполовину помещичьей, наполовину купцовской, причем обе половины этой почтенной партии лебезили перед царским троном. Плеханов, революционный гений которого в те времена последний раз взмахнул крылами, клеймил ликви-

даторов социал-демократическими октябристами за их попытку «приспособиться» к Столыпинскому режиму.

[7]) Непримиримых большевиков, ведших войну и против ликвидаторов, и против примиренцев, пугали тем, что они «изолируют» себя.

[8]) «Наша Заря» — легальный орган ликвидаторов, издававшийся в виде ежемесячного журнала в Петербурге. Царское правительство, несомненно, не без намерения разрешало этот орган, который взял на себя задачу борьбы за уничтожение нелегальной с.-д. партии.

[9]) П. Струве и его ближайшие единомышленники в разгар Столыпинской контр-революции выступили с нашумевшим сборником под названием «Вехи». В этом сборнике вся контр-революционная империалистская программа кадетских национал-либералов была развернута с необычайной ясностью. Милюков и его ближайшие единомышленники слегка отмежевывались от этого сборника по дипломатическим соображениям. Делая то же, что и П. Струве, Милюков считал за благо быть не слишком откровенным в своем империализме и национализме.

[10]) Bona fide — искренно, без задних умыслов.

[11]) Дело идет о совещании нескольких членов Ц. К.—большевиков и П. С.-Д.,—состоявшемся в Париже в 1911 году, когда уже для всех становилось ясно, что меньшевики окончательно рвут с партией.

[12]) Заграничное Бюро Центрального Комитета — орган, находившийся в руках меньшевиков.

[13]) Этим товарищем А. был Н. А. Семашко, который был тогда известен под партийным псевдонимом Александрова.

[14]) На пленуме Ц. К. в 1910 г. под давлением примиренцев было решено распустить все фракции. В связи с этим фракционное имущество большевиков должно было перейти в кассу общего Ц. К. Большевики в то время располагали значительной суммой, завещанной им московским большевиком, покойным Шмидтом. Под давлением примиренцев пленум постановил, что эти деньги будут изъяты из распоряжения большевистского центра и переданы так называемым держателям — трем иностранным товарищам: Каутскому, Мерингу и Цеткиной,—с тем, что если и меньшевики распустят свою фракцию, держатели должны передать эти суммы в распоряжение общего Ц. К. На этой почве разыгралось не мало тяжелых конфликтов. Меньшевики на деле свою фракцию не распустили, а перешли в бешеное наступление против нелегальной организации. Между тем, большевистская фракция ошибочными шагами примиренцев была в значительной степени разоружена. Дело осложнялось еще и тем, что польские товарищи, Роза Люксембург и Тышко, пользовавшиеся особым доверием названных «держателей», сами долгое время занимали позицию примиренцев.

[15]) Отзовисты и ультиматисты издавали под редакцией А. А. Богданова журнальчик «Вперед». Они сознательно взяли название первой большевистской газеты 1904 г., стремясь подчеркнуть, что не кто иной, как они, являются-де законными наследниками старого большевизма. Ортодоксальных большевиков, во главе с тов. Лениным, «Вперед» называл «правыми» большевиками.

[16]) Впоследствии такая ликвидаторская конференция (известная под именем августовской конференции) действительно и была созвана в Вене.

[17]) Общепартийная конференция 1908 г. приняла резолюцию тов. Ленина, которая оценивала Столыпинский режим, как шаг по пути превращения самодержавия в *буржуазную* монархию. Этим определением буржуазия, в том числе и кадетская партия, характеризовалась уже как контрреволюционная сила. Впередовцы, считавшие себя «левыми» большевиками, на самой конференции голосовали за эту характеристику, но впоследствии стали бороться против нее, сбиваясь на вульгарную меньшевистскую оценку Столыпинского самодержавия, как простого представительства дворянства.

[18]) «Левые» большевики во главе с А. А. Богдановым особенно негодовали по поводу сближения между большевиками-ленинцами и Плехановым, который к тому времени выступил против меньшевиков и ликвидаторов. Негодование Богданова и компании увеличивалось еще тем, что Плеханов совместно с Лениным вели беспощадную борьбу против буржуазных взглядов А. А. Богданова в вопросах философии.

[19]) Здесь имеется в виду группа большевиков-примиренцев, или, как они себя называли, большевиков-партийцев. В эту группу входили: А. И. Рыков, Л. Владимиров, Г. Сокольников, А. Лозовский и некоторые другие. Одно время она возглавлялась покойным И. Ф. Дубровинским, пользовавшимся громадным авторитетом в большевистской среде. Группа большевиков-партийцев сыграла очень печальную роль в борьбе большевиков с ликвидаторами. Очень скоро все названные товарищи должны были признать свою ошибку.

[20]) Этим представителем был тов. А. Варский.

[21]) Своей резкой непримиримой постановкой вопроса совещание показало Ф. Дану и Л. Мартову, что их прежняя политика внутри редакции Ц. О. будет невозможна. Тогда эти джентльмены удалились из редакции.

[22]) «Экономизм» — правое крыло рабочего движения второй половины 90-х годов. Экономизм — предшественник меньшевизма. Экономическая борьба — для рабочих, политическая — для либеральной буржуазии — вот в двух словах сущность экономизма. В теории экономисты поддерживали Эдуарда Бернштейна, уже тогда начавшего свою «ревизию» марксизма. На практике экономисты плелись в хвосте либералов.

[23]) Под этим названием (символ веры) Прокопович и Кускова выступили с боевым манифестом «экономического» направления. Этот манифест вызвал коллективную отповедь революционных марксистов, во главе с В. И. Лениным, находившимся тогда в сибирской ссылке.

[24]) Vademecum — руководство, катехизис. Под этим названием Плеханов выступил с ответной брошюрой экономистам.

[25]) В. Акимов (Махновец) — являлся одним из крупнейших вождей экономистов. Лично очень честный человек, В. Акимов договаривал до конца то, что было на уме у наиболее злостных экономистов.

[26]) А. Мартынов являлся одним из крупнейших руководителей экономизма, а впоследствии в течение ряда лет являлся одним из виднейших вождей меньшевистского направления. Ныне тов. А. Мартынов перешел на точку зрения коммунистов и принят в ряды Р. К. П.

[27]) На обвинениях подобного рода особенно специализировался в свое время Л. Мартов, который не брезгал средствами, когда дело шло о борьбе против большевизма.

НА ТЕМЫ ДНЯ (1).

Нечто о петициях.

Ст. 61. «Учреждения государственной Думы» коротко и ясно заявляет:

«В государственную Думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы».

Права петиций, таким образом, наша «конституция» не знает. Но мы здесь предполагаем подвергнуть критике пропагандируемую ликвидаторами «петиционную кампанию», разумеется, не с точки зрения законодательных упражнений г.г. Гурляндов и Крыжановских, а совсем с иной точки зрения.

В третьем номере нашего журнала (в статье о «Борьбе за право коалиций») нам приходилось уже в общих чертах указывать, как ликвидаторство неизбежно ведет к подмене общего частным, к отвлечению внимания рабочих от системы к детали.

И в дальнейшем, чем конкретнее обрисовывается та тактика, которую предлагают ликвидаторы, тем яснее становится, насколько близка она к либерализму и насколько далека — бесконечно далека! — от марксизма.

Сперва сказали: «борьба за легальность».

Затем расшифровали эту сакраментальную формулу и конкретизировали: — «борьба за право коалиций».

И, наконец, в полном соответствии с целью, наметили и свое средство борьбы — петицию.

Со ступеньки на ступеньку... И дошли до таких формул, которые одобрил бы не только любой из старых «экономистов» — проповедывавших, как известно, ту же «борьбу за права», — но которые должен одобрить в наше время и любой кадет. Ибо — что неприемлемого для кадета в формуле: «борьба за права», или в голой, неконкретизированной формуле: «свобода коалиций». Что, далее, неприемлемого для кадета в таком средстве «борьбы», как бумажная петиция на имя г. Родзянки... Посмотрите, например, на «кампанию» протеста против смертной казни в 1909 году. Пока «борьба» против смертной казни ограничивалась посылкой подписей в буржуазные газеты «Речь» и «Нашу Газету», т.-е. тоже своего рода бумажной «петицией»,

кадеты были в восторге. И особенно они были довольны тем, что, под влиянием ликвидаторов, и некоторая — правда, крайне незначительная — часть рабочих придала своему выступлению против смертной казни полу-либеральный характер. Пошлите в либеральную газету свою подпись под голое заявление: протестуем против смертной казни, — и вы, согласно либеральной философии, тем самым уже выполнили свой долг борца и гражданина. Но как только, например, студенты, при частичной поддержке рабочей демократии, в начале 1911 года попытались (в связи с похоронами Л. Н. Толстого) придать «кампании» против смертной казни более широкий, менее бумажный характер, что сделали тогда кадеты? Они немедленно повернули фронт, они, не задумываясь, нанесли движению удар в спину, они заняли позицию откровенных политических наемников старого режима. А почему кадеты поступили таким образом? По очень простой причине: потому что они понимают, что каждый метод борьбы имеет свою внутреннюю логику... Пока все дело сводится к опубликованию подписей в либеральных газетах или к проповеди бумажных петиций на имя председателя третьей Государственной Думы, — все это при нынешних условиях — вода на мельницу либерализма. Но как только вокруг какой-либо формулы — хотя бы и в достаточной мере изолированной — начинается не-бумажное оживление, кадеты спешат отряхнуть прах с ног своих и открыто перескочевывают в лагерь третьеиюньцев.

Бумажная «петиция» с формулой: «свобода коалиций», в переживаемую нами эпоху, в современной России, в лето от Р. Х. 1911-е, несомненно придется весьма по душе либералам *). Но придется ли она также по душе тем, на чью поддержку она, главным образом, расчитана, т.-е. рабочим. Скажут — как говорит г. В. Ежов в ликвидаторском журнале «Дело Жизни»: — если рабочие не поддержат «петиции», то это будет свидетельствовать лишь об их отсталости, это будет показывать только то, что ликвидаторы «слишком опередили» рабочую массу Рос-

*) Ликвидаторы откровенно и признают, что их «борьба за право коалиций» рассчитана на сочувствие «капиталистической буржуазии», для которой эта «борьба за легальность», как указывает компетентный в сих делах ликвидатор Ф. Дан, является «линией наименьшего сопротивления». (См. об этом подробнее в № 3 «Мысли».)

сии. На этом вопросе необходимо остановиться несколько более подробно. Разумеется, было бы смешно отрицать тот факт, что на Руси существует не мало рабочих, не понявших еще даже необходимости для них такой элементарной свободы, как свобода коалиций. Разумеется, было бы нелепо предполагать, что если петиция ликвидаторов повиснет в воздухе, не поддержанная широкими массами рабочих, — то это потому, что все рабочие России «опередили» в своем политическом развитии ликвидаторов. Нет, в современной России существует, конечно, не одна тысяча рабочих, пока еще спящих непробудным сном, пока еще не разбуженных к сколько-нибудь сознательной политической жизни и пока еще не доработавшихся даже до формулы: «свобода коалиций». Несомненно, что движение среди этих слоев часто начинается с самого элементарного, иногда даже гораздо более элементарного, нежели формула «свобода коалиций». Несомненно, что вопрос о том, как легче подойти к этим слоям, как легче найти ключ к их сердцам, как легче пробудить их к сознательной жизни, — есть большой и сложный педагогический вопрос. Но несомненно также и то, что ключ к сердцам этих слоев легче найдет не тот, кто начнет с «маленького», с проповеди «малых дел», с выдвигания частного вместо общего. Сами эти отсталые слои иногда «начинают», например, с какого-нибудь 9-го января... Но из этого ведь никто не сделает того вывода, что марксистам — сознательным выразителям общественного процесса—позволительно рекомендовать что-либо похожее на 9 января, позволительно приготовлять для масс подобные «предметные» уроки. Самим массам нередко случается спотыкаться, проделывать зигзаги, итти наиболее длинными путями к цели, дольше, чем следовало бы, задерживаться на каком-нибудь переходном этапе, чрезмерно увлекаться частью в ущерб целому, слишком сосредоточиваться на мелочах и не видеть при этом системы, не видеть хотя бы, скажем, связи между экономической и политической борьбой. Но долг марксистского авангарда заключается, ведь, не в том, чтобы увековечивать и возводить в перл создания эти колебания, а в том, чтобы обобщать, вести от частного к общему, освещать все детали с точки зрения целого, все временное и преходящее ставить в связь с конечной целью. Конечно, в конце концов массы и сами доберутся туда, куда следует. Но ведь до сих пор марксисты ставили себе целью

«облегчать муки родов», сокращать путь к цели, одним словом, быть авангардом, а не арьергардом.

Марксисты, разумеется, обязаны разъяснять всю важность и необходимость полной свободы коалиции. Но делать это необходимо, ни в каком случае не вырывая формулы: «свобода коалиций» из общего контекста всего комплекса рабочих требований. А ведь именно это и делают ликвидаторы. Когда ликвидаторы в своей «петиции» говорят: «нам (т.-е. рабочим) нужна свобода союзов, собраний и стачек», — они говерят, ведь, только половину правды. Ибо — «нам» нужно не только это... Вместо того чтобы говорить представляемому марксистами классу: хотите частного — добивайтесь общего! Вы не добились еще частного (например той же свободы коалиций) именно потому, что вы еще недостаточно поняли всю важность общего и недостаточно за это общее боролись! — вместо всего этого ликвидаторы, наоборот, вырывают, изолируют, фетишизируют — и тем опошляют! — одну из формул. Вместо этого, — ликвидаторы толкают рабочих на либеральную дорожку. Сделав все от них зависящее, чтобы борьбе за право коалиции придать самодовлеющий характер, на деле изолировать ее от обобщающих формул рабочего движения, ликвидаторы на словах якобы признают и обобщения. «На борьбу за право коалиций нельзя смотреть как на нечто изолированное» — пишет в № 3 «Дела Жизни» выступивший с пропагандой петиции ликвидатор г. Ежов. Нельзя — это верно, господа ликвидаторы! Но зачем же вы именно так и смотрите и, главное, так на практике и действуете, господа? Ведь, обобщение обобщению рознь. Вы в своих обобщениях подымаетесь максимум от конкретной формулы: «борьба за право коалиций» до «общей» формулы: «борьба за легальность». А ведь этого, как говорят немцы, — herzlich wenig (страшно мало), господа!

Посмотрите, до чего доводит ваше ликвидаторское крохоборство. Ведь вы своей бумажной петицией прямо укрепляете конституционные иллюзии среди отсталых слоев. Вместо того, чтобы разъяснять отсталым слоям роль и значение третьей анти-народной Думы, вы в широких словах — поскольку вам удалось бы добраться до широких слоев — сеете ложные надежды на эту анти-народную Думу. Ведь вы рекомендуете рабочим обращаться не к их рабочим депутатам в Думе, а ко всей Государственной Думе «в целом». «Господа народные представители!» — начи-

пается ваша «петиция». «Мы обращаем внимание Государственной Думы на создавшееся положение» — в таких тонах и выражениях составлена вся эта ваша петиция. Как же были бы поняты такие проекты обращений широкими массами, если бы эти обращения до них дошли? Вы действуете по правилам «двойной бухгалтерии»: дескать, мы знаем, что третья Государственная Дума ничего рабочему классу дать не может, но пусть рабочие обратятся к ней с петицией и тогда-де сами убедятся. Но массы не понимают этой вашей «двойной бухгалтерии». В момент, когда, внимая вам, отсталые слои подписывают вашу «петицию», в этот момент они в большинстве случаев получают от вас одно: укрепление и насаждение конституционных иллюзий — веры в то, что «господа народные представители», к которым вы обращаетесь с ходатайством обратить благосклонное «внимание» «на создавшееся положение», действительно могут что-либо сделать не для ухудшения, а для улучшения участи рабочих. Если предлагать — оставаясь в рамках «парламентских» способов воздействия — рабочим в наказах, резолюциях, обращениях (адресованных, конечно, не г. Родзянке, а *рабочим депутатам*) формулировать свои пожелания и выражать свои взгляды на современное положение; если этим — весьма нужным и полезным делом — заняться, то необходимо было бы в таких обращениях прежде всего подвергать самой суровой, самой бесжалостной критике самое большинство Государственной Думы, т.-е Думу «в целом». Одной из главных составных частей таких обращений должно было бы являться — беспощадное разоблачение третьедумского большинства, подробное разъяснение того, что какие-либо улучшения в нашей общественной жизни могут быть достигнуты лишь *против и вопреки* «господам народным представителям» из третьедумского большинства, т.-е. Думы «в целом». При такой постановке дела могло бы получиться известное усиление позиций рабочих депутатов в противовес анти-народному третьедумскому большинству. А придуманная ликвидаторами «петиционная кампания» при такой постановке дела, которую предлагает «Дело Жизни», —заранее обессиливает критику третьей Думы, даже в известной мере исключает ее. Вместо того, чтобы разъяснять отсталым слоям: третья Дума, т.-е. думское большинство, или Дума «в целом», — это Родзянко, Гучков, Пуришкевич, Бобринский, Милюков и К°, вместо этого отсталым слоям говорят речи, которые могут у них преломиться только, как призыв:

отправимте петицию «господам народным представителям», «обратимте их внимание на создавшееся положение», и — авось они помогут нам. Конституционные иллюзии являются одним из самых обильных источников политической пассивности, вплоть до самого «левого» вида пассивности — так называемого «отзовизма». А ликвидаторы, вместо того, чтобы рассеивать конституционные иллюзии, питают и укрепляют их. И пусть не говорят нам: третья Дума своим ответом на петицию лучше всего рассеет эти конституционные иллюзии. Это — не ответ. С каких это пор марксисты признали нужным сначала самим насаждать конституционные иллюзии для того, чтобы потом враг рассеивал их? И что полезного, что душу возвышающего в подобном занятии?

Если бы рабочие адресовали свои пожелания, обращения, наказы своим рабочим депутатам, они, разумеется, договаривали бы полностью то, что они думают; они не стали бы вырывать из контекста отдельные изолированные, и потому укороченные и извращенные требования только для того, чтобы найти «линию наименьшего сопротивления» для буржуазии; они не подделывались бы под уровень понятий третьедумского большинства и т. д. И такие обращения при определенных условиях могли бы иметь известное моральное и организующее значение. Но посмотрите, что получается при той «петиционной» кампании, которую рекомендуют ликвидаторы. Авторы «петиции», адресующиеся к «господам народным представителям», начинают всю свою аргументацию приспособлять к Гучковым и Милюковым. В одном из текстов петиции, который нам довелось видеть *), усердные петиционеры вменяют себе в особую заслугу то, что по их мнению:

... «Профессиональные и культурно-просветительные рабочие организации за все время своего существования не выходят из рамок деятельности, ограниченных вышеупомянутыми правилами» (т. е. пресловутыми правилами 4 марта).

Это уже совсем в духе тех ликвидаторов из московского союза торговых служащих, которые в одной своей петиции... то бишь «жалобе» (в сенат) с гордостью писали: «В 1906 году, когда вся Россия была охвачена пожаром, союз все время вел

*) Он носит подпись: рабочие Спб. вагоностроительного завода.

широкую деятельность в рамках законности и этим удержал и торговых служащих на законном пути».

Ликвидаторы желают искусственно «занять» массы и для этого придумывают «кампании» вроде «петиционной». На деле, однако, получается не только невинное развлечение. Поскольку ликвидаторская проповедь находит себе отклик, постольку она приводит к измельчанию, к деморализации.

Как ни тягостна современная политическая пассивность тех масс, которых представителями являются марксисты, ее не избыть никаким барабанным боем и никакими надуманными, искусственными «кампаниями». Жизнь возьмет свое . . . И она, конечно, пойдет своими собственными путями. В то время как ликвидаторы, к удовольствию либералов, стараются отвлечь рабочих бумажной «петиционной кампанией», в некоторых кругах говорят о предстоящем серьезном оживлении в связи с начинающимся скоро обсуждением в Думе вопроса о государственном страховании рабочих. Поживем — увидим. Быть может, ждать (разумеется, не сложа руки и не убаюкивая себя только *словами* о том, что-де нужно строить «дом») придется еще не мало. Во всяком случае, ясно одно: «петиционная кампания», в том полулиберальном духе, который ей придали ликвидаторы, пригодна только для одного: — чтобы довести до полного абсурда всю политику, вдохновляемую пресловутой формулой «борьба за легальность» или «борьба за частичные права».

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1] Статья из № 5 журнала «Мысль», за апрель 1911 г.

СОВЕЩАНИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ ЛЕГАЛЬНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1).

Нам доставлено для напечатанія следующее сообщение:

«Недавно состоялось совещание деятелей легальных рабочих организаций крупнейших городов России. Совещание по составу своему носило определенно социал-демократический характер. Вопросы, поставленные на обсуждение совещания, могут быть разбиты на две группы: 1) возобновление социал-демократической политической работы в массах и возрождение с.-д. партии и 2) расширение и углубление профессионального движения.

Лишь часть принятых на совещании решений и намеченных шагов была закреплена в резолюциях и подлежит оглашению. Резолюции о профессиональном движении по независящим обстоятельствам могут быть опубликованы лишь позднее. В настоящее время опубликовывается текст трех из резолюций, принятых на совещании.

I. О возобновлении политической работы в рабочих массах и о возрождении с.-д. партии.

Заметное пробуждение среди рабочих интереса к общественно-политической жизни властно диктует необходимость возрождения Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Возрождение это может итти лишь путем вовлечения широких рабочих масс в открытые политические выступления, путем активного и самодеятельного участия рабочего класса в общественно-политической жизни страны. Совещание намечает следующие очередные задачи:

1) Сконцентрирование внимания рабочих масс на предстоящей избирательной кампании в 4-ю Гос. Думу, подготовку которой необходимо начать немедленно.

2) Широкое ознакомление рабочих с деятельностью Гос. Думы и правительства, с политическими группировками внутри Думы и в стране для выяснения позиции, занимаемой сознательным пролетариатом и его представительством в Гос. Думе.

3) Вместе с тем необходимо привлечь возможно более широкие массы к организованному активному вмешательству во все

проявления думской деятельности, к поддержке выступлений с.-д. фракции, к борьбе за свободу коалиций, к кампании в связи с обсуждением законопроектов о страховании рабочих, к поддержке запросов и т. п.

4) Вся эта работа содействует сплочению рабочего класса в самостоятельную политическую с.-д. партию, явится одновременно, по мнению совещания, лучшим средством к подготовке рабочего класса к организованному участию в избирательной кампании в 4-ю Гос. Думу.

Вся намеченная совещанием работа должна быть начата немедленно. В тех местностях, где существуют активные с.-д. партийные организации, ведущие массовую политическую деятельность, там вся намеченная совещанием работа должна вестись этими организациями. Где таких нет, совещание находит необходимым немедленное образование инициативных с.-д. групп, которые в процессе самой работы будут содействовать образованию оформленных партийных организаций.

Совещание приветствует появление с.-д. легальных органов и призывает к их распространению и энергичной поддержке. Совещание полагает, что эти органы могут способствовать углублению с.-д. сознания рабочих, собиранию с.-д. сил и возрождению партии при том необходимом условии, что они будут отвечать на положительные запросы рабочего движения в России, отнюдь не затушевывая действительных принципиальных разногласий в Российской С.-Д. Рабочей Партии.

II. О борьбе за право коалиций *).

Совещание рекомендует приступить немедленно к подготовке кампании за свободу коалиций. Первым шагом этой кампании должна быть выработка и проведение среди рабочих петиции протеста против преследования профессиональных и других рабочих организаций, ареста их руководителей, преследования рабочих за стачки и т. п. Петиции эти должны подаваться на имя председателя Гос. Думы, при чем в петиции должно быть ясно оговорено, что рабочие на 4-ю Думу не возлагают надежд, а пользуются ею, чтобы огласить свои требования. Необходимо

*) Наше отношение к затрагиваемому в этой резолюции вопросу будет выражено в особой листовке.

стремиться к тому, чтобы петиции направлялись через социал-демократическую фракцию на имя председателя Гос. Думы; где же это не удастся, необходимо посылать копии, с указанием названия предприятия и количества подписей, членам с.-д. фракции.

III. О праздничном отдыхе.

Совещание считает необходимым приступить немедленно к обсуждению на местах вопроса о дне праздничного отдыха, чтобы в возможно скором времени выработать мнение русских рабочих по этому вопросу.

* * *

С своей стороны, мы должны прибавить следующие дополнительные фактические данные:

Состав совещания был в значительной мере случайным. Ряд местных легальных рабочих организаций, как и некоторые важные центральные рабочие организации (легальные), не был представлен на этом совещании. Отдельные из участников совещания представляли лишь крохотные кружки своих единомышленников-легалистов. «В нашем городе нет никаких, ни легальных, ни нелегальных рабочих организаций», — так начал свой доклад один из участников совещания, вызвавший справедливый вопрос: «кого же вы тогда здесь представляете?».

Решения совещания приняты в результате борьбы с ликвидаторами. Откровенные ликвидаторы, в согласии с проповедью «Нашей Зари» и «Дела Жизни», внесли свои резолюции, совершенно отрицавшие Р. С.-Д. Р. П. и предлагавшие строить новую, во что бы то ни стало легальную партию. Партийцы, бывшие среди участников совещания, решительно восстали против ликвидаторов. Среди противников ликвидаторских резолюций был даже один бундовец. Попытка потресовцев провести резолюцию о бойкоте одного легального издания (2) за его антиликвидаторское направление встретила самый суровый отпор со стороны партийцев. В результате борьбы совещание приняло резолюцию, в которой легальные органы приглашаются «отнюдь не затушевывать действительных принципиальных разногласий в Р. С.-Д. Р. П.».

Теперь несколько слов о самих резолюциях совещания. «Политическая жизнь России диктует властно необходимость возрождения Р.С.-Д.Р.П.», — таково самое ясное место этих резолюций. Этого основного тезиса в резолюциях совещания, раз-

умеется, нельзя не признать большим шагом вперед со стороны некоторой части легальных деятелей. Вместе с тем нельзя не указать на удивительную недоговоренность решений совещания. В самом деле. Участникам совещания очевидно не остались неизвестными «действительные принципиальные разногласия» между Р.С.-Д.Р.П. и строителями новой легальной «столыпинско-социал-демократической» партии. Участники совещания вероятно, знали и то, что отдельные группы ликвидаторов, чтобы запутать дело, идут «на компромисс» и согласны свои бесформенные, легальные во что бы то ни стало, по существу не-социал-демократические объединения назвать «Р.С.-Д.Р.П.»: от слова не станется, да к тому же эти пять букв притянут многих рабочих. Позволительно ли было при таких условиях писать столь неясные резолюции? Нет, и тысячу раз нет! Чтобы встретить полное сочувствие со стороны всей нашей партии, совещанию следовало сказать вполне точно и определенно: мы — за необходимость нелегальной Р.С.-Д.Р.П., стоящей на почве старой ортодоксально-марксистской программы, признающей революционную тактику, не укорачивающей наших лозунгов и оберегающей партийную преемственность и традиции. Вот это было бы вполне партийное заявление. При той же расплывчатой формулировке, которую выбрало совещание, все зависит от того, каким конкретным содержанием наполнят эти резолюции участники совещания на местах в их практической работе: отдадут ли они свои силы на восстановление нелегальной партии, использующей легальные возможности, или помогут ликвидаторам, нашедшим в их резолюции новую лазейку, строить под прикрытием слов об Р.С.-Д.Р.П. новую, не-социал-демократическую партию.

Совещание и его резолюции некоторые писатели уже пытаются использовать против партийцев, чтобы доказать, что никакого ликвидаторства, как течения, не существует. Так поступил недавно некий Т. (судя по статье — ближайший единомышленник Троцкого), пытавшийся в «Vorwärts'е» ввести в заблуждение на этот счет наших немецких товарищей.

Для доказательства того, что ликвидаторства нет, Т. приводит, во-первых, резолюцию совещания, во-вторых, выписку из петербургского профессионального органа металлистов «Наш Путь» (которого, кстати, никто никогда в сознательной приверженности

к ликвидаторству не обвинял). Жаль только, что Т. для подтверждения своей мысли забыл привести и некоторые выписки из «Нашей Зари», «Дела Жизни», «Голоса С.-Д.». Странная забывчивость! Забывчивость, равносильная тому, как если бы кто-либо говорил о немецких ревизионистах и «забыл» о существовании немецкого собрата «Нашей Зари» — журнала «Sozialistische Monatshefte».

Партийцы всегда указывали, что и среди деятелей легального движения происходит дифференциация и разделение на социал-демократов и ликвидаторов. Это только голосовцы облыжно пытались представить дело так, будто все деятели открытого движения — ликвидаторы. Они тоже скоро больше не смогут утаивать того факта, что многие «легальные» деятели — против них. Сколько раз уж выпускали они Л. Мартова для его... «полемики» с этими анти-ликвидаторами, действующими в открытом рабочем движении. Да еще в последней (№ 6) книжке центрального органа ликвидаторов А. Мартынов нападает, например, на с.-д. депутатов Войлошникова, Гегечкори и Покровского и вообще на всю фракцию (тоже ведь легальные деятели) за их «стереотипные» *) повторения о неизбежности второй революции.

---

*) Наш умный Мартынов по обыкновению оказывает медвежью услугу своим друзьям. Посмотрите, на что он жалуется. Войлошников — сетует он — закончил одну свою речь так: «Путь один: путь революционный; для этого крестьянская масса должна рука об руку с рабочим классом итти, и таким путем, т.-е. революционным, крестьянская масса и рабочий класс должны собрать Учредительное Собрание на основе» и т. д. Что может сказать с.-д. по поводу этого конца речи тов. Войлошникова? Каждый с.-д. скажет: золотые слова, которые надо почаще повторять. Каждому ликвидатору слова эти, конечно, — нож острый. Не меньше огорчил Мартынова тов. Гегечкори. Помилуйте. Заканчивая свою речь по поводу нарушения Столыпиным 87 ст., деп. Гегечкори говорит: «Все положение вещей, господа, нам подсказывает одно, что очередная задача, тот лозунг, который был выдвинут в 1905 году, опять поставлен в порядке дня, и мы делаем призыв народу для реализации этого порядка дня». Это ли не измена... ликвидаторству? Вместо того, чтобы, как предлагал «Голос», говорить о «борьбе за легальность» в ответ на столыпинский государственный переворот, товарищ Гегечкори «в стереотипных выражениях» заговорил о революции. Ну, как можно так огорчать ликвидаторов, товарищ Гегечкори? Или вы, тов. Покровский, зачем же вы, «закончив речь по вопросу об отмене черты оседлости», говорите: «Для масс еврейского народа остается единственное спасение... со всеми народными массами всех национальностей... сплотиться

Чем дальше, тем больше будет становиться деятелей открытого движения — партийцев. В особенности если мы, партийцы, будем по крайней мере столь же непримиримы и столь же неуступчивы, как господа ликвидаторы...

Опасности надо прямо смотреть в глаза. Сейчас ликвидаторство еще не думает сдаваться. Предстоит еще серьезнейшая борьба с ним. То же совещание ликвидаторы учитывают не как попытку к сближению с партией, а используют для еще более циничных, еще более наглых нападений на нашу Р.С.-Д.Р.П. Конечно, бороться и побороть ликвидаторство несравненно труднее, чем сказать: посмотрите, вот еще некоторые кружки как будто отворачиваются от прямого ликвидаторства; давайте же бросим борьбу с ними, будем уступчивы, бросимте воевать, давайте говорить о мире с «проводниками буржуазных влияний» на пролетариат. Кто убаюкивает себя бумажными якобы победами, тому никогда не суждена победа действительная, реальная. Нашей партии нужна именно реальная победа над ликвидаторами. Вопрос стоит совершенно ясно: «wir den Teufel, oder Teufel uns», т.-е. ликвидаторы ли сломят Р.С.-Д.Р.П. или Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия сломит ликвидаторов. Попытки на «совещаниях» и отдельных лиц, и групп — занять среднюю линию — и в этом вопросе неизбежны. Неизбежно и то, что мы, партийцы, подобные «сделки с дьяволом» будем решительно отвергать.

Побольше ясности! — вот, что мы говорим всем деятелям открытого рабочего движения. Кто идет налево, кто направо? Кто с ликвидаторами нашей Партии — пусть скажет прямо. Что делаешь, делай скорей. Кто против разрушителей Р.С.-Д.Р.П.

для единой дружной борьбы с одним противником — современным правительством». Ведь этак А. Мартынова и «до крайности» довести недолго...

«Этими призывами и напоминаниями (т.-е. призывами, подобными трем вышеприведенным) о разрушении Карфагена в одних и тех же (!) стереотипных (!!) выражениях заканчиваются все речи депутатов с.-д. фракции за время последней сессии», — пишет наш умный Мартынов. Дальше с кислой миной прибавлено: «и несомненно, что эти призывы и напоминания весьма уместны и полезны». Затем следует длинное «но», сводящееся к тому, что именно таких речей, как приведенные Мартыновым три отрывка (см. выше), произносить не следует, ибо из речей с.-д. депутатов, к сожалению... «не усмотришь» того, что нужно ликвидаторам. (Все цитаты взяты из № 6 «Нашей Зари», стр. 67). Поучительно, не правда ли?

и против построения новой не с.-д. партии — пусть думает не о гнилом «мире» с ликвидаторами, а о непримиримой войне с ними.

Под славное знамя нашей старой Р.С.-Д.Р.П. с ее неурезанной программой и революционной тактикой зовем мы всех «легальных» деятелей без различия фракций! Сплотим ряды, теснее свяжемся с рабочими массами, будем готовы к новым битвам!

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Совещание деятелей легального рабочего движения» — статья из № 23 «Социал-Демократа» за 1911 г.

[2]) Дело идет о газете «Звезда».

КРИЗИС НАДВИГАЕТСЯ ([1]).

О кризисе, министерском и парламентском, усиленно писали в последнее время все газеты. Под кризисом министерским понимали отставку Столыпина, который взял ее назад лишь после того, как царь согласился «наказать» его противников в государственном совете и провести отвергнутый государственным советом закон о земстве в западных губерниях помимо Государственной Думы и Государственного Совета. Под кризисом парламентским понимали расхождение Столыпина с его прежним большинством в Государственной Думе, с партией октябристов, которая, приняв запрос о неправильных действиях Столыпина, выразила тем недоверие ему.

Оба эти кризиса, а также угроза войны с Китаем, заслуживают внимания рабочего класса, ибо они свидетельствуют о непрочности царского правительства, о невозможности для него удержаться на избранном пути, о нарастании новой революции в России. И кризис министерский, и кризис парламентский, и кризис международный (угроза войны с Китаем) суть предвестники, признаки, зачаточные проявления кризиса революционного.

Царское правительство опирается теперь, с точки зрения закона, на государственный переворот 3-го июня 1907 года. 17-го октября 1905 года всероссийская забастовка вырвала у царя торжественное обещание конституции. Пролетариат нанес могучий удар самодержавию. Трон Николая Кровавого зашатался. Царь обещал, что ни один закон не будет приниматься без утверждения Думы.

Но когда собрались первая и вторая Дума, когда рабочие и крестьянские депутаты громко потребовали действительной свободы для народа, действительного избавления от гнета дворян-помещиков, — царь разогнал обе Думы, насмеялся над своими торжественными обещаниями и своевольно изменил избирательный закон по манифесту 3-го июня 1907 года. По новому манифесту выборы были поставлены так, что помещики и крупнейшие капиталисты имели наверняка и, во всяком случае, большинство почти во всех губернских избирательных собраниях, а следовательно и в Государственной Думе. Третья Дума оказалась поэтому Думой помещиков и капиталистов, Думой господской,

Думой, помогавшей царю вести борьбу с народом, преследовать революцию, ссылать и запирать в тюрьмы сторонников свободы, немилосердно преследовать всех видов рабочие организации.

С третьей Думой правительство царя жило в полном мире три с половиной года. Крепостники-помещики и капиталисты служили правительству верой и правдой. Председатель совета министров Столыпин прославлялся ими и служащими им газетами как спаситель России от революции. Помещики надеялись укрепить свое положение, привлекая на свою сторону богатых крестьян, помогая им заводить хутора и грабить массу крестьянства. Капиталисты отнимали у рабочих все завоевания 1905 года, соединялись в союзы и синдикаты для повышения цен на товары и для организованного влияния на царское правительство. Казалось, что союз царя и его чиновников с третьей Думой, с помещиками и капиталистами надолго обеспечит «покой» эксплоататорам, надолго обессилит рабочий класс и крестьянскую бедноту в их борьбе за свободу.

И вот, оказывается, достаточно какого-то мелкого повода, какого-то закона о земстве, недостаточно реакционного по мнению заядлых крепостников (хотя закон этот безусловно реакционный), чтобы трогательное единство октябристов и черносотенцев зашаталось. Оказывается, недовольны даже те, для удовлетворения которых был произведен государственный переворот 3-го июня 1907 года, недовольны эксплоататоры, которым царское правительство хотело обеспечить «мирное» господство над народом. Недовольны знатные помещики-крепостники: для них Столыпин — временщик. Они хотят власти для себя, для всего класса помещиков, а не для того или иного выскочки-чиновника. Недовольны октябристы, партия тузов-капиталистов: они хотят «конституции», которая бы обеспечивала за ними власть и влияние на все государственные дела, не давая преобладания ни дворянам-помещикам, ни чиновникам самодержавного царя, но в то же время на давая свободы народу. Недоволен государственный совет, в котором заседают отъявленные реакционеры, крепостники, владельцы тысяч десятин земли — они выражают недоверие Столыпину, признают его действия незаконными. Недовольна Государственная Дума, и ее председатель Гучков, октябрист, «излюбленный человек» московских капиталистов, самый ярый противник революции, выходит в отставку, признавая невозможным «работать» с Столыпиным.

Откуда это недовольство? Чем порожден «кризис» наверху? Тем, что грабители чувствуют непрочность своего обладания награбленным. Тем, что новый их союз, новое господство, опирающееся на третью Думу, оказывается бессильным обеспечить «мирное» развитие России под властью царя. Чиновники самовольничают и грабят попрежнему, недовольство растет в народе, начинаются снова стачки — сначала, правда, очень и очень еще слабые — начинаются забастовки студентов, демонстрации по поводу смерти Толстого, волнения по поводу насилий над политическими каторжанами. Нарастает недовольство и беспокойство во всех слоях и классах населения — и этого слабого, зачаточного, неопределенного беспокойства оказывается достаточным, чтобы поколебать прочность «союза» царя с черносотенной Думой. Враги народа, враги революции — помещики, царь и капиталисты — построили новую крепость, новую господскую Думу, и эта крепость сама разваливается. Союзники, заключив союз против народа, перессорились. Самодержавие царя сделало попытку укрепить свою власть, улучшить свое положение путем привлечения к подобию власти помещиков и капиталистов. Попытка не удается.

Против самодержавия попрежнему стоит рабочий класс и все передовое крестьянство, а число сознательных крестьян быстро растет, благодаря жестоким урокам новых землеустроителей. Среди сторонников самодержавия попрежнему — мелкие интриги, грызня, подножки одних сановников другим, отсутствие веры в прочность государственного порядка.

А в это время появляется и все растет угроза войны с Китаем. Позорная война Николая Кровавого с Японией показала всю гнилость самодержавия: Россия бессильна по сравнению с другими европейскими государствами. Зато царское правительство не прочь показать свою силу в борьбе с Китаем, до сих пор самым бессильным из азиатских государств в военном отношении. Чтобы заграбить себе новый кусок земли, чтобы вознаградить капиталистов и помещиков за все неудачи теперешнего правительства, царь не прочь попытать счастья в войне с Китаем. Пусть льется кровь сотен тысяч русских солдат, рабочих и крестьян, — царь и вся Петербургская камарилья ждут от войны добычи и «славы», царь ведет все более вызывающую по отношению к Китаю политику.

В данную минуту война отсрочена. Китай пошел на уступки. Но все сведения показывают, что опасность войны не устранена, что Китай усиленно готовится к войне. Война может вспыхнуть в недалеком будущем: правительство, не имеющее твердой опоры внутри страны, зависит от авантюристов и в своей внешней политике.

Среди рабочих заметно оживление и усиленная тяга к партии, к организации. Разбиты старые организации, но жив и бодр пролетариат, способный создать новые. Группы, кружки, ячейки с.-д. рабочих усиленно заняты восстановлением своей Партии, нелегальной, идущей на смелый бой с врагом за свержение царской власти и царских законов, Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Руководимый этой Партией, пролетариат России поднимается еще раз на великий бой против самодержавия за полную свободу.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 4-5 «Рабочей Газеты», 15/28 апреля 1911 года.

ХОДАТАЙСТВО ИЛИ БОРЬБА (1).

(О петиционной кампании.)

I.

Мало по малу начинает оживать русский рабочий. Кончается спячка. Рабочий вновь подымает голову. И прежде всего он задумывается, как бы отразить ему нескончаемые нападения на его рабочие организации, как бы отстоять свою с.-д. рабочую партию, свои профессиональные союзы, клубы, кооперативы.

Что может быть натуральнее, понятнее того, что просыпающийся к новой жизни рабочий полон возмущения, полон гнева по поводу тех неслыханных гонений, которым подвергаются, например, рабочие профессиональные союзы? 4 марта 1906 года царское правительство, принужденное к тому революционным движением рабочих масс, «даровало» пролетариату куцый закон («временные правила») о мнимой «свободе» профессиональных союзов. Но с тех пор много воды утекло. Правительство давно уже на деле взяло назад этот свой закон. Ведь по нынешним временам даже такая якобы-«свобода» союзов кажется царской шайке настоящей «революцией». Ведь даже третьеиюньскую «законность» приходится ныне ломать Столыпину и его друзьям!

Недавно минуло пять лет со времени «дарования» закона 4 марта. К этому пятилетнему юбилею «считать мы стали раны», стала наша рабочая печать подсчитывать количество закрытых союзов, разоренных обществ: закрыто за пять лет, по самым неполным подсчетам, 497 профессиональных союзов, отказано в разрешении 604 союзам. А сколько сотен и тысяч работников профессионального движения упрятано за это время в тюрьмы, сколько сослано в Сибирь, сколько лишилось последнего куска хлеба? Еще совсем на-днях в том же Петербурге сделана попытка задушить организации металлистов и печатников. Как же тут молчать, как не искать — мучительно и напряженно — ответа на вопрос: где выход из этого положения?

— Надо бороться — эти простые, но столь нужные, важные слова начинают облетать ряды рабочих, потянувшихся

к политической жизни. Надо бороться — когда это настроение охватит широкие слои рабочих, это будет огромный шаг вперед. Но это — еще только первый шаг. Как бороться — вот на какой вопрос должны будут тут же дать себе ответ рабочие.

II.

Как бороться — этот вопрос уже стал перед наиболее передовыми рабочими. В Петербурге одной небольшой группой выдвинут следующий план «борьбы» — обратиться к государственной Думе с петицией (т.-е. с ходатайством, просьбой, прошением). В этой петиции заявить, что рабочим нужна свобода коалиций (т.-е. свобода союзов, стачек, собраний), и под петицией собрать возможно больше подписей рабочих. Заметьте, речь идет об обращении именно в третью Думу в целом, т.-е. к ее черносотенному большинству. Речь идет о петиции, которая должна быть подана через председателей Думы — открытых и прикровенных черносотенцев: Родзянко, князя Волконского и т. д. И заметьте, далее, — петиция выдвигает только одно требование: свободы коалиций. Вокруг такого простого умеренного требования, — рассуждают петиционеры, — объединятся не только рабочие, петиция будет-де поддержана и «капиталистической буржуазией», либеральные (кадетские) газеты станут опубликовывать подписи рабочих под петицией, и т. д., и т. п. Одним словом — не жизнь, а масленица.

Совещание социал-демократических районных организаций *) Петербурга высказалось решительно против этакой затеи с петицией. Как мы слышали, против поставленной таким образом «петиционной кампании» высказалась также социал-демократическая думская фракция, т.-е. наши рабочие депутаты в Государственной Думе. Против указанного плана начинают выступать и некоторые легальные рабочие органы. Один из крупных профессиональных органов пишет, например, по этому поводу следующее: «Русский рабочий настолько вырос из пеленок и так привык к организованным выступлениям, что времена петиций должны быть уже только достоянием истории»...

---

*) Решения этого совещания читатель найдет в этом же номере в отделе «Из Партии».

Кто же прав — те ли, кто ратует за петицию, или те, кто высказывается против нее? Мы полагаем, что правы последние и что огромную ошибку совершили бы рабочие социал-демократы, если бы дали себя увлечь в затею с подачей прошения в черносотенную третью Думу.

Свобода коалиций (т.-е. свобода союзов, стачек, собраний), конечно, нужна рабочим, как воздух, как вода — кто станет против этого спорить? В своей борьбе рабочие должны использовать и третью черносотенную Думу, которую царь и его союзники создали для борьбы с рабочими — и это бесспорно для действительных социал-демократов. Но именно мы должны использовать Думу, не действовать так, чтобы позволить черносотенной Думе использовать нас. Русский рабочий класс давно уже бросил всякие надежды на монархию Николая Романова. Он никогда не питал особенных надежд и на третью Думу в целом, т.-е. на черносотенцев, октябристов, кадетов — на Пуришкевича и Маркова, Гучкова и Родзянко, Милюкова, Кутлера и тому подобных господ. Передовые рабочие уже давно усвоили ту истину, что права не даются, а — берутся. Зачем же стали бы мы, социал-демократы, тащить рабочих назад к бумажным петициям, к слезницам и прошениям в третью Думу?

III.

— «Господа народные представители»! — так начинается та слезница, или та петиция, которую предлагают рабочим сделать своим знаменем, вокруг которой надеются вызвать большое движение и даже энтузиазм (воодушевление). Уже одно это обращение заслуживает самого сурового осуждения; уже увидев одно это начало пресловутой петиции, каждый сознательный рабочий должен себе сказать: я не стану подписывать подобную бумажку. Господ черносотенцев, господ крепостников, господ помещиков и денежных тузов, всю столыпинскую шайку, нам, рабочим, предлагают величать «господами народными представителями». Таким путем мы — видите ли — приблизим час, когда рабочие получат свободу коалиции... Нет, не ждите поддержки этой слезницы со стороны передовых рабочих.

Нашей думской социал-демократической фракции, наших рабочих депутатов для авторов петиции-слезницы не существует. «Петиционеры», ведь, проходят мимо наших рабочих депу-

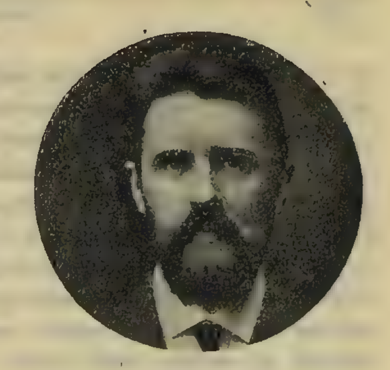
татов. Вместо того, чтобы с заявлениями о своих требованиях и нуждах обращаться через головы всех черносотенных «господ народных представителей», через голову думского большинства— к своим, к рабочим с.-д. депутатам, — вместо этого сторонники петиции предлагают рабочим через головы наших с.-д. рабочих депутатов — обращаться к Думе «в целом», к господам Родзянко, Волконским, Гучковым и Милюковым. Когда во время последних (частичных) выборов в Петербурге кадет Милюков на избирательном собрании говорил социал-демократам: «ведь вы, господа, не взяли патента на рабочих; рабочие обращаются и к нам, кадетам, с просьбой о защите их интересов, а не только к социал-демократам», — когда Милюков это говорил, он, по обыкновению, лицемерил и лгал. Но если бы затея «петиционеров» удалась, если бы за их слезницей пошли рабочие, — г. Милюков (да и не он один, а и Пуришкевич, и Марков) имел бы известное право сказать: а, ведь, социал-демократы и вправду не имеют патента на защиту рабочих. Ведь вот обратились же рабочие к нам, к «господам народным представителям», значит — они надеются и на нас. Слезливая петиция подорвала бы, ослабила бы значение революционных речей наших с.-д. думских депутатов. И вся третьедумская банда учла бы эту слезницу только как отступление рабочих, как склонность рабочих заменить борьбу ходатайствами, бумажными петициями.

И не то еще важно, как учла бы подобную тактику рабочих третья Дума (хотя и это важно). А важно то, как она отразилась бы на состоянии наших сил, сил пролетариата, как отразилась бы она в голове рядового рабочего. — Что должен подумать рядовой рабочий, когда его более передовые товарищи предлагают ему подписывать слезницу, в которой по адресу третьей Думы говорится (буквально): «Господа народные представители!.. Мы обращаем внимание Государственной Думы на создавшееся положение» и т. д. Если он достаточно сознательный человек, он скажет:

— «Неужели тем, что я подпишу это прошение, я двину с места вопрос о свободе союзов. Ведь даже отдельные улучшения, отдельные реформы (как, например, та же свобода коалиций) достигаются не тем, что массы смиренно просят старую власть: дескать, обратите внимание, господа, дайте нам реформы. Ведь социал-демократы и за реформы борются революционным

Н. Крупская.

В. Воровский.

М. Калинин.

М. Томский.

И. Арманд.

путем. В петиции говорится: «Нам нужна свобода союзов, собраний, стачек.» Это, конечно, верно, но нам, рабочим, нужно не только это: нам нужен 8-часовой рабочий день, нам нужна демократическая республика и многое, многое еще другое. Чтобы добиться всего этого — нужна революция, нужна борьба. Мечтать о том, что в современной России можно бескровным путем, без общего революционного переворота добиться свободы коалиций — значит обманывать себя и других. — Так чем же мне поможет прошение, адресованное моим врагам, которые тоже не худо знают, что «нам» нужно, но именно против этого-то и борются, в силу своих классовых интересов? Ведь я же не верю — скажет сознательный рабочий, — чтобы черносотенные «господа народные представители» мне добровольно что-нибудь дали, кроме камня. Зачем же я стану притворяться, будто я верю, зачем стану прикидываться человеком, подверженным иллюзиям, наивной вере в то, что бумажками, прошениями, «конституционными» жестами можно изменить действительное соотношение сил, можно добиться каких-либо улучшений?! Хочешь полной свободы союзов, собраний стачек, — борись за революционный переворот, иди под знамя социал-демократии, вступай в профессиональные союзы (легальные или нелегальные), настаивай на всех своих требованиях полностью. Делу не поможешь тем, что выхватишь из всей твоей программы одно оторванное требование «свободы коалиций». Права на легальное существование с.-д. рабочей партии и союзов, свободных условий борьбы за социализм — ты не добьешся тем, что будешь уверять своих врагов: ведь я же только борюсь «за легальность», ведь я же не разрушитель какой-нибудь, не кровожадный революционер. Чтобы действительно завоевать легальность, нужно нам быть революционерами, нужна революционная (значит и «нелегальная») борьба. А ваше прошение — ни к чему». — Так скажет сознательный рабочий и будет прав.

IV.

Но — возразят нам «петиционеры» — мы своей петицией рассчитываем на то, чтобы втянуть в движение именно менее сознательных, менее передовых рабочих, тех, которые до всего сказанного выше еще не дошли, не додумались, недостаточно

обучены еще жизнью. Слов нет, — в России еще не мало рабочих, которые еще не являются сознательными социал-демократами, которые иногда еще не понимают даже, что им нужна свобода коалиций (союзов, стачек, собраний). Но им и нужно разъяснять все то, что говорил выше сознательный рабочий. Социал-демократы должны просвещать таких отсталых рабочих, и жизнь им на каждом шагу в этом помогает. Но просвещают рабочих ведь не тем, что сеют среди них иллюзии, ложные надежды на то, что вот-де «господа народные представители» обратят внимание и все пойдет по хорошему. Царское самодержавие и третья Дума стали на нашем пути. Это препятствие надо с нашего пути убрать, самодержавие и третью Думу надо свергнуть, стену надо разрушить. Это понимают еще не все рабочие. И вот сторонники петиции хотят «воспитывать» рабочих таким образом. Подите, дескать, попросите у третьей Думы свободы коалиций, она вам наверное ее не даст, и тогда вы поймете, что третья Дума — ваш враг. Иначе говоря: вы не поняли еще, что стену надо разрушить. Поэтому мы сознательно советуем вам: подите, попросите ее добровольно убраться; подите, стукнитесь лбом о стену, тогда вы станете такими же умными, как мы... Но если так воспитывать рабочих, то отчего же их не послать и к царю с петицией? Ведь есть и такие рабочие, которые недостаточно хорошо знают, кто такой Николай Кровавый. Пусть, дескать, сходят, попросят, — ну, хоть той же свободы коалиций. Царь наверное откажет, да еще, быть может, свинцом угостит. Это ли не будет предметным уроком, наглядным примером? Нет, и тысячу раз нет. Даже если бы отсталые рабочие сами захотели подавать ходатайства в третью черносотенную Думу, наш долг был бы предостеречь их от этого, убедить их в том, что не ходатайством, а борьбой достигается свобода. Но тем более преступно нам самим толкать на это недостаточно сознательных рабочих, тем более недопустимо нам самим посылать рабочих: набивайте себе шишки на лбу и просвещайтесь-де таким образом.

Если сторонник петиции прямо и честно объяснит отсталому рабочему роль третьей Думы «в целом», то этот рабочий откажется посылать петицию в эту черносотенную Думу. Скажет: ни к чему! И поэтому стороннику петиции приходится замалчивать роль третьей Думы, приходится ее не критиковать, как это и делает пресловутая Петербургская петиция. А некоторые не по

разуму усердные петиционеры даже прибавляют в петиции: мы, дескать, свято блюдем закон 4 марта, мы не выходим за его пределы *), мы совсем смирненькие, мы такие «законники», что вам, «господа народные представители», от нас одно удовольствие могло бы быть. Так «обратите же внимание на создавшееся положение», господа Родзянко и Пуришкевич!.. И это понятно: назвался груздем — полезай в кузов. Взялся разжалобить третью Думу — ищи таких слов, которые могут (якобы могут) растрогать и умилить ее!

Нет, социал-демократы не так обучают рабочих. Не тем они воспитывают отставших, что вырывают отдельный лозунг, отдельное требование и принижают его до такой степени, чтобы оно стало «более приемлемым», более удобоваримым для буржуазии. Не тем, что противопоставляют отдельное частное требование — хотя и очень важное и необходимое — всей сумме наших требований. Не тем, что отправляют рабочих к их заклятым врагам с просьбой и петициями и говорят рабочему: ни шагу дальше, — это и есть твоя борьба, — сим победиши...

V.

В деле воспитания рабочих, в деле нашей борьбы против тех же гонений на рабочие союзы должны, обязательно должны быть использованы нами и все так называемые «парламентские» средства. Наказы, обращения, резолюции, протесты, посылаемые рабочими своим рабочим депутатам, своей социал-демократической думской фракции (а не Гучкову с епископом Евлогием!) могут и должны в этом деле сыграть свою роль. Конечно, социал-демократические депутаты не «ходатели» по рабочим делам перед черносотенной думской шайкой, они — передовой отряд наших борцов. И обращаться к ним надо не с тем, чтобы они «исходатайствовали» нам у дворянских зубров и либеральных буржуа поблажек и реформ. В таких наказах надо говорить всю правду, надо резко бичевать самое третью Думу (а не обращаться к ней с просьбами), надо заявлять свои требования полностью, а не выхватывать, урезывать и принимать одно из них. И такие обращения рабочих к своим социал-демократическим депута-

*) Одну такую петицию мы, в назидание «петиционерам», печатаем в этом же номере.

там несомненно принесут пользу: свяжут рабочих с социал-демократией, увеличат значение речей наших депутатов, будут втягивать рабочих в планомерные выступления. Вот и теперь, как сообщают газеты, наша думская с.-д. фракция, пользуясь, как материалом, теми обращениями, которые ей шлют рабочие, — вносит еще раз в Думу запрос о гонениях против рабочих организаций. Чтобы убедить рядового рабочего подписать обращение к социал-демократической фракции, ему неизбежно приходится рассказать о подвигах думской банды, ему приходится выяснить, что, кроме социал-демократических депутатов, нет у него друзей в третьей Думе. И наоборот, — чтобы убедить рядового рабочего подписать обращение к Родзянке и Волконскому — приходится все это замолчать. Выбор для социал-демократов не труден.

Несчастную идею петиции надо поскорее бросить. Бумажным, искусственным, надуманным, кабинетным планом не увлечешь рабочих. В рабочих кругах Петербурга поговаривают теперь об устройстве однодневной демонстративной забастовки в связи с предстоящим обсуждением в Думе анти-рабочего закона о страховании. Мы не беремся, конечно, определить ни срока, ни точных условий возможности такого практического призыва. Скажем только одно: вот это не ходатайство, а — борьба! Вот этакому движению необходимо и обязательно отдать все наши силы, связать его с нашими общими задачами, осветить его светом социал-демократии!

Среди сторонников петиции надо различать две струи. Одни — некоторые деятели профессионального движения, некоторые глубоко преданные делу социал-демократии рабочие — лихорадочно ищут выхода из тяжелого положения. На их глазах топчут ногами свежие ростки профессионального движения, гибнут их родные детища — союзы, клубы, над которыми они работали годы. Они хватаются за петицию из чисто практических соображений: авось и из палки выстрелит, авось и петиция поможет, авось хоть несколько поослабнет «прижим», и союзы смогут легче вздохнуть.

Другие — теоретики легализма во что бы то ни стало, противники нашей «старой» с.-д. партии, считающие, что ее надо упразднить, ликвидировать — сознательно и планомерно ведут легалистскую линию (легальность, легальность прежде всего!) и естественным манером доходят до бумажных петиций.

Одним необходимо разъяснять, со вторыми — т.-е. с бывшими социал-демократами — необходимо бороться. Рабочие социал-демократы выполнят и то, и другое. Радостно приветствуя начинающееся оживление, надо его направить в правильное русло. Необходимо разъяснять рабочим, что:

посылать наказы, обращения, резолюции надо не в черную Думу, а своим с.-д. депутатам;

что в этих обращениях надо полностью говорить о своих требованиях, а не вырывать отдельные из них;

что не замалчивать надо в этих обращениях подвиги черносотенной Думы, а беспощадно их разоблачать;

и что первее и паче всего надо не ходатайствовать и не просить, а бороться: строить нелегальные партийные с.-д. организации, легальные и нелегальные профессиональные союзы, вести социалистическую пропаганду, политическую и экономическую агитацию и в листках, и за станком, и всюду, где есть к тому возможность.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 4-5 «Рабочей Газеты», 15/28 апреля 1911 года.

НА СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА. [1]

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу!..
А. ПУШКИН.

Умер Столыпин. Трауром объята вся контр-революционная клика. Умер ее вождь, опора трона, временщик и диктатор, слава и надежда режима 3-го июня.

Они так убоги духом, так бедны людьми, у них все так ничтожно, что даже Столыпин слыл у них светилом и пророком. Понятна их растерянность в первую минуту после умерщвления их вождя, а вместе с тем и верного холопа.

«Мы, сквозь туман набегающей слезы, видим только перед собою темное будущее, словно яму (!), из которой поднимаются удушающие, ядовитые пары»—писало перепуганное «Новое Время» в день смерти Столыпина.

Но уже через несколько дней сановные черносотенцы оправились настолько, что через то же «Новое Время» выдвинули свой старый лозунг: «В железо надо взять социал-демократию».

И все пошло обычным ходом.

Взвесивши все за и против, царская шайка решила, что на этот раз еврейского погрома в Киеве устраивать, пожалуй, не следует, и один из сановных разбойников в своей простоте так и бухнул пришедшей к нему еврейской делегации:

«Говорят же вам: полиция не хочет погрома, и его не будет».

Коронованный скоморох продолжал свое увеселительное путешествие по России и, в ответ на принесенные черносотенцами поздравления с избавлением от грозившей ему опасности, с самым серьезным видом отвечал: «Мне моя жизнь не дорога, была бы счастлива Россия»... Ну, чем не Петр Великий?!

А верноподданные монархисты из «Голоса Москвы» и «Русского Знамени» восхищались геройскою храбростью и удивительной неустрашимостью Николая, решившегося — после того, как умертвивший Столыпина Богров был схвачен и связан — под охраной целой стаи генералов и шпионов войти в царскую ложу и выслушать воодушевленное «ура», несшееся из патриотических

глоток шпиков и золоченой челяди, наполнявших киевский театр в приснопамятный вечер.

Столыпину при похоронах воздали чуть не царские «почести», ему наскоро ставят памятник, его объявили национальным героем и едва ли не святым. За что же так чтут Столыпина контр-революционеры всех видов и родов? Что сделал он для них? О, несомненно — многое!

Обратимся к его политической биографии.

Столыпина вывел в люди вешатель и полицейская пройдоха — Плеве. Плеве назначил Столыпина гродненским губернатором, а потом перевел его, в виде повышения, помпадуром в Саратовскую губернию. Здесь Столыпин впервые «выдвинулся» — нещадной и цинической поркой саратовских крестьян, начавших пробуждаться к сознательной жизни. В печати сохранился красочный рассказ о том, как Столыпин — которого его поклонники всегда особенно прославляли за его «джентльменство» — будучи Саратовским губернатором, устраивал секуции крестьян перед крыльцом того дома, где он сам сидел в то время и спокойно попивал чай. Образец джентльментства, неправда ли?! Столыпин и впоследствии, когда его бюрократическая звезда взошла высоко-высоко, оправдал, как известно, свою славу джентльмена, правда, джентльмена с плетью в одной руке и намыленной веревкой — в другой.

Министром внутренних дел Столыпин стал уже во время первой Думы, когда революция пошла уже на убыль. И когда крепостники и благонамеренные буржуа ныне славословят Столыпина как ангела-спасителя, избавившего их от революции, они в сущности изрядно преувеличивают. Столыпин стал во главе контр-революционной банды тогда, когда главные удары революции были уже нанесены, когда московское вооруженное восстание было потоплено в крови рабочих, когда для второй всеобщей забастовки у пролетариата не хватало уже достаточно сил. Но тем не менее, заслуги Столыпина перед контр-революционным лагерем, конечно, очень велики.

Столыпин ввел и упрочил военно-полевые суды, стоившие жизни тысячам и десяткам тысяч русских рабочих и крестьян. Столыпин разогнал первую Государственную Думу, и под его просвещенным руководством процвела диктатура штыка и система сенатских «разъяснений», урезавших и без того ничтожные избирательные права сотен тысяч граждан. Столыпин потопил

в крови солдат и матросов восстания в Свеаборге и Кронштадте. Столыпин сделал все возможное и невозможное, чтобы подтасовать и исказить выборы во вторую Думу.

Столыпин разогнал вторую Думу и бросил нашу социал-демократическую думскую фракцию на каторгу, где некоторые наши товарищи замучены, а другие томятся и посейчас. Уже первая речь Столыпина во второй Думе, произнесенная в ответ на речь нашего товарища Церетели, была пропитана злобной ненавистью и мстительностью по адресу социал-демократии. И он отомстил нашим депутатам, создав, при помощи провокаторов, процесс о каком-то никогда не существовавшем заговоре. Столыпин был одним из главных деятелей государственного переворота 3 июня, т.-е. отмены прежнего избирательного закона и создания третьей черносотенной Думы. При Столыпине расцвели пытки по отношению к политическим заключенным (Рижский музей) и сечения политических каторжан. Столыпин открыто взял под свою защиту Азефа и всю систему охранной азефщины — не даром первую свою речь в первой Думе обер-вешатель Столыпин посвятил защите охранки. Столыпин занес руку на свободу Финляндии и стал во главе самых рьяных душителей ее. Столыпин ввел исключительный закон против социалистов, он беспощадно громил легальные рабочие организации, он отменил даже закон 4 марта, дававший рабочим некоторую возможность создавать легальные профессиональные союзы. Столыпин еще более обездолил и разорил крестьянство. Столыпин... но достаточно и этого, достаточно того, что мы уже сказали в своем надгробном слове Столыпину, чтобы понять, почему он стал так дорог всему черному стану и почему его так ненавидело все то, что в России тянется к добру и свободе...

У Столыпина за время его деятельности был кратковременный роман с кадетами *), затем — очень продолжительные шашни с октябристами, и, наконец, в последнее время он докатился уже до открытого и прямого союза с крайними черносотенцами. Но в сущности, в течение всего времени его владычества над Россией, его дергали, как на ниточке, наиболее влиятельные элементы Совета Объединенного Дворянства — этого оплота всего реакционного, всего застойного, всего черносотенного. И даже

---

*) Об этом смотри подробнее в «Политическом Обозрении» этого номера, в ст. «Столыпин и кадетское министерство».

когда он по внешности расходился с открыто-черносотенным дворянством, он по сути дела творил волю именно Романовской шайки.

Столыпин был более дальновидным контр-революционером, чем многие другие из «славной» стаи — этого у него отнять нельзя. Сей из молодых да ранний был для по-революционной монархии Николая II приблизительно тем же, чем старый крокодил Победоносцев для монархии Александра III. И хотя «великим государственным деятелем» Столыпин был только в воображении Меньшикова и Милюкова, но верно то, что Столыпин сделал все человечески-возможное, чтобы спасти современную монархию, чтобы сберечь прогнившее самодержавие Николая Романова. Мы имеем в виду тут аграрную политику Столыпина, его думскую политику, его «реформы», одним словом, всю ту систему «обновления» России сверху, которая, по плану Столыпина и тех, кто его послал, должна была избавить монархию Николая II от революции снизу.

Если у современного самодержавия было какое-нибудь средство избегнуть новой пролетарско-крестьянской революции, то это то единственное средство, которое пустил в ход Столыпин: сделать шаг к союзу самодержавия с крупной буржуазией; хоть несколько пообчистить и подновить рубища старого самодержавия, введши, как постоянное учреждение, черносотенно-октябристскую Думу; насадить сверху значительный слой зажиточных крестьян-собственников в деревне; принять усиленные меры к процветанию «отечественной промышленности», и т. п., одним словом, — сделать шаг по пути превращения старого открыто-крепостнического самодержавия в самодержавие буржуазно-крепостническое. Это пытался сделать Столыпин, и за это Романовская шайка, безусловно, должна ему поставить стопудовую свечку. Он заслужил их благодарность, он сделал все, что мог. И не его вина, что руки оказались коротки. Не его вина, что все пути для монархии Николая II заказаны. Не его вина, что размах «реформаторства» для насквозь прогнившего старого строя неизбежно был крайне ограничен. Не его вина, что силы революции оказываются настолько велики, что возрождение ее — неизбежно.

У Столыпина сорвалось — это теперь несомненно. Он не спас короны Николая. Новая революция неизбежна, и она приближается с неумолимостью рока. Трон Романовых будет снесен новой революционной волной. Но Столыпин

сделал все, чтобы этого избежать. И этого одного, конечно, достаточно, чтобы черная банда стала превозносить бывшего саратовского губернатора Столыпина как полубога...

Однако, Столыпина славословят не только откровенные черносотенцы. К хору черносотенных голосов присоединились и либералы (кадеты). К Пуришкевичу, славящему Столыпина в стихах, присоединился и Милюков, славящий умерщвленного палача в прозе. Наперебой с Сигмой-Сыромятниковым, Львом Тихомировым, М. Меньшиковым, Громобоем и прочими верными псами Столыпина — Гессены, Милюковы, Кутлеры, Немановы и вся прочая кадетская братия спешит заявить свою верность престолу, свое изумление перед «великим государственным человеком» — Столыпиным — и свое «негодование» по поводу «преступного злодеяния». Такое море лжи, лицемерия, омерзительнейшего холопства, грязнейшего низкопоклонства — даже кадеты до сих пор являли нам не часто.

Достаточно взглянуть на кадетскую печать.

— «С чувством глубокой скорби и возмущения выстрел в Киеве должен быть встречен всеми».

— «К чувству негодования против преступления, совершенного в беспримерной обстановке, в присутствии Его Величества Государя Императора, присоединяется тяжелое сознание», что... и т. д.

— «Столыпин скончался. Со скорбным напряжением все русское общество следило за борьбой между жизнью и смертью, происходившей в Киеве»...

— «Смерть деятеля, павшего жертвой своего государственного служения, всегда освящает (!) его личность, и тень мученичества (!!) падает не только на него, как человека, но и на ту государственную работу, которую он делал» — в таких выражениях писал о Столыпине центральный орган кадетской партии («Речь», №№ 240, 244 и проч.).

Как низко пали эти шулера «народной свободы»! До какого уровня подлости надо дойти для того, чтобы за «государственную» работу палача и вешателя выдать аттестат «мученика» и «святого»!

И смотрите, как оценивают кадеты «государственную работу» Столыпина с точки зрения их политических идеалов.

— «П. А. Столыпин... явился.. представителем новых начал, поставившим себе две определенные задачи: задачи успо-

коения России и ее обновления (!) на началах права (!) и свободы (!!!)».

— «П. А. Столыпин... поставил во главе правительственных забот превращение России в государство правовое (!), укрепление законности (!!) и гражданской свободы (!!!)».

Вот как лгут народу господа кадеты! Столыпин был апостолом «права, свободы, законности» — над кем издеваются эти господа?!

И можно ли после этого удивляться, когда кадеты с ясным лбом пишут далее:

— «Кровавый кошмар (когда вешают революционеров, тогда нет кровавого кошмара!) ворвался в ход политического развития, которое должно было привести к действительному оздоровлению России, и в этом отношении смерть Столыпина — трагическая смерть — большее несчастье для противников, чем для друзей его» («Речь», № 244).

Смерть Столыпина — большее несчастье для противников, чем для друзей его, ибо — Столыпин «оздоровил» бы Россию. Учитесь, русские рабочие, учитесь все те, кто питал еще хоть каплю доверия к кадетам! И скажите, есть ли хоть малейшее преувеличение, когда мы называем кадет столыпинцами в либеральной маске?

Раньше при террористических актах тактика либералов укладывалась в знаменитую формулу, с которой либералы обращались к правительству:

— «Уступите нам, а то они будут стрелять».

Теперь либералы пали еще ниже, и их формула теперь скорее гласит уже так:

— «Уступаем вам (т.-е. открытым черносотенцам), дабы окончательно общими силами скрутить их (т.-е. революционеров)».

Такой бездны холопства, трусости, прямого политического негодяйства не могли бы проявить кадеты, если бы их либерализм не пропитывался уже в течение целого ряда лет заведомо анти-народными и контр-революционными идеями. Даже «лево»-либеральные газеты, как «Киевская Мысль» (смотри статьи Неманова и даже А. Яблоновского) приобщились к той грязи, которую развел центральный орган кадет... Да, кадеты вполне заслужили снисходительное потрепывание по плечу со стороны черносотенцев и то пренебрежительное третирование сверху вниз, как жалких перебежчиков, которое выразилось в заявле-

ниях октябристского «Голоса Москвы» и официозного «Нового Времени».

— «Перекрашиваетесь, господа? — писал, обращаясь к кадетам, орган октябристов. — Старайтесь, старайтесь, господа.

— «Вылезайте из-под стола, господа Гессен и Милюков», — мы оценили вас — насмешливо прибавляло «Новое Время».

Оценили вас и мы, социал-демократы. И на тех же выборах в четвертую Думу мы постараемся припомнить вам ваше гнусное поведение в связи со смертью Столыпина...

Свистопляска вокруг трупа Столыпина продолжается. Октябристы клянутся в вечной преданности националистам (т.-е. черносотенцам беспримесным), кадеты льют слезу по поводу того, что их не так охотно принимают в свои объятия октябристы. И весь контр-революционный стан сливается в общем кличе: Столыпин умер, — да здравствует Столыпин!

Нашим кличем пусть будет: Столыпин погиб, да сгинет и столыпинщина!

Отдадимте все свои силы на организацию массовой борьбы против всего «обновленно-самодержавного строя, вырвем с корнем Романовскую монархию и расчистим себе дорогу для борьбы за социализм.

* *
*

Умерщвление Столыпина вновь ставит вопрос о пригодности террора, как метода борьбы с самодержавием. Социал-демократы давно уже заявили, что они отвергают этот метод борьбы. И если какой-либо террористический акт доказал неправильность и даже прямо вырождение террористической тактики — так это именно последний «акт» над Столыпиным. Мы отвергаем террор не потому, что считаем недопустимым революционное насилие. — «Умерщвление не есть убийство» — писала еще «Искра» (№ 20) устами Г. В. Плеханова уже при первом крупном убийстве — министра Сипягина. Но нам нужно такое революционное насилие, которое вредило бы врагам нашим, самодержавию, а — не нам. Натиск масс, революция рабочего класса и крестьянской бедноты — вот наш путь, вот единственный путь к победе.

P. S. Бывшие социал-демократы (ликвидаторы) называют выстрел в Столыпина «диким, безумным выстрелом» и единственным доводом против тактики террора выставляют то, что «в настоящее время террористические акты, как это показало

киевское покушение, бросают буржуазную оппозицию и демократию в объятия правительства». («Дело Жизни», № 8, стр. 3 и 4.) Довод вполне достойный людей, изменивших с.-д. знамени. Какая демократия, кроме кадетской,—с позволения сказать,—«демократии» бросилась в объятия правительства — это остается тайной ликвидаторов. Ясно лишь одно, что по мнению «Дела Жизни», когда кадеты бросаются в объятия правительства, то в этом виновата не их собственная контр-революционная дрянность, а... тактика террора!

Мы, социал-демократы, высказывались против террора и тогда, когда либералы ликовали по поводу террористических актов и давали деньги на террор, *и* теперь когда либералы, даже по свидетельству ликвидаторов, «бросились в объятия правительства». Если бы с.-д. могли привести против террора только тот пошлый довод, который привели ликвидаторы, террористическая тактика не скоро была бы поражена.

Среди самих террористов несомненно много «либералов с бомбой». Но рассуждения «Дела Жизни» показывают, что и среди ликвидаторов тоже немало чистокровных либералов, хотя — и без бомбы.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 6 «Рабочей Газеты», 22 сентября (5 окт.) 1911 года.

НОВОЕ НАСИЛИЕ НАД ФИНЛЯНДИЕЙ [1].

Царское правительство открыло новый поход против Финляндии. Как известно, царь-батюшка повелел своим министрам выработать законопроект о присоединении двух приходов Выборгской губернии (Кивинепского и Усикиркского) к Петербургской губернии. Холопская третья государственная Дума, конечно, утвердит все, что ей преподнесут, в том числе и законопроект о разделе Финляндии.

Таким образом, решено оторвать от Финляндии значительный кусок территории и отдать его под начало русским опричникам. Несчастное население этих двух приходов, до сих пор жившее под защитой демократической финляндской конституции, сразу лишено будет всех прав человека и гражданина и сделается жертвой российского «обновленного режима». До сих пор оно все целиком (даже женщины) обладало всеобщим избирательным правом, теперь оно потеряет избирательные права, подобно русским крестьянам и рабочим. До сих пор у них была сравнительная свобода печати, союзов, собраний и стачек; теперь всего этого они лишатся, как только предназначенные к закланию два прихода будут присоединены к Петербургской губернии и подчинены действию нашей военно-полевой «конституции».

Но что мы говорим «будут», «лишатся»! Они, а вместе с ними и все население Финляндии, уже этого лишились, они уже превращены в рабов русского царя. По крайней мере правительство уже пытается превратить их в бессловесных рабов своих. Так, по финляндской конституции граждане пользуются полной свободой собраний. И вот, для протеста против предполагающегося расчленения своего отечества, финляндцы, и, главным образом, рабочие-социалисты решили созвать по всей стране собрания и митинги. Но русское правительство, привыкшее не церемониться с порабощенными российскими «обывателями», не хочет позволить финнам использовать свое бесспорное право. Собрания запрещаются и разгоняются, пускается в ход вооруженная сила, производятся аресты, словом — кнут и палка заработали, произвол и насилие уже господствуют во всю.

Но мы уверены, что о Финляндию царизм обломает зубы. Этого ореха ему не раскусить. Финляндский пролетариат, организованный в социал-демократическую партию, а за ним и другие

слои народа окажут насилиям царского правительства упорное и несокрушимое сопротивление.

Пролетариат нашей страны, пролетариат России связан особенно тесно с финским, так как оба они стонут под властью одних и тех же угнетателей. Именно сознание этой общности интересов русского и финского пролетариата и подсказало съезду немецких социал-демократов в Иене резолюцию, в которой от имени миллионов немецких рабочих выражаются симпатии финляндскому народу и финляндским социалистам и обещается поддержка финским и русским рабочим в их борьбе с царско-помещичьей шайкой.

Через головы наших общих палачей и мы, русские рабочие, снова выражаем симпатии финским пролетариям и надеемся, что встретимся с ними на бранном поле, когда настанет великая историческая минута и когда рука об руку с ними мы выступим на последний беспощадный бой с царским самодержавием.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 6 «Рабочей Газеты», 22 сентября (5 окт.) 1911 года.

СТОЛЫПИН И КАДЕТСКОЕ МИНИСТЕРСТВО ([1]).

Читатель, вы помните эпопею с кадетским министерством в эпоху первой государственной Думы?

— Волею царского избирательного закона кадеты получили большинство в первой Думе. Они стали «руководящей» партией. Заветная мечта осуществилась. Теперь для них открылась почва для торгов и переторжек со старым режимом, теперь они могли начать думать о проведении в жизнь того долгожданного «соглашения» с Романовской монархией, о котором кадеты грезили во сне и на яву в течение всей их политической жизни. Времена были такие, что и правительственной шайке было выгодно использовать кадет и делать вид, будто и она согласна уступить некоторым «разумным» требованиям кадетской партии. Революционные волны еще не улеглись. Среди крестьянства продолжало бурлить. Что у рабочих начали истощаться силы — в это меньше всех верила тогда стоявшая у власти камарилья. И вот некоторые из столпов реакции начинают задумываться: — а не прибегнуть ли и впрямь к помощи кадет для усмирения рабочего класса и крестьянства. Достаточно сказать, что этот план принялся осуществлять — как стало потом известно — не кто иной, как сам Д. Трепов, тот самый Трепов, который прославился знаменитым приказом: «патронов не жалеть!»

В этот момент кадеты и выдвинули с особой энергией лозунг назначения кадетского министерства. Назначьте Милюкова, Набокова, Муромцева министрами и сразу-де Россия вздохнет свободно, сразу и крайности реакции и «крайности» революции исчезнут..

И вот кадеты, с одной стороны, — пряча концы в воду, под самой строжайшей тайной от народа, повели темные переговоры и торги с Треповым. С другой стороны — кадеты старались заручиться поддержкой их требования кадетского министерства со стороны «левых» вообще и социал-демократов в особенности.

Социал-демократы-большевики открыли тогда самую решительную кампанию против кадет. Они тогда указывали народу, что за его спиной кадеты ведут закулисные переговоры с мясниками Николая Романова, они уже тогда предостерегали народ против кадет, как партии, способной на самые подлые преда-

тельства. И они звали рабочих и всю революционную демократию на борьбу и с правительством и с переметчивым и изменническим либерализмом, готовым каждую минуту продать за пару министерских мест все требования революционного народа.

Кадеты решительно отрицали тогда существование переговоров их с камарильей, они называли это клеветой социал-демократов-большевиков. На последних вообще сыпалась масса обвинений — в раскалывании рядов оппозиции, в преувеличенной враждебности к кадетам («кадетоедство») и т. п.

Но вот прошло несколько лет. Кадеты на ближайшее время потеряли всякую надежду попасть в министры. Не только в министерства, но и в передние министров доступ стал им труден. И вот, чтобы уязвить своих конкурентов, кадеты время от времени напоминают сановным звездоносцам о том, как те в былые времена снисходили до тайных переговоров с кадетами...

Завеса понемножку приподымается. Сначала мы узнали о разговорах Трепова с вождями кадет (в петербургском ресторане Контана) по поводу кадетского министерства.

Затем выплыли на свет божий некоторые сведения о заигрываниях Столыпина с кадетами. А на-днях, после смерти Столыпина, кадеты еще несколько приподняли завесу и рассказали некоторые любопытные подробности. Столыпин — рассказывают теперь кадеты:

— «Два раза через Крыжановского предлагал С. А. Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства, при участии П. А. Столыпина в качестве министра внутренних дел»... («Речь», № 244).

Таким образом, обер-президент кадетской партии Муромцев, через обер-жулика Крыжановского, вел закулисные переговоры с обер-вешателем Столыпиным об образовании кадетского министерства. Об этом кадеты молчали пять лет. И лишь когда умерли и Муромцев, и Столыпин — они делают робкий намек и трусят еще и теперь рассказать публично о том, что же было на этих переговорах, из-за чего не сошлись, на чем не сторговались. Хороши «демократы», хороши ревнители «народной свободы»!

Положим, почему именно не состоялась сделка кадет со Столыпиным — довольно ясно. Та же «Речь» выбалтывает: — «Центр тяжести того времени заключался, конечно, не в думских выступлениях». Вот именно, господа почтенные. И по-

тому-то мы, революционные социал-демократы, и боролись тогда не на живот, а на смерть с господами кадетами, обманывавшими народ насчет того, что именно только «думскими выступлениями», именно мирными соглашениями со Столыпиным они добудут свободу для России...

Чем больше будут кадеты разоблачать свои былые переговоры с Треповым и Столыпиным, тем яснее будет становиться, насколько правы были мы, революционные социал-демократы, предостерегавшие народ против кадетов тогда, когда многие им еще верили...

Побольше света, господа кадеты! Расскажите-ка о своих тайных сношениях со Столыпиным, Треповым и Крыжановским, господа! Ведь все равно — раньше или позже проделки ваши откроются.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 6 «Рабочей Газеты», 22 сентября (5 окт.) 1911 года.

О ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ([1]).

Скоро три года, как партия наша не имела своих конференций. Нечего и говорить о том, как плохо отразилось на работе партии это отсутствие и общепартийного съезда и даже конференции.

Главным препятствием, мешавшим нам выполнять такие очередные организационные дела, как созыв партийных конференций, был, конечно, разгул контр-революции. Силою жесточайших правительственных репрессий были страшно ослаблены наши местные партийные организации и были нанесены тяжелые удары нашим партийным центрам. С каждым днем работа становилась все труднее — особенно в виду упадка самого рабочего движения. И если местная работа в отдельных городах, районах, на отдельных фабриках и заводах с чрезвычайным напряжением сил велась, — то общероссийские, общепартийные задачи выполнять становилось все труднее.

Теперь дело изменилось к лучшему. Не то, чтобы преследования со стороны правительства ослабели. Нет! Но рабочие массы начинают вновь поднимать свой голос — несмотря на преследования правительства. Летние стачки 1910 года, летние стачки 1911 года — лучшее тому свидетельство. Местные наши нелегальные с.-д. организации оживляют свою деятельность в целом ряде городов. Они научаются применять новые способы работы, они усвоили необходимость сочетания нелегальной и легальной с.-д. работы, они возобновляют планомерную политическую агитацию и стараются руководить экономической борьбой рабочих. Приближаются выборы в четвертую Государственную Думу, в которых нам именно, как партии, как общероссийской организации, необходимо будет принять самое деятельное участие. Никогда так остро не чувствовалась еще потребность в общепартийном объединении, в создании руководящих партийных центров, которые объединяли бы всю работу, помогали бы воссоздавать организации в том большом числе мест, где остались лишь отдельные с.-д. группки и разрозненные с.-д. одиночки.

И для всего этого — необходима партийная конференция, необходим самый ускоренный, немедленный ее созыв.

Но было еще одно препятствие, тормозившее созыв конференции. И, к сожалению, этот тормоз остается в значительной мере и по сей час. Мы говорим о внутреннем состоянии нашей партии. За время контр-революции, как известно, нашей партии повернуло тыл немалое количество бывших членов ее, главным образом—из интеллигенции. Одни ушли просто в обывательщину или прямо перекочевали к буржуазии. Но есть и другие: они перестали быть социал-демократами, но они все же хотят участвовать в рабочем движении. Им не нравится наша старая Российская С.-Д. Рабочая Партия, но они не прочь создать другую — во что бы то ни стало легальную — не-социал-демократическую партию. «Рабочей» эта их будущая новая партия должна быть лишь в том смысле, что в нее зовут и рабочих. Но пролетарской, революционной эта новая партия быть не должна. Иначе незачем было бы этим господам стремиться распустить, ликвидировать (отсюда название: «ликвидаторы») нашу старую с.-д. партию. Новая партия должна быть полу-либеральной, полу-«социалистической». И главное—легальность, легальность, легальность во что бы то ни стало!

Пока были неясны планы ликвидаторов, многие с.-д. надеялись, что ликвидаторы скоро откажутся от своих ошибок и вернутся к социал-демократии. Товарищи воздерживались поэтому от решительного разрыва с ликвидаторами, делали им уступки и т. д. А те пользовались этим, чтобы губить наше дело, чтобы срывать Ц. К. партии, чтобы не давать созвать конференцию, чтобы вносить раскол в наши местные с.-д. организации и даже в профессиональные союзы.

Но теперь дело вполне выяснилось. Никакими уступками ликвидаторов назад к с.-д. партии не воротишь. Только ценой одной уступки можно купить мир с ними: отдав им на слом нашу партию и ставши самим ликвидаторами. Это поняло огромное большинство российских нелегальных организаций и кружков, а также и партийцы — легальные с.-д. деятели. Ликвидаторы и теперь, естественно, хотят помешать нашей партии созвать свою конференцию. Понятно — почему: им политически невыгодно, чтобы наша старая нелегальная партия вновь объединилась и окрепла. Ведь взять хотя бы вопрос о выборах в четвертую Думу, которым наша конференция должна заняться в первую голову. Нам, партийцам, необходимо, чтобы конференция скорее собралась, сплотила наши силы и дала бы нам возмож-

ность дружно выступить на выборах. А ликвидаторам? Они прямо говорят, что будут выставлять своих кандидатов против нашей партии. Конечно, им выгоднее, чтобы мы выступали разрозненно, а они — сплоченно.

Но уже ряд организаций в России — С.-Петербург, Баку, Киев, Тифлис, Екатеринослав, Саратов, Уральские города, частью Москва, Ростов и т. д. — высказались за немедленный созыв конференции, несмотря на все препятствия со стороны внутренних врагов партии.

Среди заграничных кружков идут озлобленные споры по вопросу о том, кто должен созвать конференцию, сколько от каждой фракции должно быть делегатов в комиссии, созывающей конференцию, и т. д. Иные с.-д. настолько неустойчивы, что и теперь предлагают еще мириться с ликвидаторами. Но российские товарищи уже сказали недвусмысленно: во-первых, что они мириться с врагами социал-демократии не видят возможности; во-вторых, что они будут участвовать в той партийной конференции, которую созывает совещание членов Ц. К.

Задача всякого с.-д.-партийца, к какой бы фракции он ни принадлежал — отстраняя от себя все мелочные споры и всю налипшую склоку, — помочь немедленному созыву партийной конференции.

Выбирать на конференцию должны все нелегальные с.-д. партийные организации, группы, кружки, а также все партийные группы, работающие на легальном поприще, но подчиняющиеся партии и тесно с ней связанные.

Главными вопросами, которые будут разбираться на конференции, должны быть вопросы о выборах в четвертую Думу, о постановке с.-д. агитации и пропаганды, о работе в профессиональных союзах, о стачечной борьбе, об укреплении нелегальной организации и создании руководящего центра, об отношении партии к буржуазным течениям — ликвидаторству и отзовизму и т. д.

Время не ждет! Давайте, товарищи, все дружно работать над неотложным делом немедленного созыва партийной конференции.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 6 «Рабочей Газеты», 22 сентября (5 окт.) 1911 года.

ГОСПОДИН ЛАРИН и НЕЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯ (1).

...Эти попытки (воссоздать нелегальные с.-д. организации) безнадежны теперь в силу того **политического бессилия и классовой пустоты** (набрано жирным шрифтом у г-на Ларина), на какие неизбежно обречены при данных условиях и те нелегальные организации, члены которых считали бы увеличение численности своих организаций вернейшим путем создания партии и в строительстве организации видели бы поэтому сейчас главную свою очередную задачу («восстановление иерархии»).

Так пишет единомышленник Мартова и Дана и союзник Троцкого в № 6 «Дела Жизни», на стр. 15-й (столбец 1-й) этого почтенного журнала. Русские рабочие! Это именно с этим господином Лариным и ему подобными господами проповедуют вам «соглашение»!.. Мы, партийцы, говорим: отдадим все силы для воссоздания нелегальной с.-д. партийной организации, использующей все легальные возможности. Ларины и иже с ними говорят: отдадимте все силы для разрушения «безнадежной» нелегальной с.-д. организации. Наши «примирители» говорят: необходимо «единство во что бы то ни стало» с Лариными, Данами и Мартовыми...

— «При большом количестве политически невинных молодых рабочих, при некотором повышении ныне интереса ко всему, что носит кличку «политики»... не так трудно слепить в каждом городе в непрочные «кружки пропаганды» пару сот человек». Но «все это добросовестное», но все же «маскарадное» предприятие не есть классовая партия, а только «одно недоразумение», способное вводить в заблуждение лишь политических младенцев». «Не шли и не идут в комитетские организации лучшие сознательные и опытные рабочие»... «Долго даже малосознательный рабочий не согласится играть в организационные бирюльки — в выборы, перевыборы, голосования, переголосования — только для создания хотя бы видимости «времяпрепровождения». «Ядро рабочей социал-демократии оказывается вне комитетских организаций, хотя бы те и звали его. Комитеты оказываются вне действительной политической работы, хотя бы и хотели ее». Отсюда

выходит — «постановка в центр внимания» «открытого движения с обязательным настаиванием на нем».

Так пишет тот же единомышленник Мартова и Дана и союзник Троцкого в том же почтенном журнале на стр. 15, 16, 17 и 18. Итак: вы, передовые рабочие России, платите за это своей свободой и жизнью, не останавливаясь ни перед какими скорпионами Столыпина, отдаете все свои силы на то, чтобы в каждом городе сорганизовать хоть 50 рабочих. Вы знаете, что 50 поведут за собою тысячи, вы знаете, что 50 сделают хоть что-нибудь для защиты рабочих интересов. А вам говорят: сорганизовать-то теперь можно в каждом городе и 200 человек, но только ведь это просто будет «маскарад», «игра в бирюльки», ни один сознательный рабочий на это не пойдет. Какое слово, кроме слова *изменник*, сорвется с уст каждого рабочего-революционера, когда он прочтет эти издевательства господ Лариных над русскими социал-демократами? А находятся люди, которые говорят: миритесь с Лариными, перекуйте мечи в орала и да будет всеобщий мир. Каким словом, кроме слова *перебежчик*, заклеймит русский рабочий этих проповедников мира с господами Лариными?

«Прежние комитетские организации из подростков-рабочих, не понимавших еще обычно движения своего класса, и из революционизированных интеллигентов, чуждых чистоте (?) настроений своей буржуазной среды, — такие учреждения не могли уловить, конечно, биения пульса жизни». «Милые сами по себе юноши, воображающие подчас, что можно историю не преодолеть, а что достаточно ее прокричать (с.-д.) или даже на нее прикрикнуть (с.-р.)»... и т. д.

Так пишет г. Ларин, единомышленник Мартова и Дана и союзник Троцкого, в № 7 «Дела Жизни», на стр. 15 и 18. Года два назад подлейшие из кадет выпустили подлейшую из кадетских книжек — много нашумевшие «Вехи». Только там мы встречали подобные хамские издевательства над с.-д. «комитетскими» организациями времен революции. В момент подъема революционной волны — наших организаций трепетали кадеты и льнули к нам даже господа Ларины. Теперь на улице контрреволюции праздник — и Изгоевы, Ларины и братия берут реванш. «Мир» и «единство» с Лариными так же возможны для социал-демократии, как мир и единство с Изгоевым, Струве и прочими поклонниками Столыпина.

Не мир, но — меч. Российская социал-демократия шагу не сможет сделать, если не объявит самой решительной войны Лариным, Потресовым и Мартовым ликвидаторства.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Господин Ларин и нелегальная с.-д. организация» — статья из № 23 «С.-Д.» за 1911 г.

ВЫБОРЫ В 4-Ю ДУМУ И НАШИ ЗАДАЧИ [1].

— «Для нас, социал-демократов, для партии, стремящейся ниспровергнуть современный строй и завоевать новый общественный порядок, на выборах выдвигаются прежде всего следующие задачи: посмотреть, кто с нами и кто против нас; проверить, как действует в стране наша с.-д. агитация; научиться, как лучше в дальнейшем направлять социал-демократический огонь, дабы пламенные языки проникали все глубже и глубже в самые отдаленные уголки» . . .

Из речи Августа Бебеля, произнесенной в 1911 г. в Гамбурге.

— «Это—политический закон, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают».

Из речи Бебеля на Магдебургском съезде германской с.-д. партии.

I. До 3-й Думы.

Вот уже четыре года сидит на народной спине 3-я черносотенная Дума. И хозяева этой Думы — господа Пуришкевичи и Крупенские [2], Гучковы и Родзянки [3], Маклаковы и Милюковы [4] — не только не думают слезать с шеи народа, но заботятся только о том, как бы на ней поудобнее устроиться . . .

Уже к концу 1905 года для русской буржуазии вполне выяснилось, что российский пролетариат не намерен таскать для нее каштаны из огня; что и он кое-чему научился у истории и отнюдь не склонен в происходящей революции играть роль пушечного мяса на службе у буржуазии; что пролетариат, наоборот, становится сам во главе буржуазной революции, чтобы в борьбе и против самодержавия, и против буржуазии отвоевать себе полную политическую свободу (демократическую республику [5] и ряд экономических улучшений (восьмичасовой рабочий день и т. д.). Когда все это выяснилось для буржуазии, она повернула вспять и поспешила на помощь к самодержавию. Из двух врагов — царского самодержавия и восстав-

шего пролетариата — ей показался наиболее опасным второй. Перед лицом «красной опасности» буржуазия, вплоть до самой либеральной, забыла о «черной опасности», о которой она раньше так много кричала.

...«На 17-м октября надо поставить точку»,—откровенно заявила устами кадетских политиков и писателей либеральная буржуазия. Иначе говоря, либералы предлагали рабочему классу удовольствоваться теми полусвободами, которые на словах «даровал» (главным образом буржуазии) «обожаемый монарх» в манифесте 17 октября.

Мог ли с этим согласиться рабочий класс? Не должен ли он был, как задним числом (6) проповедуют некоторые премудрые пескари (7), ограничиться немногим, чтобы не потерять всего? Нет, и тысячу раз нет! Вопрос стоял как раз наоборот. Даже для того, чтобы удержать немногое, пролетариату необходимо было бороться дальше—за все, за всю сумму его требований. Если бы пролетариат послушался либералов и «поставил точку» 17 октября, оправившееся самодержавие пошло бы еще дальше, чем теперь, и не оставило бы даже буржуазии тех небольших завоеваний революции, которыми она теперь пользуется. Не будь декабрьского (8) вооруженного восстания, не было бы, быть может, даже 3-й Думы, или была бы Дума, в которой не было бы ни одного революционера, ни одного социал-демократа.

Перед пролетариатом тоже стояли два врага: самодержавие и буржуазия. Ни на иоту не мог он ослабить своей борьбы ни против одного из врагов, не ослабляя тем самым своей позиции в борьбе против второго врага. Малейшая уступка со стороны пролетариата дряблости буржуазии равнялась бы усилению самодержавия. Вместо объединения и увеличения объединенных сил получилось бы ослабление их. С другой стороны, малейшая уступка самодержавию равнялась бы увеличению трусости и подлости буржуазии. Рабочий класс понял это и пошел в непримиримую борьбу с обоими врагами, привлекая на свою сторону революционную крестьянскую бедноту и ту часть городской демократии, которая способна была к борьбе.

— «Поддержите нас в наших умеренных требованиях полусвободы и ни шагу дальше!»—говорила рабочим буржуазия.

— «Нам нужна свобода не только для вас, буржуа, но и для нас. Довольно с нас эксплоатации экономической, мы не позво-

лим вам эксплоатировать нас еще и политически. Нам нужна свобода борьбы против всего капиталистического строя. И мы добьемся ее не только вопреки царю, но и вопреки вам, господа буржуа!» — ответили буржуазии рабочие.

У революционной армии рабочих и крестьянской бедноты не хватило сил. В первой революции рабочие (и вся вообще революционная демократия) были разбиты. Только предстоящая новая победоносная революция освободит нашу страну от остатков крепостничества и даст нам свободу классовой борьбы.

Однако, на войне — как на войне: поражением первой революции, естественно, воспользовалась прежде всего династия Романовых. После разгона 1-й и 2-й Государственных Дум царь в манифесте от 3-го июня 1907 г. ([9]) уже прямо заявил:

— «Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право (!) отменить оный и заменить его новым».

Другими словами, Николай Романов вполне резонно заявил: теперь, когда революция подавлена, у меня своя рука — владыка. И пошел владычествовать!..

II. 3-я Дума. К чему пришли?

Теперь, когда пролетариат и крестьянство были придушены, можно было уже и по отношению к буржуазии отделаться только самыми ничтожными уступками, и то большей частью бумажными. Правда, самодержавие убедилось, что на одном голом штыке долго не усидишь. И оно сделало попытку самому, по-своему, на столыпинский ([10]) лад, решить задачи буржуазного развития. Оно взялось само за решение, например, аграрного (земельного) вопроса — одного из основных вопросов революции. Оно «решило» его, конечно, по-своему: провело закон 9 ноября 1906 г. — 14 июня 1910 г., которым масса крестьянской бедноты отдается на поток и разграбление деревенским богатеям и который, создавая кучку зажиточных «хозяйственных мужичков», в то же время толкает в омут нищеты и полной пролетаризации десятки миллионов неимущего крестьянства. Теперь уже нет сомнения, что у Столыпина сорвалось. Своей аграрной политикой он делал шаг по пути превращения старого, прогнившего, крепостнического самодержавия в подновленную, подчищенную,

буржуазную монархию. Это был действительно единственный оставшийся путь для спасения самодержавия, но и это не помогло. Опыты Столыпина в деревне ведут лишь к одному: разоряя массу крестьянства, они готовят новую революционную армию, кровно заинтересованную в низвержении Романовской монархии.

То же и с третьей Думой. Самодержавие не решилось просто-на-просто упразднить всякую Думу. Уж если делать попытку подновить, придать более «европейский» вид старому самодержавию, то без «парламента», без Думы не обойтись. Уж если итти навстречу крупной буржуазии, землевладельцам и всему вообще, хотя и вопиющему о «конституции», но по существу противо-революционному лагерю,—то волей-неволей приходится создавать такое учреждение, как Дума, т.-е. своего рода общероссийское представительство союзников Романовской монархии. И Дума была создана, но создана, конечно, по образу и подобию этого третьеиюньского союза, по образу и подобию Столыпина и его шайки.

Новый избирательный закон (закон 3 июня 1907 г.) заранее выкроен был так, чтобы в Думе чисто механически обеспечено было большинство за дворянско-помещичьими депутатами. Достаточно привести несколько цифр. Из числа 5.252 выборщиков по 53 губерниям от землевладельцев выбирается 2.594 выборщика, т.-е. 49,39% общего числа выборщиков, а от рабочих—лишь 112 выборщиков, т.-е. 2,13% общего числа выборщиков. Таким образом, землевладельцы уже одни (даже без черносотенцев от городских богачей, составляющих 1-ю городскую курию и имеющих 788 выборщиков — 15,01% всех депутатов) имеют половину всех выборщиков. Рабочие же—лишь $^{1}/_{50}$ часть! Вот еще более красноречивые цифры:

1 выборщик приходится на:

в землевладельческой курии	230	человек.
» 1-й городской курии (крупнейшие богачи)	1.000	»
» 2-й городской курии (средняя буржуазия)	15.600	»
» крестьянской курии	60.000	»
» рабочей курии	125.000	»

Другими словами: 230 помещиков имеют столько же прав, сколько 60.000 крестьян и 125.000 рабочих!

В тот момент, когда большинство рабочих и крестьян поймет смысл этой маленькой таблички и сделает свои практические выводы из этой системы,—конец тогда царской власти и 3-й Государственной Думе!..

После состоявшихся выборов в 3-ю Думу для революционных социал-демократов сразу стало ясно, что в Думе будет два большинства: октябристско-кадетское и октябристско-черносотенное. И действительно, в течение всех четырех лет Столыпин, в особенности при проведении своих «реформ», все туже затягивавших петлю на шее России, поочередно опирался то на большинство, составленное из депутатов октябристов и кадет, то на большинство, составленное из октябристов и открытых черносотенцев. Правда, иногда Столыпин зарывался настолько, что восстановлял против себя даже законо-покорных октябристов. Так было к концу последней сессии, протекшей под знаком так называемого министерского кризиса. Если третьедумское здание рушится, то это, во всяком случае, не из-за того, что нынешние депутаты слишком строптивы и оппозиционны. Нет! Хамства перед Столыпиным, готовности ползать на брюхе перед царем, энергии в деле душения народа—у третьедумского большинства, включая сюда и кадетов,—хоть отбавляй. Они достаточно контр-революционны—все эти и «союзники» (11), и октябристы, и кадеты. И если даже в этой среде пошли нелады со Столыпиным, если даже здесь начались свары и различные, хотя часто и просто комедиантские «кризисы», значит—дела «обновленного» самодержавия плохи! Значит, не удался опыт думской политики Столыпина, как не удался его опыт аграрной политики. Значит, не поможешь старому самодержавию никакими лекарствами, никакими знахарствами, никакими подновлениями и заплатами. Значит, самодержавию осталось одно—помереть! Права была наша с.-д. партия, когда говорила:

— Самодержавие делает попытку спасти себя при помощи шага в сторону превращения в буржуазную монархию, при помощи приспособления к новым потребностям буржуазного развития, но и этот шаг самодержавия обязательно постигнет неудача. Ничто не спасет самодержавия. Революция неизбежна!

Политика кадетского большинства 1-й и 2-й Дум оказалась бессильна решить хотя бы один серьезный вопрос, поставленный русской жизнью. Крах трусливого и половинчатого либерализма

учил народ тому, что правы революционные социал-демократы, что не сделка и не соглашение с Романовской монархией, а только пролетарско-крестьянская революция способна вывести Россию из тупика.

Предсказание революционных социал-демократов оправдывается и дальше. Третья Дума за все годы своего существования учила народ одному: всеми своими действиями она каждый день, каждый час наглядно доказывала каждому рабочему, каждому крестьянину, что нужна новая революция, что проложить себе дорогу к действительной свободе можно, только перешагнувши через труп современной «коституционной» монархии.

III. Бойкот или участие в выборах в 4-ю Думу?

— Но если так, — воскликнет иной не по разуму усердный «революционер», — если 3-я Дума—черносотенная, если нужно перешагнуть через ее труп и если нет надежд, что 4-я Дума по составу будет совершенно отличаться от 3-й, — то зачем же, спрашивается, социал-демократам участвовать в подобном учреждении, и не лучше ли 4-ю Думу бойкотировать?

Так, действительно, и говорят мнящие себя «крайними левыми» с.-р. (интеллигентская партия «социал-революционеров»). В этом вопросе с.-р. окончательно запутались теперь в трех соснах: одни из них предлагают «активно» бойкотировать выборы в 4-ю Думу, другие из них предлагают просто «пройти мимо» этих выборов (дескать, нас, «настоящих революционеров», это дело не касается...), третьи стоят за участие в выборах отдельных членов партии, но не партии, как целого, и так далее и т. п. Что эта путаница означает полное банкротство с.-р. — ясно каждому рабочему. Эта судьба эсеровской партии нас, социал-демократов, должна научить одному: мы должны отнестись беспощадно отрицательно к той путанице, которую в нашу партию вносят так называемые «отзовисты» ([12]), тоже причисляющие себя к социал-демократии. «Отзовизм», вообще говоря, теряет всякую почву под ногами. Сколько-нибудь влиятельных среди рабочих групп, открыто предлагающих «отозвать» с.-д. депутатов из 3-й Думы и не посылать своих депутатов в 4-ю Думу, почти что нет. Остался только заграничный кружок колеблющихся «отзовистов», не решающихся прямо отрицать участие с.-д. в выборах, но заявляющих: «надо пого-

дить» решать этот вопрос,—торопиться некуда; мы либо будем, либо не будем участвовать в выборах, смотря по обстоятельствам. Во всяком случае, выборам нельзя отдавать всех сил, на них «не надо затрачивать всей энергии». Такова была, например, мотивировка «отзовистов» во время частичных выборов в Петербурге. Этакий трусливый «отзовизм» уж, во всяком случае, не способен соблазнить ни одного мыслящего рабочего.

Социал-демократическая фракция 3-й Думы годами работы наглядно показала пролетариату, какую огромную пользу рабочему делу она может принести, когда держится верной тактики.

Наша думская с.-д. фракция не мало сделала—и могла бы сделать еще более—для с.-д. пропаганды, агитации и организации, отстаивая с думской трибуны и разъясняя значение наших программных требований, освещая с точки зрения революционной с.-д. все выдающиеся факты в области классовой борьбы. Подвергая критике империализм, национализм, милитаризм царского правительства и поддерживающих его партий, с.-д. фракция сослужила большую службу рабочему классу, главным образом и прежде всего тем, что на думской трибуне, перед лицом всей России, она являлась в общем и целом верным выразителем революционных стремлений Р. С.-Д. Р. П., которую пытались заживо похоронить ее враги.

Что мы используем черную Думу, а не черная Дума нас,—это доказано опытом. Раз Дума стала не случайным, а неизбежным звеном в политике современной монархии,—мы должны быть и на этой арене. Здесь, в черносотенном парламенте, предают народ, здесь делят ризы, здесь яснее всего обрисовываются политические позиции разных классов. И мы должны быть здесь же, мы должны преследовать по пятам врагов наших, по горячим следам должны мы разоблачать их перед всей страной, всенародно пригвождать их к позорному столбу!

Посмотрите, как недовольны нашим участием в Думе господа кадеты! Ничему бы так не рады были эти господа, как если бы мы стали бойкотировать 4-ю Думу. Еще бы: сколько раз наши с.-д. депутаты расстраивали игру этим шулерам «народной свободы», сколько раз срывали они маску с Маклаковых, Кутлеров (13) и Милюковых, сколько раз разоблачали социал-демократы подлые проделки кадетской партии!

А октябристы и правые? Сколько раз у них вырывался затаенный вздох: ах, кабы убрались из Думы эти разбойники—

социал-демократы! И сколько раз с досадой говорила себе эта черносотенная шайка: нет, не уберутся эти эс-деки сами добровольно, придется попробовать убрать их силою...

А правительство? Было время, в 1905-6 г. г., когда бойкот был ему страшен, ибо тогда социал-демократы могли призвать народ к вооруженному восстанию вместо выборов в Думу. Тогда правительство спешно издало закон, карающий тюрьмою (до 6 месяцев) всякого, кто стал бы проповедывать бойкот. А теперь? Посмотрите на недавние выборы в Москве. Правительство, наоборот, прятало в тюрьму всякого, кто говорил об участии с.-д. в избирательной кампании. Если бы мы стали бойкотировать 4-ю Думу, мы оказали бы правительству величайшую услугу. Но мы давно уже знаем: «что враг советует, то, верно, худо». Мы не станем радовать своих врагов.

Принять самое энергичное участие в выборах в 4-ю Думу— обязанность всякого рабочего с.-д. Отдать свои силы правильной революционно-социал-демократической постановке нашей избирательной кампании—долг каждого из нас.

IV. Какова будет наша избирательная платформа?

С чем же пойдем мы, социал-демократы, на выборы в 4-ю Думу?—Со всей нашей социалистической программой, со всеми нашими революционными лозунгами и требованиями в их неурезанном виде! Тысячу раз прав старый Бебель, указывая, что для социал-демократов самое главное на выборах, это—с.-д. агитация. Социалистическое просвещение масс, проповедь новой революции—вот наша главная задача в предстоящую избирательную кампанию. Для нас, российских с.-д., в несравненно большей степени, чем для социалистов других стран, важна именно эта агитационная деятельность во время выборов. Как бы ни старались изо всех сил столыпинцы, — не заткнуть им всех отдушин. Во время выборов неизбежно будет некоторое оживление в стране, неминуемо расширятся и наши возможности агитации, обязательно поднимется интерес к «политике» вообще. Почва будет более взрыхлена, и социал-демократические сеятели должны быть на месте, чтобы исполнить свой долг. То, что мы посеем, взойдет, быть может, не так скоро, как мы бы хотели, но оно взойдет!

Некоторые из бывших с.-д. (ликвидаторы) ([14]) предлагают рабочим сделать единственным центральным лозунгом избирательной платформы рабочей партии требование всеобщего избирательного права. Приемлемо ли для с.-д. это предложение?— Ни в каком случае! — Те, кто предлагают этим единственным требованием всеобщего избирательного права заменить всю сумму наших требований, рассуждают приблизительно так: «Времена ныне плохие, надо мириться на малом. Разговоры о революции являются праздными разговорами. Надо сосредоточить все внимание избирателей на чем-нибудь осязательном, доступном им, сулящем им быстрые результаты. Нужно выступить с умеренными, всем понятными требованиями и бросить устаревшие (будто бы устаревшие), непримиримые революционные требования. Тогда — полагают эти люди — можно будет и некоторую часть более или менее демократической буржуазии привлечь на свою сторону».

Нет ничего ошибочнее и вреднее подобных рассуждений. Страну нашу неизбежно ждет новая революция ([15]). Не видеть этого могут только те, которые смотрят лишь на поверхность явлений, кто за деревьями не видит леса. Именно теперь, когда неизбежность революции еще не всем ясна, когда, если судить по внешности, в стране царствует покой кладбища, именно теперь мы, социал-демократы, мы, марксисты, должны неутомимо указывать рабочим на неизбежность революции.

Вместо этого бывшие социал-демократы (ликвидаторы), в основном перешедшие на сторону либералов, стараются понести в рабочую массу проповедь «трезвенности», проповедь умеренных и «осуществимых» требований. Сегодня они говорят рабочим: «Ну что там толковать о революции, бросьте вредные фантазии и праздные фразы, — боритесь вот лучше за свободу коалиций (т.-е. за свободу союзов, собраний и т. д.), боритесь за «легальность»; таким путем, вы, может быть, чего-нибудь маленького, но верного добьетесь». Завтра они таким же образом вырывают из нашей программы одно требование всеобщего избирательного права и это требование противопоставляют всей программе. Такая постановка вопроса ничего общего с социал-демократической не имеет.

Само собой понятно, что и мы, социал-демократы, придаем огромное значение таким важным отдельным требованиям нашей программы, как свобода коалиций и всеобщее избирательное

право. И та и другое совершенно необходимы для успешности классовой борьбы рабочих, но никогда социал-демократы не согласятся разменять свою программу и вместо всей программы (являющейся якобы «несбыточной», якобы «утопичной») преподносить рабочим лишь отдельные частички ее. От самодержавия русские социал-демократы требуют не отдельных реформ, не частичных улучшений. Они требуют от самодержавия одного: чтобы оно перестало существовать. И они хорошо знают, что этого можно добиться только революцией, а отнюдь не урезыванием и не принижением своих требований, отнюдь не тем, чтобы выдвигать отдельные, хотя бы и важные требования и прятать в карман знамя революции.

Так — и на предстоящих выборах в нашей избирательной платформе. Мы, конечно, будем выяснять рабочим всю неотложную необходимость для них всеобщего избирательного права, но мы не позволим подставить это единственное требование вместо всей суммы наших требований. Это требование важно, слов нет. Но ведь, например, и кадеты—на словах, по крайней мере—будут его защищать. Нельзя забывать, что даже Николай Романов в манифесте 17 октября и в указе 11 декабря 1905 г. говорил о том, что он стоит за «дальнейшее развитие общего избирательного права». Разумеется, и царь, и кадетская буржуазия на деле боятся всеобщего избирательного права, как огня, и завоевать это право придется пролетариату в союзе с революционным крестьянством. Мы добудем всеобщее избирательное право тем скорее, чем сильнее мы будем подчеркивать наши общие требования, чем меньше мы будем урезывать свои лозунги, чем революционнее, чем непримиримее мы будем выступать. Социал-демократы и за реформы борются *революционным* путем. Они знают, что тем скорее добиваются рабочие и частичных улучшений, чем сильнее и упорнее они настаивают на своих революционных требованиях. Формула ликвидаторов гласит: оставимте революционные бредни, давайте, как трезвые политики, бороться только за всеобщее избирательное право. Формула социал-демократов гласит: все силы отдадим революционной агитации, доказательству того, что революция необходима и неизбежна, и разъясним при этом народу, что всеобщее избирательное право есть одно из главных требований революции. Выбрать сознательному рабочему не трудно.

Основные требования русского рабочего класса в русской буржуазной революции ([16]) таковы:

— Через Учредительное Собрание—к демократической республике!

— 8-часовой рабочий день для всех рабочих!

— Конфискация (отнятие без выкупа) всех помещичьих, царских и казенных земель для обеспечения землей неимущего крестьянства!

Эти основные требования и должны составить главное содержание нашей избирательной агитации и, стало быть, нашей избирательной платформы.

Разумеется, мы должны ставить нашу агитацию не шаблонно,— мы должны уметь учитывать в нашей агитации новые события.

В предстоящей избирательной агитации мы, конечно, сумеем повторить не только то старое, что осталось вечно новым, но сумеем осветить по-социал-демократически итоги пережитого пятилетия. Мы сумеем рассказать народу о новых приемах политики старого самодержавия (попытка его обуржуазиться) и о том, что из этих приемов вышло. Мы сумеем оценить те сдвиги, которые произошли за эти годы и в городе и в деревне. Мы сумеем описать ту бездну нищеты, лишений и страданий, в которую вверг страну столыпинский режим. Мы сумеем рассказать о тех преследованиях, которые сильнее всего обрушились на рабочий класс, мы сумеем подчеркнуть роль руководителя революции, попрежнему остающуюся за пролетариатом. Нашим знаменем на выборах в 4-ю Думу останется старое революционное знамя!

V. Контр-революция и либералы.

Победа темных сил контр-революции не приблизила либеральную буржуазию к революционному лагерю, а еще более отдалила ее от него. Это, кажется, общепризнано теперь среди всех с.-д. «Черная опасность» сейчас, в данный момент, непосредственно угрожает либералам весьма серьезно, но они, тем не менее, больше всего боятся «красной опасности», больше всего трепещут перед новой пролетарско-крестьянской революцией, которая—либералы чуют это—не так уж далека. Либералы льнут к столыпинцам, целуют их карающую руку, подслу-

живаются к забрызганным кровью рабочих третьеиюньским победителям. Кадеты заведомо становятся даже не лакеями Столыпина, а лакеями его лакеев — октябристов, националистов и прочей черной братии. Если уже в эпоху 1-й Думы кадеты сочиняли законопроекты о «свободе» печати, в которых были пункты о наказании каторгой за нарушение «общественного спокойствия», то в эпоху 3-й Думы кадетская партия стала окончательно и явно контр-революционной.

Посмотрим на главные подвиги кадет за мрачные годы существования 3-й Думы.

Кадеты не раз и не два голосовали въ Думе за ассигновку — из народного кармана, конечно — на тюрьмы и даже на военные суды. Они не раз утверждали весь царский бюджет в целом — бюджет (т.-е. роспись доходов и расходов), построенный на спаивании народа, на самой подлой эксплоатации рабочих и крестьян, на насаждении народной тьмы и невежества. Они постоянно голосовали за увеличение армии, за многомиллионные расходы на укрепление военщины и поддержку казарменного рабства, нужного царю и его союзникам для утопления революции в крови рабочих и крестьян. Они в вопросе об иностранной политике царизма постоянно конкурировали с черносотенцами в пресмыкательстве перед столыпинской шайкой. Чтобы помочь царю втереть очки западно-европейским банкирам, они послали в Лондон своих депутатов, г.г. Милюкова и К-о, и там заявили публично: «У нас, слава богу, есть конституция, и мы, кадеты, составляем лишь оппозицию его величества».

Когда 3-я Дума схватила за горло Финляндию, кадеты торговались со столыпинскими разбойниками лишь относительно того, что Финляндию душат не вполне на «законном» основании. Когда царскому правительству нужны были многомиллионные займы для борьбы с революцией, кадеты своим голосованием в Думе давали и свою подпись под царские векселя. Когда октябристы под видом закона о нормальном отдыхе для торговых служащих проводили закон против этого отдыха, кадеты были в числе их первых помощников. Когда с.-д. депутаты внесли в Думу запрос о неистовых гонениях на рабочие союзы, кадеты вместе с октябристами ответили: «пусть рабочие союзы откажутся от социал-демократов и отрекутся от «политики», — тогда мы, быть может, их и помилуем». Когда царская шайка затеяла новое «страховое» ([17]) надувательство и под видом «страхования рабо-

чих» вздумала провести страхование капиталистов за счет рабочих, — кадеты помогли ей в этом. Когда, в связи со смертью Л. Н. Толстого ([18]), учащаяся молодежь вышла на улицу, чтобы протестовать против царства столыпинщины, кадеты выступили с воззванием к молодежи, в котором призывали не выходить на улицу, чтобы «не омрачать памяти» Толстого. Кто не помнит речей Милюковых и Маклаковых о том, что протест молодежи против режима кнута и виселицы будто бы оскорбляет прах почившего великого художника. По сути дела кадеты и в этом случае служили службу Столыпину так же, как и в 1908 г. ([19]), когда они по-штрейкбрехерски срывали студенческое движение.

За время контр-революции кадеты выпустили знаменитый сборник «Вехи» ([20]) — этот гнусный пасквиль на русскую революцию, в котором кадеты публично отреклись даже от буржуазного демократизма и всенародно заявили, что их вождь — Петр Аркадьевич Столыпин. За время контр-революции кадетские вожди — литераторы, профессора — открыто продались московским миллионерам и стали организовать у купца Рябушинского ([21]) пресловутые совещания «представителей науки и миллионов». Совсем недавно, когда умерщвлен был Столыпин, кадеты своими подлыми криками о «преступном злодеянии, совершенном в беспримерной обстановке, в присутствии его величества государя императора», выказали такую бездну отвратительнейшего пресмыкательства и презренного верноподданнического холопства перед царской шайкой, что превзошли в лакействе самих себя. За это время... но, впрочем, всех подлостей кадетской партии, всех измен и предательств ее не перечислишь. Достаточно и сказанного, чтобы видеть, что кадеты стали окончательно на путь контр-революции и ничего общего с борьбой за действительную свободу не имеют.

Долг наш, святой долг социал-демократов — вырвать из-под влияния этих столыпинцев в либеральной маске все мало-мальски демократичное, все годное к борьбе и прежде всего — городскую бедноту и крестьянство. Кадеты в иных отношениях опаснее открытых черносотенцев. Черносотенцам гораздо труднее ввести в обман сколько-нибудь широкие слои народа, нежели кадетам. Поэтому борьба с кадетами — самая решительная, непримиримая борьба — становится одной из важнейших задач социал-демократии на предстоящих выборах.

VI. Избирательные соглашения.

В связи с предстоящей избирательной кампанией всплывает вновь вопрос об избирательных соглашениях — вопрос, по поводу которого в нашей партии сломано уже не одно копье ([22]).

Для чего вступают иногда социал-демократы на выборах в соглашения с буржуазными партиями? — Во-первых, для того, чтобы, по возможности, сделать менее реакционным состав парламента. Во-вторых, для того, чтобы самой с.-д. партии получить возможно более сильное представительство в парламенте. Однако, революционные социал-демократы считают соглашения, хотя бы и временные, с несоциалистическими элементами — злом. Они лишь мирятся с такими соглашениями, как с неизбежным злом, там, где они совершенно необходимы. Но революционные социал-демократы стараются всеми средствами обеспечить при этом самостоятельность рабочего класса.

«Если я, как социал-демократ, вхожу в союз с буржуазными партиями, то можно ставить 1.000 против 1, что в выигрыше будут не с.-д., а буржуазные партии, мы же окажемся в проигрыше», — так заявил Бебель на прошлогоднем съезде германской с.-д. партии.

И он прибавил:

«Это — политический закон, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают.... Если я вхожу в политический союз с принципиально враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т.-е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя затушевать» .... (*)

Не так думают ревизионисты ([23]) (т.-е. полу-социалисты, полу-либералы, вроде наших ликвидаторов). Ревизионисты считают, что пролетариату незачем так уж отделяться от либеральной буржуазии. Они полагают, что у социалистов и либералов есть много «точек соприкосновения» и что поэтому социалисты должны итти рука об руку с либералами. «Нужна либе-

*) Стр. 252 протоколов Магдебургского съезда.

рально-социал-демократическая кооперация» (т.-е. союз, общая работа), — так выразился недавно один немецкий ревизионист (некий Квессель) в споре его с непримиримым врагом ревизионизма—Бебелем.

Какова же будет позиция нашей партии в этом вопросе при выборах в 4-ю Думу?

«Лучше 50 депутатских мест и 4 миллиона голосов за с.-д. партию, чем 100 мест и лишь 3 миллиона голосов», — сказал недавно Бебель, возражая германским ревизионистам, требующим блока (союза) с либералами на выборах. — «Нас с национал-либералами разделяет пропасть», — прибавил Бебель. Нам важны не местечки в парламенте, купленные ценой беспринципных соглашений, а с.-д. агитация, — таков смысл позиции Бебеля.

Мы полагаем, что Бебель совершенно прав в этих своих указаниях. Его соображения о количестве депутатских мест и количестве голосов за социал-демократию сохраняют свое значение и для России. Наш избирательный закон заранее обеспечивает большинство в Думе помещикам и крупной буржуазии. Этого нельзя изменить никакими соглашениями социал-демократии с либералами (кадетами), даже если бы с.-д. сочли возможным войти в общее соглашение с этой контр-революционной партией и если бы эта контр-революционная партия не убоялась гнева Столыпина и Гучкова и решилась бы войти в соглашение с социал-демократией. Одним-двумя с.-д. депутатами больше или меньше (разумеется, мы все сделаем, чтобы их было больше) — не этим должна определяться наша избирательная кампания. И уж во всяком случае мы не ослабим ради этого нашей принципиальной агитации путем блоков с кадетской «оппозицией его величества».

Сами кадеты теперь ищут союза не с левыми (и в особенности не с нами, социал-демократами), а с октябристами. Удастся ли кадетам заключить вполне официальный блок с октябристами — сказать трудно, но что кадеты будут поддерживать октябристов против революционных социал-демократов — это несомненно.

Беда!

— «Не огорчайтесь, когда вы видите, что либералы отдают свои голоса консерваторам против нас»,—говорил Бебель на Иенском ([24]) съезде своим товарищам. — «Либералы и консерваторы

друг другу ведь гораздо более близки, чем либералы социал-демократам. Они ведь все — плоть от одной плоти и кость от одной кости».

Наши кадеты тоже гораздо ближе стоят к октябристам, чем к нам. На этот счет не должно быть иллюзий среди нас, и мы должны готовиться к тому, что, как выразился в Иене тот же Бебель,

— «там, где речь идет о нашем с.-д. кандидате, вся буржуазная клика пойдет против нас...»

Наш нынешний избирательный закон, впрочем, таков, что и так называемых «практических» соображений в пользу блока (союза) социал-демократии с кадетами привести невозможно.

На фабриках и заводах, т.-е. в рабочей курии, никто, надеемся, не предложит блока с другими партиями. В рабочей курии у нас и нет серьезных противников. Здесь и самые умеренные с.-д. не считают возможным итти на блоки. Шесть мест, принадлежащих рабочим в рабочей курии, мы должны, как и на выборах в 3-ю Думу, отвоевать в самой непримиримой борьбе.

В деревнях, т.-е. в крестьянской курии, нет строго оформленных партий. Во всяком случае там возможны блоки с.-д. только с трудовиками и беспартийными, а не с кадетами, которые не имеют почти никакого влияния в деревне. Трудовики — группа хотя и колеблющаяся, но в общем — революционная. И хотя никаких идейных уступок с.-д. не должны делать и представителям крестьянства — трудовикам; хотя и против буржуазной половинчатости трудовиков бороться для с.-д. необходимо; хотя и здесь с.-д. должны строго оберегать свою самостоятельность, — технические соглашения все же возможны. Об этом нет и больших споров в нашей партии.

Остаются выборы по городским куриям. Этих курий две: 1-я городская курия и 2-я городская курия. По первой выбирают крупнейшие богачи, среди которых сторонники с.-д. партии попадаются лишь как редкие исключения. Здесь ни о каких блоках социал-демократии с другими партиями нет речи. В конце концов остается, таким образом, только 2-я городская курия. Здесь законом обеспечено 27 депутатов по 2-й городской курии, да 25 депутатов, проходящих от городов из числа выборщиков обеих курий, могут быть проведены от 2-й курии.

Пять крупнейших городов, являющиеся центрами с.-д. влияния, — Петербург, Москва, Одесса, Киев, Рига, — по новому закону пользуются прямым избирательным правом и правом перебаллотировки (т.-е. эти города выбирают не выборщиков, а прямо депутатов, и, если на первых выборах кандидаты не получили более половины поданных голосов, — производятся перевыборы). Здесь, значит, нам необходимо во что бы то ни стало выставлять на первых выборах свои чисто социал-демократические самостоятельные списки без каких бы то ни было блоков. Черносотенной опасности здесь никакой нет, — это доказано опытом трех Дум. При перебаллотировках борьба будет только с кадетами. И здесь, если с.-д. будут иметь возможность, вступив в соглашение с трудовиками и беспартийными, разбить кадет, — это сделать необходимо. Вообще в городах (т.-е. и в других городах, за исключением вышеуказанных пяти) по 2-й курии на первой стадии (ступени) выборов, т.-е. в наиболее важный момент, когда борьба идет перед массами, мы будем иметь серьезных конкурентов только в лице кадетов. Нанести кадетам удар, отнять у них руководство городской буржуазной демократией, вырвать из-под их разлагающего влияния, например, приказчиков и мелкий городской люд — является нашим прямым долгом. И здесь для с.-д. возможны только соглашения с «левыми» буржуазными группами (трудовики, беспартийные) против кадет. Чем решительнее мы будем бороться против кадет, тем лучше для нашего дела. Те же недавние выборы в Москве показали, что нам надо бояться не излишнего «кадетоедства», а надо опасаться лишь того, что у нас не хватит сил для достаточно широкой и резкой борьбы против кадет, использующих против нас ту сравнительно широкую легальность, которую режим 3 июня предоставляет им для борьбы с нами.

Остаются выборы на дальнейших стадиях (ступенях), например, в собраниях уездных и губернских выборщиков. Здесь нет уже серьезной борьбы перед народными массами. Главное уже предрешено раньше, при первоначальном избрании выборщиков. Здесь идет уже только разверстка мест. Правда, на общих собраниях губернских выборщиков по 53 губерниям Европейской России выбирается 201 депутат. Повторяем, здесь уже все предрешено заранее партийным составом выборщиков. Однако, иногда от небольшого числа выборщиков с.-д. на губерн-

ских собраниях может зависеть исход выборов, может зависеть перевес той или другой половины. В этом случае техническое соглашение с.-д. с более «прогрессивными» выборщиками для провала реакционных кандидатов, конечно, допустимо и желательно. При этом, разумеется, с.-д. должны стараться отвоевывать места в первую голову для своей партии, а затем уж — для трудовиков против кадет и для кадет против октябристов и черносотенцев.

Такой точки зрения придерживалась наша партия на выборах в 3-ю Думу. В основном эту линию утвердил Лондонский съезд (25) партии и июльская (1907 г.) партийная конференция. Эту же точку зрения, по нашему мнению, партия в интересах рабочего класса обязана проводить и сейчас. На эту же точку зрения, мы надеемся, станет и предстоящая партийная конференция (26).

Борьба на два фронта — и против правительства и правительственных партий, с одной стороны, и против либералов, подло предающих дело свободы, — с другой стороны. Полная самостоятельность с.-д. партии на выборах. Выдержанная, чисто социалистическая пропаганда и непримиримо революционная агитация. Вот наши главные задачи.

VII. Партийная дисциплина.

Для достижения сколько-нибудь серьезных результатов на предстоящих выборах нужно единство действий, нужно организованное, строго планомерное выступление нашей партии. На выборах во 2-ю и 3-ю Думу мы видели ряд резких конфликтов между меньшевиками и большевиками, доходивших до прямого раскола. Всем памятен раскол в Петербурге при выборах во 2-ю Думу. Многие не забыли того печального зрелища, которое получилось при выборах в 3-ю Думу, когда в Петербурге на Семянниковском заводе открыто боролись два с.-д. списка. Этого не должно быть. Никакие разногласия между большевиками и партийными меньшевиками не должны помешать им выступать едино при строгом подчинении решениям партии.

Разумеется, на выборах нам не миновать столкновения с бывшими социал-демократами (ликвидаторами), пытающимися без всякого основания примазаться к с.-д. знамени. Эти господа

совершенно отделились от нашей партии и создают свою новую, во что бы то ни стало легальную, не социал-демократическую, а либеральную, якобы «рабочую» партию. Эти господа совершенно открыто заявляют в своих легальных органах («Дело Жизни», «Наша Заря»), что на выборах они окончательно сложатся в особую партию и выставят своих кандидатов против кандидатов нашей с.-д. рабочей партии. Предостеречь рабочих против этих бывших членов нашей партии, теперь изменивших ей и, под флагом «социализма», проводящих буржуазную политику, — долг каждого сознательного рабочего. Борьба — самая решительная, непримиримая борьба — с этими столыпинскими якобы «социал-демократами» — неминуема. Если мы не хотим быть застигнутыми врасплох, мы должны к ней готовиться. Каждый уполномоченный, каждый наш выборщик должен быть человеком строго партийным, готовым дать отпор всем этим людям, изменившим нашему знамени. Каждый рабочий должен будет выбрать: или за Российскую С.-Д. Рабочую Партию, или за новую анти-социал-демократическую партию ликвидаторов, стремящихся уничтожить нашу с.-д. партию. Все рабочие социал-демократы, конечно, пойдут за старой Р.С.-Д.Р.П., которая не раз уже вела их в бой.

За подготовку избирательной кампании надо приняться немедленно. Время не ждет. В марте 1912 г., повидимому, будет уже распущена 3-я Дума. Правительство уже усиленно готовится к выборам и принимает меры против с.-д. Так, нам из верных источников известно, что, например, кавказский наместник получил тайный приказ уже сейчас приняться за «очистку» Кавказа от «неблагонадежных» с.-д. элементов. Борьба будет для нас тяжела, как никогда. Понадобится напрячь все старания и соединить усилия всех с.-д. партийцев без различия направлений, чтобы добиться серьезных результатов.

За работу же!

Сплотившись, мы, партийцы всех фракций (27), укрепим нашу нелегальную партию, используем выборы в 4-ю Думу для укрепления наших организаций, привлечем профессиональные союзы, рабочие клубы и другие рабочие организации для помощи с.-д. избирательной кампании, встряхнем рабочие массы, разбудим уснувших, подвинем вперед отставших и подготовим свои батальоны для новых грядущих битв!

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹) Брошюра издана в Париже в 1911 году нелегально и ввозилась контрабандно в Россию.

²) В. М. Пуришкевич и П. Н. Крупенский — крайние правые, представители помещиков-крепостников, стоявшие за подавление рабочего и революционного движения самыми крутыми мерами.

³) А. И. Гучков и М. В. Родзянко — октябристы, стремившиеся сохранить всю сущность старого строя. Впоследствии А. И. Гучков был военным министром при Временном Правительстве, а Родзянко — председатетелем Комитета Государственной Думы, выдвинутого для борьбы с пролетарской революцией.

⁴) В. А. Маклаков и П. Н. Милюков — к.-д., сторонники либерально-умеренных реформ.

⁵) Как известно, до 1917 года одним из коренных лозунгов большевиков был лозунг — демократическая республика.

⁶) Дело идет об известном коллективном сочинении меньшевистских вождей под названием «Общественное движение в России». В этой работе меньшевики задним числом отрекались от революции 1905 г.

⁷) «Премудрые пескари» — меньшевики, предостерегавшие против «стачечного азарта» и форсирования революционных событий.

⁸) Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. окончилось разгромом революционных рабочих, расстрелом Пресни и невероятными жестокостями в Москве и на путях к ней.

⁹) Третьеиюньский манифест 1907 г. изменял основные законы по выборам в Думу, суживая или даже сводя на-нет избирательные права рабочих и крестьян. В 3-ю Думу, согласно этому закону, могли попасть лишь отдельные рабочие, прошедшие через сито подтасовок. Этот же закон остался в силе и при выборах в 4-ю Думу.

¹⁰) П. А. Столыпин — премьер-министр после Витте. Один из самых умных реакционных политических деятелей, творец реакции в России после подавления первой революции, виновник массовых казней. Погиб 18 сентября 1911 г. от руки Богрова в Киеве. Желая расслоить крестьянство, издал закон, имевший в виду интересы кулаков и более состоятельных крестьян.

¹¹) Дело идет о так называемом «Союзе русского народа», возглавлявшемся доктором Дубровиным и другими черносотенцами.

¹²) «Отзовисты» — фракция среди с.-д., стремившаяся форсировать события. «Отзовисты» считали, что с.-д. фракция в 3-й Гос. Думе ничего не дает для революционного движения, и предлагали отозвать ее из Думы. Логическим продолжением их основных лозунгов был бойкот 4-й Государственной Думы.

¹³) Н. Н. Кутлер — член Ц. К. к.-д. партии и депутат Гос. Думы, финансист, ныне работающий в Н.К.Ф.

¹⁴) Меньшевики-ликвидаторы в годы наиболее тяжелой реакции проповедывали необходимость полного роспуска нелегальных с.-д. организаций и предлагали вести всю работу только в легальных учреждениях (союзах, кооперативах и Думе).

[15]) Первая революция 1905 г. оказалась разбитой объединенными усилиями реакции и буржуазии. Эпоха реакции и гнета продолжалась до 1912 г., когда началось новое оживление в связи с ленскими расстрелами. Движение нарастало до 1914 г., когда империалистическая война приостановила его размах.

[16]) До 1917 г. большевики считали, что переворот в России будет буржуазно-демократическим и лишь при благоприятных условиях (начало пролетарской революции на Западе) сможет стать началом социалистической революции и в России. Мировая империалистская война должна была привести и привела к соответствующему исправлению этого взгляда.

[17]) Страхование рабочих на случай болезни, инвалидности, старости и т. д. было разработано в Думе, в комиссии, состоявшей из крупнейших промышленников. Закон вышел таким, что передал все дело страхования в руки промышленников, давая им определенное преобладание в управлении страховыми органами и перекладывая львиную долю платежей на рабочих. Тем не менее, с.-д. (большевики) широко использовали представившуюся им возможность и вели борьбу за расширение страховых законов.

[18]) Л. Н. Толстой умер 7 (20) ноября 1910 года. В связи с его смертью студенчество крупнейших университетских городов протестовало против существовавшего строя.

[19]) Во время студенческих волнений в 1908 г. к.-д. дали лозунг своим сторонникам в учебных заведениях противодействовать политическому движению учебных заведений, якобы подвергающему опасности университетскую автономию. Студенты к.-д. были штрейкбрехерами.

[20]) Нашумевший в свое время сборник «Вехи» был выпущен в пору самой острой реакции и оплевывал все революционное движение.

[21]) Рябушинский — московский богач, принимал деятельное участие в борьбе с рабочими после февральской революции. Ему принадлежит фраза о том, что «костлявая рука голода научит рабочих уму».

[22]) При уродливом избирательном законе слишком трудно было рассчитывать на завоевание депутатских мандатов представителями с.-д. Меньшевики, гонявшиеся во что бы то ни стало за мандатами, проповедывали соглашение даже с к.-д. Большевики — только с социалистическими партиями. Полемика велась в период выборов во 2-ю Думу, на Лондонском съезде, также и при выборах в 3-ю Думу.

[23]) Ревизионисты — соглашатели, занимающиеся пересмотром марксизма, имеющим целью из революционного ученья превратить его в эволюционное. Их вождь — Эдуард Бернштейн.

[24]) Иенский съезд германской с.-д. в 1911 году.

[25]) Резолюции в сборнике «Итоги Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П.», стр. 116, а также см. проекты большевиков и меньшевиков, дающие представление о сути разногласий.

[26]) Предстоящая партийная конференция — 1912 года.

[27]) Партийцы всех фракций — меньшевики и большевики, стоящие за сохранение и развитие партии и противопоставление ее ликвидаторам. Вождем меньшевиков-партийцев был Г. В. Плеханов, который в это время разошелся с Мартовым, Потресовым и другими ликвидаторами.

ПЕРВЫЙ ШАГ [1].

Немало сил положили враги наши на то, чтобы обезглавить рабочую партию, чтобы лишить нас своего партийного с.-д. центра. Каторга, провокация, подкуп — все было пущено в ход против нас. И враги наши добились своего. Целых два года наша с.-д. партия не имела центра. Кружки рабочих с.-д., верных славному знамени Р. С.-Д. Р. П., разбросанные по всему лицу России, действовали вразброд, каждый за себя. Но они крепко держали наше знамя, и они удержали его.

Как только в стране повеяло ветерком посвежее, как только стали хоть немного расступаться свинцовые тучи, облегшие Россию в последние годы лихолетья, — рабочие потянулись вновь к общероссийскому об'единению. Тесно стало в одном своем кружке. Потянуло подать руку своим товарищам из другой мастерской, из другого завода, из другого района и, наконец, из другого города. Стачки 1910 и 1911 годов, начало рабочих митингов и демонстраций — все это повелительно ставило перед каждым сознательным рабочим задачу: либо объединись в партию, свяжись теснее со своими товарищами в других городах, либо — ты будешь вдесятеро слабее, чем можешь быть.

Ныне начало сделано. В России восстановлен с.-д. партийный центр. Вместо разрушенного Ц. К. создалась Российская Организационная Комиссия.

Ее создали с.-д. организации: Киевская, Бакинская, Тифлисская, Екатеринославская и Екатеринбургская. К ней, после первого же заседания, в котором участвовали указанные 5 организаций, присоединились с.-д. комитеты и группы: СПБ., Москвы, Николаева, Саратова, Казани, Вильны, Двинска, Нижнего, Сормова, Самары, Тюмени, Ростова и др. Российская организационная Комиссия выпустила в России листок, который распространен всюду и кое-где был перепечатан. Около 20 местных организаций уже сплотились вокруг Российской Организационной Комиссии. Деятели Российской Организационной Комиссии руководили недавней митинговой кампанией в Питере — по поводу «суда» над с.-д. депутатами второй Думы. Российская Организационная Комиссия теперь созывает общепартийную конференцию, на которую она пригласила все организации, группы и кружки без различия фракций. Нет ни одной партийной с.-д.

организации или группы в России, которая не была бы приглашена на конференцию и которой Российская Организационная Комиссия не дала бы возможности принять участие в работах конференции. Над созданием Р. О. К. в России работали совместно и дружно как большевики, так и партийные меньшевики. Новый общепартийный центр создан и он ведет свою трудную работу, несмотря ни на внешние, ни на внутренние препятствия.

Сделан важнейший шаг вперед в истории нашей с.-д. рабочей партии. От вас, товарищи на местах, зависит продолжить дело, довести его до конца. Поддержите ваш партийный центр.

Сами рабочие держат теперь на своих плечах местную с.-д. работу. Только они могут помочь и постановке общероссийской работы. Российская Организационная Комиссия встречает достаточно препятствий со стороны наших прямых врагов. Не позволим же чинить ей препятствий изнутри — бывшим социал-демократам (ликвидаторам) и тем, кто не выбрал еще пути между партией и ликвидаторами. Сплотимся все вокруг Российской Организационной Комиссии. Поможем ей собрать общепартийную конференцию, начнем подготовку к очередному политическому делу — к выборам в четвертую Думу. Мы всегда имеем такую партию и такой центр, каких мы заслуживаем иметь. Покажем же, что теперь мы настолько выросли, чтобы иметь живой, действующий, выдержанный рабочий социал-демократический центр, стоящий во главе сплоченной дисциплинированной, готовой к борьбе, единой революционной Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

За дело, товарищи!

Да здравствует Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 7 «Рабочей Газеты», 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.).

ПРОВОКАТОРЫ НИКОЛАЯ II И СУД НАД С.-Д. ДЕПУТАТАМИ ВТОРОЙ ДУМЫ [1].

На нашу долю, на долю рабочего класса, выпала большая и почетная задача. Рабочий класс стал вождем первой революции и неминуемо будет руководителем второй революции в России. Но кому много дано, с того много и спросится. Нам, рабочим России, дано было нанести самодержавию самые чувствительные, самые уничтожающие удары. И нам же довелось вынести на своей спине самую жестокую, самую бешеную месть со стороны самодержавия, когда оно оправилось от первых поражений и от обороны перешло к нападению.

Когда схлынула первая волна революции, — арестовали и бросили в тюрьму и в ссылку наш Совет Рабочих Депутатов. Когда контр-революция еще более окрепла, арестовали наших социал-демократических рабочих депутатов второй Государственной Думы и бросили их на каторгу.

Чтобы придать делу «законный вид и толк», сочинили провокаторскую басню, будто наши рабочие депутаты второй Думы составили специальный заговор, чтобы убить царя. Нечего и говорить о том, что это была сплошная ложь. У наших рабочих депутатов было слишком много настоящего революционного дела, чтобы они стали заниматься пустяковинными «заговорами». С Николаем Кровавым и со всей его шайкой расправится в свое время сам восставший народ — так учат социал-демократы. И именно поэтому они **отвергают** всякие «заговоры», отдавая все свои силы дела организации рабочего класса, делу подготовки массовой революционной борьбы. Что сказка о «заговоре» есть самая подлая провокаторская выдумка — это знали все. Это превосходно знало — хотя и молчало об этом до сих пор — и большинство второй Думы, состоявшее из членов кадетской партии. Кадеты теперь, через четыре года, сами в этом признаются. Наши с.-д. депутаты второй Думы, т.-е. сами обвиненные, пробовали разоблачить эту провокацию с самой трибуны. Кадеты заткнули им рот.

— Столыпин накинул петлю на шею второй Думы, Столыпин придумал «заговор», чтобы бросить рабочих депутатов на каторгу — говорил на последнем заседании второй Думы наш това-

рищ Церетелли. — Позвольте же нам публично разоблачить, что весь этот «заговор» — сплошная провокация!

— Нет, — отвечали господа кадеты, — надо действовать по закону. — Обвинение в заговоре надо рассмотреть в комиссии. Торопиться некуда. В порядке дня это не стоит.

— Но в порядке дня стоит штык, а не какая то комиссия. Меч занесен, надо дать достойный ответ — возражал товарищ Церетелли...

Напрасно! Кадеты остались непоколебимы в своей подлости... Вместо того, чтобы бороться, они отправили своих парламентеров на Елагин остров к Столыпину торговаться о числе рабочих депутатов, которых эти господа готовы были принести, как искупительную жертву. А теперь кадеты с ясным челом заявляют: мы то все время знали, что это провокация, но молчали...

Столыпин добился своего. Еще в первой своей речи во второй Думе он торжественно обещал отомстить рабочим депутатам. Это по адресу Церетелли бывший временщик и бросил свое: «Не запугаете!» Верный холоп Николая понимал, что самым опасным врагом монархии является рабочий класс и его социал-демократическая партия. Воспользовавшись ослаблением наших сил, он выхватил из наших рядов горсть самых доблестных и отважных наших борцов и бросил их на каторгу.

Двое из захваченных в плен наших товарищей — Джапаридзе и Джугели — замучены в царской тюрьме и сошли в могилу в 1909 году. Другие, получившие $7^1/_2$-летнюю, 5-летнюю и 4-летнюю каторгу, томятся в плену, находясь в самых тяжких условиях, подвергаясь постоянным издевательствам со стороны царских тюремщиков... Столыпин и Романов добились своего...

Прошло четыре долгих года, и — тайное сделалось явным. Провокатор Болеслав Бродский, при помощи которого царская охранка создала весь пресловутый «заговор», теперь открыто признался в своих деяниях и разоблачил весь адский замысел Герасимовых, Столыпиных и других — чином повыше. От начала до конца весь «заговор» был подстроен царскими слугами. И на основании слов шпионов и провокаторов царский «верховный» суд, т.-е. о б е р-шпионы и провокаторы, при закрытых дверях приговорили лучших сынов России к каторге.

Наши с.-д. депутаты 3-ей Думы недавно сделали попытку, внесши запрос, еще раз пригвоздить правящую клику, еще раз

раскрыть глаза на разбойническую политику Столыпиных, Романовых, Гучковых, Пуришкевичей. Наши депутаты третьей Думы начали свою деятельность с того, что при открытии третьей Думы заявили о своей солидарности с осужденными на каторгу втородумскими с.-д. депутатами. И понятно, что теперь они опять сочли своим долгом сорвать маску с царских провокаторов.

Третья Дума еще раз отличилась. Она постановила рассматривать запрос с.-д. при закрытых дверях. Испугались думские черносотенцы предстоящих разоблачений. Захотели удружить своим сановным покровителям. И оказали им медвежью услугу. Кому же теперь не ясно, что черная Дума закрыла двери именно потому, что струсила? Еще бы! Ведь они же пойманы с поличным. И не уйти им никуда от народного суда. Сколько ни прячьтесь в подполье, господа, сколько ни закрывайте двери вашего суда и двери вашей Думы, а раньше или позже вы дадите ответ за ваш подлый заговор против рабочих депутатов!

На наших глазах разыгрывается все это чудовищное преступление третьеиюньской шайки. Неужели мы будем молчать, товарищи. Когда правительство «судило» наших депутатов, петербургские рабочие, и с ними рабочие ряда других городов устроили (22 ноября 1907 года) однодневную забастовку в виду протеста против палачей и в знак своей солидарности с с.-д. депутатами. Многих жертв стоила рабочим эта забастовка 150 тысяч пролетариев. Но она вписана золотыми буквами в историю нашего рабочего движения. Она показала, что жив дух борьбы в рабочем классе России, что не сломить его никаким невзгодам, никаким засилиям.

В ответ на эту забастовку наши осужденные товарищи писали нам в своем воззвании из тюрьмы:

— «Через глухие стены тюрьмы прорвался к нам ваш пролетарский привет, прорвалась весть о вашей славной забастовке... Вы, товарищи, показали в эту минуту, что предрешен приговор истории над нашим делом и над теми, кто борется с нами. Вы показали, что не замрет мощное движение рабочего класса».

— «Братский горячий привет вам, товарищи, шлем мы из стен тюрьмы. В далеких тундрах Сибири, в каторге и казематах мы, товарищи, всегда будем с вами. Рабочему классу, делу его борьбы мы отдадим все свои силы»...

Так неужели же мы, рабочие, забудем своих депутатов, своих передовых борцов, выдвинутых нами же на передовые

позиции, под вражеский огонь? Неужели мы разучились ненавидеть своих врагов? Неужели мы разучились любить своих лучших товарищей? Неужели мы разучились бороться?..

Нет, к счастью, это не так. Уже в день, когда наши депутаты третьей Думы внесли свой запрос, петербургские рабочие встрепенулись. 15 ноября они, несмотря на самые бешеные полицейские гонения, устроили несколько митингов и бросили в лицо палачам свое презрение. Многочисленные митинги на путиловском и кабельном заводах, устроенные по призыву Петербургского Комитета с.-д. партии, приняли следующую резолюцию:

— «Мы, рабочие путиловского завода (и кабельного завода), поддерживая запрос соц.-дем. фракции, разоблачающей гнусную провокацию самодержавного правительства, которое нашло себе поддержку в своей авантюре провокации и у большинства второй Государственной Думы, так называемой партии «народной свободы» (кадеты), — выражаем свое негодование и презрение всей буржуазной клике. Освобождение рабочих депутатов второй Думы должно быть и будет делом рук самих рабочих».

Настроение было боевое. Расходились с революционными песнями. Рабочие кабельного завода сомкнутыми рядами прошлись по улицам... Жив дух борьбы среди рабочих России!

Рабочие других стран — Франции, Бельгии, Германии — тоже готовят свой протест против разбойничьей расправы с нашими втородумскими депутатами. Так неужели же мы, рабочие России, останемся немыми свидетелями. Нет, этого не может быть, этого не будет. Рабочие путиловского и кабельного заводов должны найти и найдут подражателей.

Наши осужденные на каторгу депутаты закончили свое воззвание из тюрьмы словами:

— Да здравствует наша борьба, да здравствует наша победа!

Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.!

Покажем, что мы не забыли этих слов...

Положение в нашей стране необычайно тяжелое. Опять голод. На огромном пространстве России крестьяне опять попали

в цепкие лапы голодухи. Рабочие только что начинают выпрямлять спину. Но самое тяжелое время уже позади. Стачки рабочих в 1910 и 1911 годах — лучшее тому доказательство. Еще темно, но слабый луч свободы уже брезжит вдали... Будущее принадлежит нам. Сомкнемте ряды, укрепимте нашу нелегальную с.-д. партию и всякого вида рабочие организации. И пусть опять с прежней силой зазвучат на всю страну главные требования рабочих в русской революции:

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА!
8-МИ ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ!
ВСЯ ЗЕМЛЯ — БЕЗ ВЫКУПА — КРЕСТЬЯНАМ!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 7 «Рабочей Газеты», 22 декабря 1911 года (2 января 1912 г.).

Эта статья была выпущена отдельным оттиском в конце ноября.

КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОР (1).

...Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать.

Это становится системой, это входит в обычный порядок. Людей, только подозреваемых в принадлежности к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, присуждают к многолетней каторге. Раньше делали вид, что только за бомбы, за оружие, за агитацию в войсках награждают каторгой. А теперь уже прямо за одну с.-д. агитацию и пропаганду среди рабочих — 4, 5, а то и 8 лет каторги! Царская шайка говорит рабочим социал-демократам: хотите просвещать своих товарищей, хотите объяснять им, как бороться с монархией и с капиталистическим строем — платите за это каторгой. Коротко и ясно.

Не так давно наших товарищей в Одессе наградили каторгой за то, что они социал-демократическим словом учили рабочих бороться с режимом насилия и нищеты. Теперь в Москве нашим товарищам дали 5-ти и 7-ми летнюю каторгу (по процессу 33-х) за то, что они несли свет социалистического сознания в ряды своих братьев рабочих.

Не запугаете, господа!

Борцов за рабочее дело не остановит ни тюрьма, ни каторга. В этом вы могли уже, кажется, убедиться, господа палачи... Ведь подсчитано, что одни, например, члены нашего Лондонского съезда с.-д. партии просидели в тюрьме и на каторге 834 года... Не запугаете!

Рабочие опять зашевелились и потянулись к борьбе за лучшую жизнь, за свободу. Пошли опять стачки, митинги, начинаются демонстрации. И нам начинают бешено мстить за это. Лучших наших борцов бросают на каторгу. Не жалеют никаких скорпионов, чтобы разрушить нашу нелегальную с.-д. рабочую партию. Но рабочий подымается, каждого выбитого из строя заменит десяток новых борцов из среды рабочих же...

...За нами идет свежих ратников строй
На бой и на подвиг народный...

И никакая каторга не сломит наших борцов...

Среди осужденных по московскому с.-д. процессу 33-х, как и по упомянутому одесскому процессу, много лично нам близ-

ких друзей и товарищей. Мы шлем горячий братский привет им и всем захваченным в плен товарищам... Одним из первых дел восставших рабочих будет освобождение вас, наших передовых бойцов, из царского плена...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 7 «Рабочей Газеты», 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.).

СОБСТВЕННЫЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВОРЫ ([1]).

Скандал в благородном семействе!.. Даже Николая II стали обворовывать. Имением Мургаб, одним из многочисленных имений Николая II, управляли знатнейшего происхождения офицеры и чиновники. Воровали нещадно и — нечаянно попали под суд. Оказались самыми мелкими воришками, не брезговавшими даже получением процента на закупаемых для царя и его слуг вине и бакалее. Перед всем честным народом установлено: кроме всех прочих иных — менее и более высокопоставленных — воров, имеется еще особая порода воров. Это — собственные Его Величества воры.

— «Избираются отборные (гм!) люди, офицеры шефского полка императрицы (заметьте: самой императрицы!), танцоры придворных балов, люди своего (т.-е. царского) круга, участники неофициальных бесед (о еврейских погромах?), те, про которых знают, что они заведомо порядочные (??) люди» и вдруг—такой пассаж: оказались воришками. Так жалуется огорченный вдовствующий братец в бозе почивающего П. А. Столыпина — г. А. Столыпин, тоже причисляющий себя к «отборным» людям.

— «После этого не хватит («благородной») крови, чтобы удержать Россию на краю бездны» — плачущим голосом заключает тот же министерский братец. Но он смешал Р о с с и ю с русским царем и его «отборными» слугами. Царю и его слугам, всей царской монархии, всему прогнившему царству насилия, разврата, подкупа, мошенничества, всей этой шайке, члены которой дошли до того, что обворовывают друг друга, — им действительно не удержаться на краю бездны. И чем раньше мы столкнем их в эту бездну — тем лучше для России и русского народа.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 7 «Рабочей Газеты», 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.).

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПО ВЫБОРАМ В 4-ю ГОС. ДУМУ (1).

Третья Дума доживает свою последнюю сессию. В 1912 году кончается срок полномочий этого черно-желтого «парламента», этой «господской» Думы, созданной государственным переворотом Николая Кровавого 3-го июня 1907 г.

Уроки лихолетья, уроки барской Думы.

Черносотенные помещики и октябристские купцы, имея большинство в третьей Думе, горой стояли за правительство царских вешателей и принимали все и всяческие меры против рабочих, против крестьянства, против свободы, против революции.

Царь-батюшка показал теперь наглядно русскому народу, с какими классами может он дружно вершить свои кровавые дела, — какие классы прикрывают грабеж и насилия чиновников, разоряют крестьян, давят рабочих. Царская власть связана неразрывно с господством черносотенного помещика вроде Пуришкевича и Маркова 2-го, — с бесчинством администрации от урядника до министра, — с наглым ограблением рабочих купцами-октябристами, от которых не отстают в такого рода подвигах и капиталисты-либералы.

Дума контр-революции дала великий урок крестьянам и рабочим: царская власть непримирима с истинным народным представительством. Царская власть, это значит: разгон Думы, это значит: всевластие Пуришкевичей, надругательство дворян над народом, безнаказанность чиновничьего произвола, безудержность самого грубого капиталистического грабежа.

И этот великий урок, который состоит в том, что только революционная борьба масс, только полное уничтожение царской монархии, только создание республики в России может дать народу свободу, крестьянам землю, этот великий урок с трибуны черной, господской думы разъяснили народу только социал-демократические депутаты третьей Думы, депутаты Российской С.-Д. Рабочей Партии.

Только они одни сильно, горячо и честно отстаивали великие заветы революции 5-го года, только они одни напоминали о революционной борьбе рабочих, защищали требования крестьян:

переход всей земли от помещиков к крестьянам без выкупа, — наконец, только с.-д. депутаты отстаивали полную свободу союзов, стачек, печати, полную свободу от чиновничьего произвола. Слов нет, были и ошибки в деятельности наших с.-д. депутатов; они недостаточно вскрывали, например, обман народа либералами («кадетами»), выдающими себя за «демократов». Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. А наша с.-д. думская фракция к концу третьей Думы становится все революционнее, все достойнее пославшего ее в Думу пролетариата. И когда наши с.-д. депутаты предъявляли запрос об осужденных на каторгу царем-разбойником с.-д. депутатах второй Думы, когда Войлошников от имени революционных солдат и матросов бросил в лицо царской шайке и черносотенным дворянам сильный клич демократа: «долой тиранов» (за что его исключили октябристы и осуждали кадеты), — тогда сердца всех сознательных рабочих России забились радостью.

Революционные выступления рабочих депутатов черной Думы совпали с началом революционных выступлений масс. После долгого перерыва тяжелых лет контр-революции начались снова рабочие митинги: свыше 10000 рабочих в Петербурге на заводах путиловском, кабельном, Вулкан и др. устраивали сходки, принимали революционные резолюции, выслушивали с.-д. ораторов, проходили с революционными песнями по улицам, будя веру в силу народа, веру в борьбу истомленных гнетом правительства Николая Кровавого.

Митинговое движение перекинулось в Ригу и другие города. В Донецком бассейне, в Москве, в далекой Астрахани — всюду тысячи рабочих протестуют против царской шайки.

Жив дух борьбы в пролетариате, и за началом последует продолжение!

За что бороться?

Ни один сознательный рабочий с.-д. не думает теперь о бойкоте четвертой Думы: «отзовисты» находят себе защиту только у кучки пустых говорунов заграницей. Социал-демократия будет выбирать в четвертую Думу, чтобы и там, в новой черной Думе, гордо и сильно поднять красное знамя революционного пролетариата, разъяснить великое учение социализма, помогать рабочей борьбе за улучшение жизни, сплачивать и укреплять кре-

стьянскую демократию (трудовиков) для отпора черносотенным дворянам, для восстания за землю и волю.

Развивать социалистическое сознание в массах, сплачивать силы рабочего класса, укреплять свою нелегальную, революционную Российскую С.-Д. Рабочую Партию, которой изменили ликвидаторы, — такова первая цель участия с.-д. в выборах, такова главная наша задача.

Но, борясь за социализм, рабочий класс именно ради этой борьбы идет всегда впереди всех борцов за политическую свободу, за освобождение крестьян от гнета дворянства. И поэтому, идя на выборы, рабочие с.-д. бросают три главных лозунга (боевых клича): 1) республика, 2) 8-ми часовой рабочий день и 3) конфискация (т.-е. переход к крестьянам без всякого выкупа) всей помещичьей земли.

Мы боремся за республику. Долой царскую монархию! Долой царя, который разогнал две Думы, совершил государственный переворот, залил Россию кровью, отдал десятки миллионов рабочих и крестьян на разорение дворянам, чиновникам и кулакам! Кто хочет свободы, тот должен понять из опыта революции, из опыта контр-революционной господской Думы, что мы не добьемся свободы, пока не уничтожим царской монархии, пока не учредим в России демократическую республику.

Мы боремся за 8-ми часовой рабочий день. Довольно издевались над рабочим капиталисты, мстя за 5-й год! Рабочий просыпается к новой борьбе. Ряды пролетариата смыкаются, молодые борцы идут на смену погибшим и уставшим, начинаются стачки. Да здравствует рабочая борьба за улучшение условий жизни тех, кто создает все богатства, кто кормит весь народ! Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!

Мы боремся за конфискацию всей помещичьей земли. Долой те законы о земле, которые проведены помещиками в третьей Думе и утверждены царем-помещиком. По этим законам грабят крестьянские земли, делят остатки того, что есть у нищих. Крестьяне требуют иных законов. Они требуют земли, они требуют уничтожения гнета дворян; рабочие стоят горой за требования крестьянства. Всю помещичью землю крестьянам без всякого выкупа! — вот на каком требовании сходятся рабочие с.-д. и крестьяне трудовики. Голодают и мрут миллионы крестьян рядом с неслыханной роскошью помещиков. Рабочий зовет

крестьян: объединяйтесь для борьбы! Лучше погибнуть в великой войне с тиранами и добиться сносной жизни для наших детей, чем умирать голодной смертью в рабстве у дворян, у помещиков, у царя.

Как вести выборы в 4-ю Гос. Думу?

Избирательный закон подтасован царем Николаем Кровавым и его слугами так, что в четвертой Думе обеспечено помещичье большинство. Черносотенцы с октябристами и октябристы с либералами (кадетами) будут постоянно господствовать и в четвертой Думе — первые в делах важных: в поддержке правительства, вторые в делах мелких: в пустых, бессильных пожеланиях и попытках «реформ».

Наша задача — добиться, чтобы была сильная группа сознательных преданных целиком своей революционной партии с.-д. депутатов в четвертой Думе. Наша задача — помочь усилению не буржуазных либералов (кадет), а буржуазной демократии, т.-е., главным образом, крестьян-трудовиков. Наша ближайшая цель — чтобы с трибуны четвертой Думы слышалась социал-демократическая проповедь, несся призыв к борьбе рабочих и к революционному движению крестьян.

Пусть же на каждом заводе объединяются немедленно все сознательные с.-д. рабочие. Пусть основывают всякого рода кружки, группы, ячейки в легальных союзах для систематической, стойкой, выдержанной, упорной подготовки выборов и проведения их. Надо достать закон о выборах, изучить то, что относится к рабочим и крестьянам, надо доставать речи с.-д. в третьей Думе, легальные рабочие газеты и нелегальные органы Р. С.-Д. Р. П. Надо искать связей с Российской Организационной Комиссией Р. С.-Д. Р. П. и стараться следовать ее указаниям.

Надо проповедывать народу ясное понимание его задач, надо добиваться, чтобы все и каждый правильно отличали три главные группы: черную сотню (от правых до октябристов), либералов (кадеты и близкие им), которые чинят «оппозицию», но боятся народной борьбы, боятся революции и изменяют ей, и, наконец, — демократию, которая делится на буржуазную демократию (крестьяне-трудовики и все «народники» вплоть до с.-р.) и на социалистов, социал-демократию.

Главная цель на выборах: провести повсюду в рабочие выборщики исключительно социал-демократов, твердых

и убежденных партийцев, без различия фракций, людей верных партии и неспособных изменять ей, как изменяют ликвидаторы. Рабочие выборщики сумеют тогда пройти в Думу не только по 6 губерниям (Петербургская, Московская, Владимирская, Костромская, Екатеринославская и Харьковская), по которым обязательны депутаты от рабочих. Всего же закон установил 112 выборщиков в 44 губерниях, и мы должны добиться, чтобы в выборщики от рабочих не мог пройти никто, кроме убежденных социал-демократов — партийцев.

Наша вторая цель — помочь сплочению крестьянской демократии, трудовиков. Им надо разъяснять их революционные задачи, помогать им объединяться, доставать литературу, думские с.-д. речи и т. д. Им надо помочь поставить выборы так, чтобы в крестьянские выборщики проходили только с.-д. или трудовики: тогда можно добиться рядом с сильной с.-д. группой в четвертой Думе сильной трудовой группы.

Правительство пойдет на все насилия, обманы и уловки, чтобы не пропускать в четвертую Думу ни с.-д., ни трудовиков Сплачивайтесь, организуйтесь, товарищи-рабочие, укрепляйте нелегальную Р. С.-Д. Р. П. и мы добьемся своего, вопреки всем усилиям наших врагов.

Да здравствует вторая русская революция!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 7 «Рабочей Газеты», 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ РАБОЧИХ И ИГРА В «ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ» (¹).

Кампания революционных рабочих митингов разрастается. Из Петербурга сообщают о новых митингах: у Гейслера и на других заводах. Несколько митингов состоялось в Риге. Движение перебрасывается и в другие города: Москву, Донецкий бассейн, Астрахань и т. д. Уже теперь можно с уверенностью сказать: кампания протеста русских рабочих против царских провокаторов, бросивших на каторгу с.-д. депутатов второй Думы — стала действительной массовой политической кампанией русских рабочих.

Это движение вышло из недр самих рабочих, оно жизненно, оно не искусственно. Революционные социал-демократы (в лице Петербургского Комитета нашей партии) сумели стать во главе этого движения, расширить его, раздвинуть его рамки, систематизировать его.

А посмотрите на другую «кампанию», — на так называемую «петиционную кампанию», придуманную ликвидаторами. Об этой «кампании» шумели и продолжают усердно шуметь интеллигентские кружки (газета «Правда» особенно старается на этот счет). И что же. — За целый год собрано по всей России 1295 подписей на знаменитой «петиции» — это по подсчетам самих ликвидаторов. Где же тут массы? Это только — пустая игра в «политические кампании».

Теперь уже исторический факт: рабочие массы встрепенулись и создали первую массовую кампанию именно в связи с традициями революции, именно в связи с вопросом о низвержении всего режима 3-го июня, а вовсе не в связи с «частичными» лозунгами, которые оппортунисты считают будто бы более «доступными» и «осязательными» для рабочих.

Кампания митингов растет, стачечное движение усиливается, подготовка к выборам в четвертую Думу начинается. За дело, товарищи! К массам! В самую гущу рабочей жизни! Собирайтесь под знамена Р. С.-Д. Р. П.!

ПРИМЕЧАНИЕ.

¹) Статья из № 7 «Рабочей Газеты», 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.).

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (¹).

Положение «Рабочей Газеты» и партии.

Недавно закончившаяся партийная конференция приняла следующую резолюцию:

«Признавая, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно стала на защиту партии и партийности и встречает полное сочувствие со стороны партийных работников на местах без различия фракций, конференция

1) призывает всех товарищей на местах оказывать всестороннюю поддержку «Рабочей Газете».

2) Признает «Рабочую Газету» официальным органом Центрального Комитета Партии».

«Рабочая Газета» начата была, как частное издание, в конце 1910 года группой социал-демократов большевиков при поддержке товарищей меньшевиков - партийцев. Теперь «Рабочая Газета» стала официальным органом Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Направление и характер «Рабочей Газеты» остаются те же. «Рабочая Газета» есть ваша газета, товарищи с мест. Не откажите же ей и впредь во всесторонней поддержке, без которой газета не может выполнять своей роли.

* * *

Конференция, на которую товарищи всюду возлагали так много надежд и созвать которую стоило так много труда, наконец, состоялась. Общими силами преодолены все препятствия и насущное дело выполнено. Наших товарищей, занявшихся организацией конференции, царские полицейские и шпионы травили так усердно, что, казалось, правительство считает для себя личным оскорблением, если конференция состоится и наша с.-д. партия окончательно восстановится. Не мало было трудностей и другого характера, связанных с тем, что бывшие социал-демократы (ликвидаторы) считали для себя политически выгодным не дать нашей партии сплотить свои ряды. Но все эти трудности не могли помешать передовым с.-д. рабочим собрать свою конференцию.

Российские местные с.-д. организации создали свою Российскую Организационную Комиссию по созыву конференции. И вся работа этой последней показала, что дело стоит прочно, что теперь

мы действительно имеем уже налицо необходимые условия для выполнения такого крупного дела, как общероссийская конференция.

Последняя партийная конференция состоялась в декабре 1908 года. Нынешняя конференция состоялась в начале 1912 г. Между этими двумя датами лежит самая трудная полоса для российской социал-демократии, самые тяжелые годы распада организаций, дезертирств, перебегов, разочарований, равнодушия. Рабочих били в два кнута: царское правительство неистово вымещало рабочим причиненные ему в 1905 году тревоги, фабриканты и заводчики, под защитой царской шайки, предприняли целый поход против тех экономических улучшений, которые отвоевали себе рабочие героической борьбой в годы революции. И лишь в 1910 году рабочий смог чуть-чуть перевести дух и подумать об организованном отпоре третьеиюньской банды.

Как только рабочий класс начал оправляться, так сейчас это сказалось и на его партии, на нашей Р. С.-Д. Р. П., кровно связанной с российским пролетариатом. То, что раньше казалось невозможным, теперь стало, хотя и трудным, но осуществимым. Довольно кустарничества, довольно разброда и раздробленности. Нужно восстановить и сплотить партию, как общероссийскую организацию, — сказали себе передовые рабочие с.-д. И их стараниями эта цель достигнута. Конференция собралась, все русские с.-д. организации были на ней представлены, на все очередные запросы партия дала определенный и ясный ответ и, наконец, создан российский центр — Центральный Комитет Партии.

На конференции присутствовали делегаты от следующих организаций:

С.-Петербург	2	делегата.
Москва и центрально-промышленная область	4	»
Киев	1	»
Екатеринослав	1	»
Николаев	1	»
Баку	1	»
Тифлис	1	»
Саратов	1	»
Казань	1	»
Вильна } Двинск }	1	»

С опозданием прибыли еще на конференцию 2 товарища из одной, очень важной легальной с.-д. группы (1 большевик и 1 меньшевик-партиец).

В числе делегатов от местных организаций были два члена Российской Организационной Комиссии. Получены письменные присоединения к конференции от с.-д. организаций:

Самары
Сормова
Нижнего-Новгорода
Луганска.

Доклады с мест сделаны из 37 городов, где делегаты работали или с которыми делегаты имеют связи. Кроме указанных городов, откуда непосредственно прибыли делегаты, на конференции сделаны сообщения еще из следующих городов: Тверь, Тула, 3 пункта из Московской Окружной Организации, Самара, Луганск, Екатеринбург, Тюмень, Сухум, Поти, Батум, Кутаис, Чиатур, Гори, Оренбург, Ростов-на-Дону, Нижний, Сормово, Екатеринославск. губ., Колпино, Рига, Одесса, Харьков. Специальные доклады о положении дел в легальных рабочих организациях сделаны были из Петербурга, Москвы, Центральной области.

В выборах на конференцию участвовали все значительные местные организации за чисто единичными исключениями. Приглашены были абсолютно все с.-д. группы и организации без единого исключения. Всем была дана и фактическая возможность участвовать в конференции: о созыве конференции было объявлено более полугода тому назад во всеобщее сведение и материальные средства для поездки делегатов предоставлялись одинаково в с е м местным организациям. И на конференцию не прибыли лишь те, кому помешали полицейские препятствия и те, кто не хотел на нее приехать.

В Российскую Организационную Комиссию, созывавшую конференцию, входили представители обеих основных фракций нашей партии: большевики и меньшевики-партийцы. В выборах делегатов на конференцию всюду на местах участвовали и большевики, и партийные меньшевики, и нефракционные социал-демократы, и «впередовцы», там, где таковые имелись. На самой конференции в числе делегатов тоже были и в новоизбранный Центральный Комитет партии также вошли представители большевиков, партийных меньшевиков и социал-демократов, не принадлежащих к определенной фракции.

Сделан серьезнейший шаг к единству всех партийных элементов. И это единство всех партийцев, создавшееся на практической работе, не разорвать теперь никаким заграничным кружкам, оторвавшимся от русской работы.

Самое трудное время позади. Просыпается рабочий класс России, начинает залечивать нанесенные ему контр-революцией раны, строится в боевые ряды. Не далеко время, когда он от обороны перейдет к наступлению, не далеко время, когда его социал-демократическая партия вновь поведет за собою миллионы.

Обсуждайте, товарищи, всюду на местах решения, вынесенные вашей конференцией, проводите их в жизнь, укрепляйте организации, готовьтесь к выборам в четвертую Думу! Пусть каждая партийная группа, каждый рабочий кружок внимательно разберет все решения конференции и пусть скажет, как к ним относятся сознательные рабочие; — это сделали уже наши организации в Петербурге, Николаеве, Киеве, Самаре и других городах.

Сплотим же дружнее ряды, поддержим все, как один человек, наш русский центр — Центральный Комитет Партии! Отбросим все те свары и мелкие споры, которыми засоряются великой важности принципиальные вопросы, соединим все свои силы на положительной, творческой работе на почве решений, установленных партией на ее конференции, и сольемся в общем кличе:

Да здравствует наша старая и славная Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 8 «Рабочей Газеты», 17/30 марта 1912 г.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (1).

За время, прошедшее после последней общепартийной конференции (декабрь 1908 года), партии пришлось пережить тяжелую историю. Извне ширились и росли полицейские гонения, а буржуазные борзописцы, при почти полной невозможности отпора со стороны социал-демократии, обливали помоями ее идеалы, ее борьбу, ее традиции.

В то же время, под влиянием контр-революционной атмосферы, от партии все дальше и дальше стала отходить образовавшаяся в ее среде группа ликвидаторов. С ликвидаторскими тенденциями пришлось уже иметь дело и партийной конференции 1908 г., и пленарному собранию Ц. К. 1910 года. Оба эти верховные партийные собрания отнеслись к ликвидаторскому течению совершенно отрицательно и отметили тот вред, который это течение приносит делу восстановления Р.С.-Д.Р.П.

Уже конференция 1908 года приняла резолюцию, которая говорила о «попытках некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию Р.С.-Д.Р.П. и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою отказа от программы, тактики и традиций партии».

Центральный же комитет единогласно охарактеризировал ликвидаторство как проявление «буржуазного влияния на пролетариат» и выдвинул задачу борьбы с этим течением.

Несмотря на все эти предупреждения, ликвидаторы не только не пожелали считаться с ними, но повели свою разрушительную работу еще шире и откровеннее. Они все дальше и дальше уходили от партии и их органы — «Наша Заря» и «Дело Жизни» открыто глумились над попытками русских работников воссоздать нелегальную с.-д. организацию.

При таких условиях начались работы по созданию общепартийной конференции. Они опирались на оживление рабочего движения в России, явно начавшее расти с 1910 года.

Как только в России появилась Организационная Комиссия по созыву партийной конференции, к ней со всех сторон потя-

нулись русские организации, жаждущие объединения русской работы на почве революционной с.-д. платформы.

Русские организации, сплотившиеся для осуществления партийной конференции, исходили из той мысли, что эта конференция должна сплотить все силы, готовые вести революционную работу в рядах Р.С.-Д. Р. П. и действительно ведшие ее. Когда конференция, наконец, после долгой работы, ряда местных совещаний и т. д. собралась, она могла убедиться, что действительно были сделаны все усилия для того, чтобы достигнуть полного представительства и что все русские организации, ведущие революционную с.-д. работу, откликнулись на призыв Организационной Комиссии.

Резолюция конференции о конституировании прежде всего устанавливает чрезвычайно тяжелое положение партии, лишенной в течение ряда лет практического центра, и отмечает, что в настоящее время, в связи с оживлением рабочего движения, всюду наблюдается усиленное стремление к восстановлению нелегальных организаций и их объединению путем партийной конференции. Переходя к политическому положению, конференция констатировала «безусловную необходимость немедленных и самых энергичных мер по восстановлению правомочного и тесно связанного с местными организациями практического центра». Наконец, переходя к вопросам организационным, конференция приняла во внимание, что, несмотря на целый ряд предшествовавших попыток, только теперь, впервые за три года, удалось сплотить представителей более 20 русских организаций, что о конференции были оповещены все социал-демократы, что приглашены были все без единого исключения партийные организации и что за единичными и случайными исключениями все они представлены на конференции. Далее конференция отметила, что ей выразили сочувствие с.-д. группы деятелей легального движения.

Таким образом, конференция отметила, что, с одной стороны, практические потребности движения требовали немедленного конституирования полномочной конференции, способной разрешить все стоящие на очереди вопросы и создать практический центр в России, а с другой стороны, количество представленных русских организаций, широкое осведомление всех с.-д. о конференции и предварительное приглашение всех партийных организаций, а также и широкое сочувствие, которое встретила работа по подготовке конференции среди деятелей раз-

личных областей рабочего движения, позволили съехавшимся делегатам конституироваться как «общепартийной конференции Р.С.-Д. Р. П., являющейся верховным органом партии».

Как и следовало ожидать, это решение конференции немедля перейти к работе по восстановленю партийной организации вызвало злобное недовольство со стороны как раз тех групп, которые всею своею предшествовавшею деятельностью показали себя врагами нелегальной организации Р.С.-Д. Р. П. Ликвидаторы самым резким образом выступили против конференции и в заграничной печати и в своих легальных органах («Живое Дело»).

До сих пор партия не видела с их стороны попыток работать над сплочением легальных организаций, и, наоборот, она видела не только теоретические протесты против нелегальной партийной организации, но и практические помехи этому делу, вроде, например, срыва Ц. К. в 1910 году, решительного отказа созвать конференцию в 1910 г. и т. д. А теперь, когда эти ликвидаторские группы увидели, что партия силами русских организаций восстанавливается и что этого возрождения нелегальной Р.С.-Д. Р. П. уже никакими силами остановить не удастся, тогда они выступили, как «обиженные» партией, как лица, несправедливо оттертые от партийной работы, тогда они стали кричать о расколе. Все это — вздор и лицемерие. Конференция ничего не раскалывала, на нее были приглашены все без исключения партийные организации, ведущие революционную социал-демократическую работу в массах, легальные и нелегальные, она поставила себе целью — объединение всех этих организаций. Но для русских работников на местах было очевидно, что если ждать, когда на партийную конференцию явятся давно отколовшиеся от партии враги ее — ликвидаторы, то конференции вообще не бывать. Ждать ликвидаторов — это значило отдать судьбы партии в руки группок, на деле давно отколовшихся от партии и порвавших с принципами социал-демократии.

Свое отношение к ликвидаторским группам конференция выразила в точной и определенной, подробно мотивированной резолюции и теперь от всякого, выступающего в защиту «обиженных» ликвидаторов и кричащего о «расколе», нужно прежде всего потребовать, чтобы он опроверг документально те обвинения, которые выдвинула против ликвидаторов конференция. Ибо всякий член партии согласится с тем, что до тех пор, покуда эти обвинения не опровергнуты, кричать о «расколе» — пустое занятие. Можно

и должно говорить не о расколе в партии, а о том, что ликвидаторы порвали с партией. Первый пункт резолюции напоминает решение декабрьской 1908 г. конференции о ликвидаторстве, которую мы выше привели. Второй пункт указывает, что уже в 1910 году партия признала «условием действительного партийного единства» «полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма».

Третий и четвертый пункты констатируют, что, с одной стороны, группа «Нашей Зари» и «Дела Жизни» (теперь к ним можно прибавить и «Живое Дело») открыто стали на сторону ликвидаторства и что, с другой стороны, видные практики-ликвидаторы не только отказались войти в Ц. К. партии или хотя бы помочь его работе, но прямо признали самое существование Ц. К. партии «вредным». Наконец, пятый пункт говорит, ссылаясь на точные слова главных изданий ликвидаторов, что ликвидаторы не только «принижали значение нелегальной партии, но прямо отрицали ее, объявляя партию «трупом», объявляя партию уже ликвидированной, объявляя реакционной утопией восстановление нелегальной партии, осыпая нелегальную партию со страниц легальной печати клеветой и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и «иерархию» ее «отмершей» и т. д.». На основании всей проповеди и всей практики ликвидаторства, конференция пришла, таким образом, к выводу о том, что основные ликвидаторские группы — «Нашей Зари» и «Дела Жизни» — окончательно поставили себя вне партии.

Совершенно иначе отнеслась конференция к факту присутствия делегатов национальных организаций. Для конференции не было никакого сомнения в том, что та революционная работа, которую ведут рабочие этих окраин, не имеет ничего общего с ликвидаторской проповедью. Больше того, конференция, на основании докладов, могла убедиться, что эти рабочие целиком идут в братском союзе с революционными социал-демократами всей России. Но для нее выяснилось и то, что руководящие комитеты этих окраинных организаций целиком запутались в той склоке, которую развели ликвидаторы и которая уже в течение нескольких лет тормозила работу. Комитет Бунда целиком шел все это время с ликвидаторами. Ц. К. Латышской социал-демократии не решался выбрать своего пути и — часто в противоречии со своими местными работниками — содействовал ликвидаторам. Наконец, Комитет Польской социал-демократии, все время

выступавший вместе с партийцами, в решительный момент не захотел сделать окончательного шага к разрыву с ликвидаторами.

Чем объясняется это колеблющееся положение центров окраинных организаций? Главным образом тем, что в среде последних не было такой определенной принципиальной борьбы между партией и ликвидаторами. Ликвидаторство гораздо меньше сказалось среди местных работников Польши и Латышского края, чем в России. Оно не подтачивает их работы, не является их непосредственным врагом, и поэтому они не решаются занять тут решительной позиции. Это их отношение к вопросам, волнующим в самой большой степени русскую часть партии, является результатом одной общей ненормальности в строении партии, именно того, что окраинные организации, имея большое влияние на ход дел в партии, мало вовлечены в обще-русскую работу, мало знакомы с ней. Конференция в специальной резолюции остановилась на этом вопросе. Эта резолюция с сожалением констатирует отсутствие делегатов национальных организаций на общепартийной конференции, несмотря на троекратное приглашение, и поручает Ц. К. «неустанно добиваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в Р.С.-Д.Р.П.» Резолюция заканчивается выражением уверенности в том, что вопреки всем препятствиям, рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса.

Конференция — несмотря на все препятствия — состоялась. Она выполнила свою основную задачу объединения местных партийных организаций на общей платформе революционной социал-демократии. Она констатировала давно совершившийся откол от партии ликвидаторов — этого порождения эпохи упадка в рабочем движении — и призвала в ряды партии всех истинных работников пролетарского дела. Против этого дела конференции будут бессильны все злобные выходки ликвидаторской и буржуазной печати. И уже недалеко то время, когда в рядах восстановленной конференции партийной организации соберется авангард рабочего класса, чтобы с восстановленными силами возобновить широкую борьбу за республику и социализм против романовской монархии и капиталистического строя.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 8 „Рабочей Газеты“, от 17 (30) марта 1912 г.

ВЫБОРЫ В ГЕРМАНИИ (1).

Недавно закончившиеся выборы в германский рейхстаг являются крупнейшей важности событием для социалистического пролетариата всего мира. Недаром с таким вниманием, с такими надеждами, с такой любовью следили рабочие социалисты всех стран за той героической борьбой, которую вели германские рабочие со всей германской буржуазией. И недаром буржуазия всех стран отнеслась с такой ненавистью, с такой нескрываемой злобой к победе германских рабочих.

«Социалистоедов», озлобленных врагов социализма, в Германии больше, чем где бы то ни было. Они часто действуют против рабочих гораздо хитрее и ловчее, чем наши русские Держиморды. Не раз уж они пробовали применять против рабочих и волчий зуб и лисий хвост. То издадут исключительный закон против социалистов и заставляют социал-демократию перейти на нелегальное положение. То «подарят» рабочему закон о страховании. То плетка, то пряник. В последние годы, впрочем, все больше была в ходу только плетка...

Ничто, однако, не помогало!

Быстрое развитие капитализма порождало все более многочисленный рабочий класс, который организовывался, сплачивался, революционизировался. Рабочее движение и социализм слились в Германии теснее, чем где бы то ни было.

— Ничего с нами не поделаешь!—как бы говорили германские рабочие каждым своим шагом. И сплачивались все более и более.

Германская социал-демократия раскинула свое влияние повсюду. И она росла беспрерывно. Она имеет теперь уже около миллиона членов партии, два с лишним миллиона членов профессиональных союзов, больше 80 газет, 110 депутатов в рейхстаге и $4^1/_4$ миллиона избирателей.

Вот маленькая табличка, показывающая рост германской социал-демократии:

Она получила голосов на выборах в парламент (рейхстаг) в:

1871 г.	124.700 гол.
1874 »	355.000 »
1877 »	493.000 »
1878 »	487.100 »

1881 г.	312.000 гол.
1884 »	50.000 »
1887 »	763.000 »
1890 »	1.427.000 »
1893 »	1.786.000 »
1898 »	2.107.100 »
1903 »	3.010.800 »
1907 »	3.259.000 »

Только в начале «исключительного закона против социалистов» на время расстроились ряды германской с.-д. Но она построила тогда нелегальную организацию и сочетала ее с разными видами легальных рабочих обществ. И скоро она оправилась от удара, и правящие классы убедились, что и подполье не страшно для революционной социал-демократии.

Германские фабриканты и заводчики тоже крепко организованы в свои хозяйские союзы. Стоит стена против стены... Класс против класса — в Германии это яснее, чем где бы то ни было. Классовые противоречия здесь резче, обостреннее, чем во многих других странах.

Помещики-дворяне (юнкера) имеют в Германии огромную силу и часто дают пинка даже «либеральной» буржуазии, когда эта последняя пробует урвать себе большой кусок или пробует претендовать на равную с феодалами политическую власть в стране. Но против социалистов, против «красного призрака» социал-демократии юнкерство и буржуазия почти всегда идут вместе.

На предпоследних выборах (1907 г.) юнкера и буржуазия соединились под скипетром Вильгельма второго, достойного друга Николая Кровавого, и, при помощи фальшивого разделения избирательных округов, отняли у с.-д. 40 депутатских мест (хотя число с.-д. голосов и тогда возросло на $^1/_4$ миллиона). Восторгу всей монархической сволочи не было конца. Принцы крови устраивали от радости уличные демонстрации, поздравляли Вильгельма, плясали, пировали, и «хоронили» социал-демократию.

Увы, их радость была не долга. Германская социал-демократия прорвала все загородки, сломала все препятствия и в 1912 году даже на парламентской арене нанесла такой удар правящей клике, от которого она не скоро оправится. $4^1/_4$ миллиона голосов — $^1/_3$ всех поданных голосов — 110 депутатов. В Берлине с.-д. завоевали 5 мест из 6. Более $^3/_4$ голосов в Берлине подано за с.-д. В Потсдаме, где имеет жительство

«сам» Вильгельм, победил с.-д. 1-й округ в Берлине, где помещается дворец, либералам, при помощи дворцовой клики, еле-еле удалось отбить у с.-д. — да и то не без избирательных мошенничеств.

Медленно, но неуклонно подвигается германский пролетариат к завоеванию власти, к осуществлению царства социализма. В последние годы мы видели огромные уличные демонстрации германских рабочих. В протестах против военных авантюр, в требовании всеобщего избирательного права в ландтаге принимали участие миллионы рабочих. Они шли на улицу и открыто заявляли свою верность социалистическому знамени. Экономические конфликты становятся все резче, все острее. Рабочие массы становятся все революционнее, все сознательнее. Обсуждается вопрос о применении всеобщей стачки. Правительство издает тайные указы о том, чтобы войска были готовы к уличным боям с рабочими. Все теснее сливается миллионная с.-д. партия с двухмиллионными профессиональными рабочими союзами. Все нервнее становятся правящие слои. Они делают попытки отнять свободу организации у рабочих и этим еще более озлобляют, еще более закаляют массы.

В воздухе пахнет порохом... Над Германией явно занимается новая заря. История поставила германскую социал-демократию на передовом посту — авангардом всего международного пролетариата, застрельщицей в борьбе за социализм. И на этом славном посту германская социал-демократия, руководимая революционными марксистами, выказывает себя достойным передовым отрядом всей интернациональной пролетарской армии.

Большие надежды буржуазный мир возлагает на то, что германские «ревизионисты» (люди вроде русских ликвидаторов — полу-социалисты, полу-либералы) внесут раскол в среду германских рабочих и тем помогут буржуазии. Осуществятся ли эти надежды — покажет будущее. Но ничто не сломит могучего германского пролетариата. Он осилит все препятствия и несомненно сделает все возможное, чтобы приблизить царство социализма и в Германии, и во всем мире.

Революционные социал-демократы всех стран и всех народов братски приветствуют победу германских рабочих на выборах 1912 года.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 8 «Рабочей Газеты», 17 (30) марта 1912 г.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА ([1]).

Из всех партий только Р. С.-Д. Р. Партия на своей январьской конференции рассмотрела все политические вопросы и дала на них точный ответ.

Решения Партии по всем вопросам тактики — решения, основанные на многолетней работе пропаганды и агитации, — решения, подтвержденные опытом этой работы, — решения, повторяющие и развивающие в том же направлении партийные лозунги 1907, 1909, 1910 годов (Лондонский съезд, конференция и пленум Ц. К.) — вот тот оформленный, точно определенный, практикой подкрепленный идейный и политический материал, с которым выступила Р. С.-Д. Р. Партия. Вот на чем основана наша пролетарская, партийная пропаганда, утвержденная Ц. К., изданная листком, перепечатанная комитетами и группами много раз в России, пересказанная и разъясненная в № «Рабочей Газеты».

Не «для выборов» сочинена наша платформа, как делают буржуазные партии и оппортунисты, не дипломатические фразы дает она, — она целиком, с первого слова до последнего, дает те самые революционные решения, резолюции, лозунги, которые пролетариат уже применял и применяет к своей работе.

Не платформа для выборов (как у буржуазии), — а выборы для пропаганды давно выработанной и примененной программы партии, всех решений партии, всех лозунгов ее.

Рабочие! Не верьте платформам, сочиняемым наскоро, для выборов! Строго проверяйте каждую платформу, соответствует ли она действительной пропагандистской и агитационной работе партии, говорит ли она всю правду или дипломатически обходит ее, раскрывает ли революционные, социалистические и общедемократические задачи рабочего класса или запутывает их.

Три вопроса поставлены во главу угла партийной платформы: политический, рабочий и крестьянский.

Вопрос о политической свободе стоит во главе; на него нельзя ответить иначе, как лозунгом демократической республики. Всякие иные ответы, всякие перечни реформ — дешевы нынче эти перечни, — всякий либерал, прогрес-

сист и даже октябрист обещает вам все реформы, от свободы коалиции до правового порядка вообще,—всякие перечни реформ один пустой обман. Не может быть серьезных реформ при теперешнем самодержавии, таких реформ, которые дают свободу политическую. Кто сулит эти реформы, тот обманывает себя и других, тот закрывает глаза на главное: на ту помеху всякой политической реформе, которою является монархия царя.

Никакой веры платформам, обещающим «реформы»! Кто не за республику, тот—сознательно или бессознательно, все равно—пусть идет в лагерь либеральных «конституционалистов», пусть кричит за Милюковым: «у нас есть, слава богу, конституция».

Вопрос рабочий — вопрос рабочей жизни, классовой борьбы за ее улучшение, за обуздание эксплоатации, капитала, тотчас, немедленно, повсюду, за обуздание ее натиском стачек. 8-часовой рабочий день — вот лозунг этой борьбы, общий всем рабочим, всем цехам, всем профессиям, всем отраслям производства, всем народам, всем странам. 8-ми часовой рабочий день—знамя борьбы за всякое сокращение рабочего дня, каторжной работы на капитал, борьба за всякое увеличение платы, за всякое облегчение жизни современных рабов, наемных рабов.

Вопрос крестьянский — вопрос о жизни и голодной смерти десятков миллионов крестьян, задавленных в России, как нигде, крепостниками-помещиками — Пуришкевичами, Марковыми, Бобринскими, Волконскими и прочей «знатью». Один только ответ есть на этот «вопрос» — конфискация всей помещичьей земли. Все иные ответы, все эти «справедливые оценки», все эти «нормы» наделения, все это — самообман и обман.

Говорите прямо: вы за отнятие без выкупа всех помещичьих земель? Да или нет? Если нет, — не говорите, что вы демократ, не толкуйте о своем сочувствии голодным и умирающим с голоду. Нельзя торговаться перед лицом голода миллионов крестьян, перед лицом неслыханно наглых дворян, нельзя давать место мечтам о «мире» и «соглашении» с врагом. Нельзя стоять за свободу и не помогать полному свержению всех Пуришкевичей, Романовых и всей их помещичьей братии.

С этими ближайшими лозунгами всегда шел во всей своей пропаганде и агитации рабочий класс. С ними пошел он на выборы в четвертую Думу, — выборы депутата, который и среди «зубров» должен служить и будет служить делу пролетариата, делу революции.

Пусть не говорят нам о всяких легальных платформах, о соглашениях из-за платформы с оппортунистами, ликвидаторами. Перед выборами октябристы готовы прикинуться либералами, ликвидаторы готовы «обещать» быть партийцами. Нет, мы не верим «платформам», сочиняемым (за 8 часов) «для выборов». Мы не допускаем легальных платформ, ибо мы не можем сказать легально самого главного, того, что нам дорого, как революционерам, как социал-демократам.

Легальные, открытые платформы — вольный или невольный обман, вольный или невольный переход в лагерь ликвидаторов, сторонников «открытой рабочей партии». Мы не сулили такой партии при царской монархии теперешнего типа. Мы хотим платформы для разъяснения наших революционных взглядов, но не для затемнения их.

Легальная печать может дать только азбуку марксизма, только намеки на правду, только робкое указание на характер наших задач. Возьмем и это, используем легальную печать. Но не будем думать, что это все. Не дадим себя обмануть тем, кто видит в такой печати, дающей лозунги, настоящую партийную печать.

Долой платформы «для выборов», да здравствуют выборы для распространения революционной социал-демократической платформы!

ПРИМЕЧАНИЕ:

Статья из № 9 «Рабочей Газеты» 12 (30) августа 1912 года.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПАРТИИ ([1]).

Прошло более полугода с того времени, как состоялась наша всероссийская партийная конференция. Прошло не мало времени и с тех пор, как ликвидаторы посулили собрать другую, «настоящую», «нефракционную», «истинно-партийную» конференцию из всех «течений», «направлений», без различия фракций, взглядов, оттенков и т. д. Попробуем подвести некоторые итоги.

В основе всех наших внутрипартийных споров последних лет лежит вопрос об отношении к ликвидаторству. Как нам относиться к тому «течению», которое объявило нашу старую партию ликвидированной, несуществующей, которое считает, что нелегальные организации не нужны, что революция кончена и что рабочему классу следует бороться только за отдельные конституционные реформы, за «частичные права» и уступки при сохранении монархии. В этом узел всего партийного кризиса, в этом завязка всех наших споров.

События последнего времени уже с полной наглядностью показали для всех, имеющих очи, чтобы видеть, что все дело сводится именно к ликвидаторству, и ни к чему иному. Те, кто согласны между собою, что ликвидаторство вредно и не социалдемократично, те могут и должны работать вместе. Те, кто считает, что ликвидаторство — «законный оттенок» в партии, те должны, вынуждены пойти с ликвидаторами против партии.

По мере того, как это становится ясным, от ликвидаторского блока отходят одна за другой партийные группы.

Польские с.-д. хотели «примирить». Они прошли в ликвидаторский О. К. Они собственными глазами увидели, что ликвидаторы суть ликвидаторы. Они увидели, что бундовско-ликвидаторская О. К. созывает конференцию не из старых наших партийных с.-д. организаций и групп, а из новоиспеченных ликвидаторских «инициативных групп», включающих только по несколько интеллигентов-ликвидаторов. И при всей своей любви к «примирению» поляки вынуждены были расстаться с новой «О. К.». Поляки ушли из так называемой О. К. из-за ликвидаторства, из-за того, что это на деле — организационная комиссия ликвидаторов.

Затем очередь дошла до меньшевиков-партийцев (плехановцев). Они тоже настаивали на единстве и примирении. Заграничные плехановцы в своем большинстве осудили нашу январскую (1912 г.) конференцию за «фракционность». И они попытались столковаться с ликвидаторами и с их О. К. Однако, что же вышло. Плехановцы разошлись с этой О. К., порвали с ней, — и опять таки из-за ликвидаторства.

— Хорошо, давайте созывать вместе новую конференцию, — сказали плехановцы бундовско-ликвидаторской О. К. Вопрос ставится практически. Кого же именно хотите вы пригласить на конференцию, какие именно организации? — Да прежде всего «инициативные группы», — отвечают бундовцы и их друзья. Ибо... ибо ничего другого за нами нет, никто другой с нами не идет. Тогда плехановцы, поелику они не стали ликвидаторами, естественно, говорят: до свиданья, господа, нам с вами не по пути (и за плехановцами уходят и примиренцы).

В «Дневнике С.-Д.», № 16, Г. В. Плеханов поставил бундовско-ликвидаторской О. К. вопрос ребром. Он прямо заявил бундовцам и их друзьям:

«За той формальной точкой зрения, на которую вы становитесь в вопросе об инициативных группах, кроется определенное содержание. Содержание это ликвидаторское». Вы открываете «доступ в партию как самым отъявленным ее врагам и ликвидаторам, так и любому кружку провокаторов». «Ваш принцип — чисто анархический». Новая «конференция созывается ликвидаторами» и т. д. (См. «Дневн.», № 16, стр. 5, 10 и др.).

Как дважды два четыре, Плеханов доказал, что «инициативные группы» ликвидаторов к нашей с.-д. партии не принадлежат и потому на партийную конференцию допущены быть не могут. Перед бундовцами, Троцким и К-о стал вопрос: либо плехановцы, либо «инициативные группы» ликвидаторов. Бундовско-ликвидаторский О. К. предпочел порвать с плехановцами ради «инициативных групп». Свой своему поневоле брат... Так плехановцы порвали с новым О. К. тоже из-за ликвидаторов.

Пробовала бундовско-ликвидаторская О. К. привлечь на свою сторону и думскую с.-д. фракцию. В № 3 «Листка О. К.» напечатано даже письмо О. К. к думской фракции, в котором ликвидаторы, по обыкновению, пристают с мольбами о том, чтобы с ними «объединились». Жаль только, что О. К. не напе-

чатала — что же им ответила думская фракция. Думская фракция дважды **отказала** в какой бы то ни было поддержке ликвидаторам — недаром ее теперь осыпают бранью в «Нашей Заре».

Кто же остался за бундовско-ликвидаторской О.К.? — Троцкий, бундовские ликвидаторы да «инициативные группы». Те же и они... Поневоле воскликнешь: «Ба. Знакомые все лица...»

Посмотрите даже хлестаковский «Листок» О.К. и «Правду» Троцкого. В Петербурге у них только «инициативная группа», т.-е. та же интеллигентская группка отъявленных ликвидаторов. В Москве — даже инициативной группы нет. В Харькове и Екатеринославе — те же инициативные группы ликвидаторов. Социал-демократы партийцы в Киеве, в других южных пунктах, в Питере, в Москве, на Урале, в Полесье и слышать не хотят о блоке с ликвидаторами.

Вопрос поставлен ребром: **кто идет с новой «О.К.», тот идет с ликвидаторами.** «О.К.» это — только новый псевдоним ликвидаторов и инициативных групп. Ликвидаторы настолько опорочили себя в глазах рабочих, что выступать с открытым забралом не могут. И вот они выкидывают явно-лицемерный, явно-фальшивый в их устах лозунг «единства» и «примирения». Одной рукой они пишут руководства к истреблению нелегальных с.-д. организаций и с.-д. анти-ликвидаторов, другой рукой выводят лицемерно-фальшивые фразы о «мире» и «единстве». Но эту нехитрую механику начинают раскрывать даже очень примирительно настроенные с.-д. Промежуточные с.-д. элементы начинают все больше и больше отходить от ликвидаторов. С каждым днем становится все яснее, что все сводится к **ликвидаторству.** Мы не теряем надежды, что даже большая часть латышских с.-д. скоро поймет это. Ведь не удастся же ликвидаторской О.К. так до конца и отмолчаться на в упор поставленный Плехановым вопрос об «инициативных группах». До сих пор в официальном издании О.К. («Листок») они не решились ответить Плеханову **ни звука.** Пусть попробуют они объясниться с Плехановым насчет «инициативных групп». Это многим откроет глаза... А когда они ответят Плеханову на вопрос, как же можно на партийную конференцию звать не принадлежащие к партии антипартийные группы — тогда и наш Ц.К., вероятно, ответит им на предложение вместе созывать новую конференцию...

*

Ликвидаторы усиленно кричат, будто мы, партийцы, вносим раскол в избирательную кампанию, будто мы будем выставлять двойные кандидатуры. Это опять — лицемерие. Две кандидатуры будут лишь там, где ликвидаторы выставят против нелегальной партийной организации свои ликвидаторские кандидатуры. «Инициативные группы» настаивают на том, чтобы их (ликвидаторская) конференция обсуждала только один пункт порядка дня: выборы в Думу. Они делают это, во-первых, потому, что не могут, не решаются открыто сформулировать свою ликвидаторскую программу по всем очередным вопросам движения. Но, во-вторых, еще и потому, что хотят практически подготовиться для срыва партийной кампании, для выставления своих ликвидаторских кандидатур.

Партийцы всех течений должны сплотиться для проведения единой кампании без малейших уступок ликвидаторству. Ни одного выборщика в рабочей курии, ни одного кандидата в городской курии ликвидаторам! — Таков должен быть пароль всех партийцев, без различия фракций. Единство — да! Единство с ликвидаторами — нет!

Неужели и последние события нас ничему не научили? Неужели и сейчас для искренних партийцев, к какой бы фракции они ни принадлежали, возможны еще колебания?

Рабочие! Конференция 1912 года сделала крупный шаг к объединению наших рядов, к сплочению сил, к выработке тактики с.-д. на выборах и во всей работе. Пора делать дальнейшие шаги. Без колебаний, не дожидаясь тех, кто надеется еще исправить неисправимых ликвидаторов (горбатого исправит могила!)! К работе, к строительству нашей старой и славной с.-д. партии, к борьбе, к победе!..

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 9 «Рабочей Газеты», 12 (30) августа 1912 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ

о Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. (1).

Товарищи!

Очередное дело, наконец, выполнено. Наша партия собрала свою конференцию, решила на ней все важнейшие вопросы, уже давно требующие разрешения, создала русский Ц. К. и вообще сделала самые энергичные шаги для восстановления разрушенного центрального аппарата партии.

Три с лишним года прошло со времени последней партийной конференции. Около четырех лет прошло с тех пор, как в последний раз собрался в России Ц. К. партии. Более двух лет совершенно не функционировал Ц. К. Вряд ли будет преувеличением сказать, что эти три года были самыми тяжелыми годами для нашей партии с тех пор, как российская социал-демократия сложилась, как определенная организация. Тяжелые годы контр-революции! Мрачная эпоха торжества 3-го июня! Сколько гонений, сколько ударов рабочему классу извне, сколько измен и шатаний извнутри! Разгул кровожадных инстинктов, широко распространенная буржуазная реакция, душившая в своих мертвых объятиях все живое и одним боком коснувшаяся даже некоторых кругов, примыкавших к рабочему движению, эпидемия отступничества, разочарований, провокации — вот чем ознаменовали себя 1908 и 1909 годы. И только к 1910 году начало дышаться несколько легче.

Такие общественно-политические условия меньше всего могли содействовать усилению рабочей партии. Пролетариату мстили все силы контр-революции, чувствуя, что этот враг разбит, но не побежден, придавлен, но не сломлен; — что он снова и снова выпрямится, нанося еще более тяжелые удары царской монархии, поднимая на борьбу еще более широкие массы забитого, замученного и истерзанного крестьянства. И теперь, если оглянуться назад, если сравнить то, что было у нас, с тем, что было в Европе после 1848 года, или с тем, что переживало, например, французское рабочее движение после разгрома Коммуны, — то надо удивляться не тому, что у нас был распад, а тому, что мы сравнительно так скоро начинаем вновь становиться на ноги.

Уцелело не только знамя российской с.-д., ее программа, ее революционные заветы, уцелела ее организация, которую могли подрывать и ослаблять, но не могли снести до тла никакие преследования. Пролетариат необходим в капиталистическом обществе, ибо оно не в состоянии держаться, не увеличивая численность пролетариев, не повышая их сплоченность и способность к отпору. И, как ни тормозят капиталистическое развитие России Романовы и Пуришкевичи, как ни уродуют они его, а остановить его они не в силах.

Рабочие стачки были первыми ласточками возрождающейся весны. И немедленно же и наша партия начала оправляться от нанесенных ей реакцией ран, немедленно же стала она стягивать свои ряды и тщательно собирать все годное к борьбе, все живое, все оставшееся верным нашему красному социал-демократическому знамени.

Настроение широких масс рабочих явно меняется к лучшему. Лучшее доказательство тому — недавние рабочие митинги. Вот уже пятый год наши рабочие с.-д. депутаты второй Думы находятся на царской каторге. После забастовки 22 ноября 1907 года, которая была последним всплеском революционного движения 1905 — 1906 годов, рабочие России молчали целых четыре года. Четыре долгих года наши передовые борцы, наши лучшие товарищи томились в каторжных тюрьмах, а рабочие не находили в себе сил для протеста. Теперь это томительное и напряженное молчание нарушено. Десятки тысяч рабочих на своих митингах, организованных несмотря на все преследования правительства, заговорили. Они заговорили о том, что они попрежнему верны знамени революции и социализма, что не сломило их контр-революционное лихолетье, что жив дух борьбы в рабочем классе России, который был и остается вождем революционного движения... И не случайно то, что сердца десятков тысяч пролетариев России зажглись именно тогда, когда из каторжных застенков мелькнула героическая тень с.-д. депутатов второй Думы. Наша втородумская фракция вписала прекрасную, славную страницу в историю нашего движения. В умах рабочих масс она запечатлелась, как последний революционный отряд, отважно отстаивавший наше знамя в самом лагере врагов. И когда теперь в массах, среди десятков и десятков тысяч рядовых рабочих оживает память об этом славном отряде, это значит, что оживает интерес к революционной борьбе, что спячка

начинает проходить, что критический момент миновал, что пролетарий вновь разгибает спину.

Передовые ряды рабочих встрепенулись. Только поэтому нашей партии удалось решить нелегкую задачу собирания сил после годов распада, развала, уныния, разброда. И раньше были попытки собрать партийную конференцию и тем осуществить первый шаг в деле социал-демократического собирания земли. Эти попытки не удавались. Они прежде всего разбивались о равнодушие рабочих масс. Не то было теперь. Рабочие, всюду и везде сами руководящие местной с.-д. работой, зашевелились. С каждым днем они стали все острее чувствовать необходимость восстановления и укрепления своей с.-д. рабочей партии, как общероссийской организации.

— Невозможно больше ограничиваться отдельными, действующими обособленно друг от друга с.-д. кружками. Надо сплотиться в крепкие социал-демократические организации в каждом городе; надо вновь объединить с.-д. организации всех городов России в единую централизованную партию. Эта мысль стала неотступно сверлить мозг передовых с.-д. рабочих. И отсюда родилась только что закончившаяся всероссийская конференция нашей партии — конференция, которая несомненно будет иметь такое же огромное значение для Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, как самые важные ее партийные съезды.

Созыв общепартийной конференции был открыто признан единственным выходом из кризиса партии и провозглашен во всеуслышание окончательно и формально в июне 1911 года. Нет ни одного с.-д. кружка в России, до которого бы не дошла весть о конференции и призыв на нее. Во всех сколько-нибудь значительных и прочных организациях были сделаны доклады о конференции. И местные организации, вопреки отчаянным преследованиям полиции, создали свою, Российскую Организационную Комиссию. Целый ряд лучших членов и преданнейших работников ее был сметен арестами, но их дела царизму не удалось разрушить.

Конференция собралась, и на ней представлено было все, что есть сколько-нибудь серьезного и влиятельного в области с.-д. партийной работы в России.

На конференции были представлены все действующие с.-д. организации за чисто единичными исключениями. Присутствовали делегаты от следующих организаций:

С.-Петербург	2	делегата
Москва и центральнопромышленная область	4	»
Киев	1	»
Екатеринослав	1	»
Николаев	1	»
Баку	1	»
Тифлис	1	»
Саратов	1	»
Казань	1	»
Вильно, Двинск	1 *)	»

С опозданием прибыли еще на конференцию два товарища из одной очень важной легальной с.-д. группы (1 большевик и 1 меньшевик-партиец).

В числе делегатов от местных организаций были два члена Российской Организационной Комиссии. Получены письменные присоединения к конференции от с.-д. организаций:

Самары,
Сормова,
Нижнего-Новгорода,
Луганска.

Эти четыре организации только по совершенно случайным обстоятельствам не смогли прислать своих делегатов на конференцию, хотя Р. О. К. сделала все возможное, чтобы облегчить этим городам присылку делегатов.

*) С совещательными голосами на конференции присутствовали: делегат Центр. Орг. («Соц.-Дем.»), делегат «Рабочей Газеты», делегат «К. З. О.», т.-е. Ком. Загр. Орг., недавно образованной большевиками заграницей организации, взявшей на себя инициативу сплочения всех партийцев и поддержки из заграницы русского центра. Один член транспортной группы.

Съезжавшиеся делегаты конференции задолго до официального открытия конференции обратились с приглашением на конференцию и к заграничным группам: «Вперед», «Правда» и «Дневн. Соц.-Дем.», но эти группы — по причинам от партийной работы в России независящим — своих делегатов не прислали.

К. Сталин.

Ворошилов.

К. Н. Самойлова.

Рыков.

Е. Стасова.

В письме от 25—7 января 1912 года сормовский комитет и нижегородская группа писали конференции: «По целому ряду чисто случайных обстоятельств мы не могли послать делегата на конференцию, поэтому считаем своим священнейшим долгом, во-первых, сердечно приветствовать Р. С.-Д. Р. П. в лице ее очередной конференции». И далее сормовская и нижегородская организации, так же, как и самарская, в ряде резолюций доводили до сведения конференции свои мнения по ряду вопросов порядка дня, каковые мнения и учтены конференцией в ее решениях. (Письма будут опубликованы в Ц. О. Партии).

Делегата на конференцию не мог прислать и Ростов с нахичеванскою группой, присоединившиеся к Р. О. К. Все уральские организации (Екатеринбург, Тюмень, Уфа, К. и др.) тоже присоединились к Р. О. К. и выбрали трех делегатов на конференцию. Делегаты эти не смогли прибыть по независящим от них обстоятельствам.

К Р. О. К. далее присоединилась и прислала приветствие на конференцию еще одна организация Р. С.-Д. Р. П. в г. Х. (Сев.-Зап. крае). Связей с Р. О. К. стали искать и далекие окраины — например, с.-д. организация города Барнаула.

Р. О. К. специально послала уполномоченных в Харьков и Одессу для привлечения тамошних с.-д. на конференцию. (В Харьков ездил тов. меньшевик-партиец.) Но в этих городах в данный момент сколько-нибудь оформленных организаций не оказалось.

Р. О. К. пригласила на конференцию все без единого исключения с.-д. организации, действующие на местах.

Среди четырех делегатов Москвы и области были два от с.-д. групп, действующих в беспартийных рабочих организациях (профессиональные союзы и пр.) районных городов. В Петербурге и на Кавказе тоже были выбраны делегаты от таких групп, которые в огромном большинстве случаев с энтузиазмом присоединялись к Р. О. К. и высказывались против ликвидаторства — но и они, к сожалению, не могли прибыть на конференцию.

Внутрипартийные трения, споры в печати и т. п. немало облегчили работу полиции, неистово преследовавшей организаторов и делегатов конференции. Но тем не менее на конференции были представлены все важные области. Петербург имел двух делегатов—не считая приехавших с опозданием двух товарищей из упомянутой легальной группы.

Москва с областью были представлены четырьмя делегатами.

Юг — тремя делегатами.

Поволжье — двумя делегатами.

Кавказ — двумя делегатами.

Северо-Западный край — одним делегатом.

Доклады и сообщения с мест были сделаны из 37 городов (делегаты не только делали доклады о непосредственно делегировавших их организациях, но сообщили и о тех, где они вообще работали последнее время).

Выборы на конференцию происходили более демократически, чем когда бы то ни было до сих пор. Раньше посылали узкие по составу Областные или Городские Комитеты. Теперь участвовали в выборах «низовые» ячейки.

Так, в Петербурге, кроме Петербургского Комитета, в выборах непосредственно участвовало 110 товарищей.

Василеостровский район	38 чел.
Выборгский »	18 »
Городской »	22 »
Нарвский район и часть Спб. . .	22 »
Невский »	10 »

За этими 110 товарищами, активными членами организации, непосредственно участвовавшими в выборах делегатов, разумеется, стоит во много раз большее количество рабочих социал-демократов. После ряда собраний с.-д. работников в отдельных беспартийных рабочих организациях Петербурга состоялось общее собрание делегатов от с.-д. групп в шести важнейших беспартийных рабочих организациях. Собрание единогласно приветствовало конференцию, созываемую Р. О. К., и постановило принять участие в выборах.

Народившаяся в Спб. «Центральная группа Спб. рабочих», выпустившая несколько листков и объединяющая, согласно ее сообщениям, 30 членов организации, к сожалению, в момент выборов на конференцию не была еще связана ни с П. К., ни с Р. О. К.

В Москве кроме Московского Комитета в выборе делегатов участвовало междурайонное совещание из представителей районов:

Городского (Центрального),

Лефортовского,

Бутырского,

Рогожского,
Замоскворецкого,
Благуш.

Кроме того, в выборах на конференцию участвовала и группа с.-д., работающая во всех беспартийных рабочих организациях Москвы.

За месяцы октябрь—ноябрь в Москве состоялось до 30 собраний, обсуждавших вопрос о партийной конференции и всюду присоединившихся к Р. О. К.

В Киеве делегат выбран на общегородской конференции, в которой участвовало 14 выбранных представителей от разных партийных ячеек.

В Екатеринославе делегат выбран на общегородской конференции, на которой присутствовало 10 выбранных представителей.

В Баку и Тифлисе делегаты были одобрены всеми членами местных организаций, и вопрос о конференции обсуждался во всех ячейках, в которые входит в Баку больше 200 товарищей, а в Тифлисе свыше 100.

В Николаеве делегат выбран коллективом, в который входят представители от рабочих кружков, местных с.-д. деятелей, беспартийных рабочих организаций и т. д.

Обсудив подробный доклад о созыве конференции Р. О. К., приняв во внимание, что неявка трижды приглашенных «национальных» с.-д. организаций не должна тормозить работы по восстановлению партии, учтя тот факт, что представлены безусловно все важнейшие организации России и что критическое положение партии в связи с предстоящими выборами в четвертую Думу не позволяет ни малейшего отлагательства в деле воссоздания русского центра, конференция конституировалась как верховный орган партии.

Порядок дня конференции был следующий:

1. Конституирование конференции.
2. Доклады (доклады с мест, доклад Р. О. К., Ц. О. и т. д.).
3. Современный момент и задачи партии.
4. Выборы в четвертую Государственную Думу.
5. Думская фракция.
6. Государственное страхование рабочих.

7. Стачечное движение и профессиональные союзы *).
8. «Петиционная кампания».
9. О ликвидаторстве.
10. Задачи с.-д. в борьбе с голодом.
11. Партийная литература.
12. Организационные вопросы.
13. Партийная работа заграницей.
14. Выборы.
15. Разное.

Все эти вопросы были тщательно обсуждены на 23-х заседаниях конференции, и по всем этим вопросам конференцией вынесены резолюции, отчетливо формулирующие решение партии по всем очередным политическим вопросам и дающие возможность более плодотворной работы всем деятелям нашей партии.

Особое внимание было уделено докладам с мест. Им было посвящено 5 заседаний. С несомненностью обнаружился подъем в рабочих массах. Не подлежит никакому сомнению, что партийное сознание сделало большой шаг вперед в деле выработки новых организационных форм, диктуемых переживаемой новой эпохой и необходимостью защищать старые революционные цели в новой политической обстановке. Новый (по сравнению с дореволюционной эпохой) тип организации в основном намечен еще декабрьской (1908 г.) конференцией. Это — крепкие нелегальные организации, окруженные разветвленной сетью всевозможных легальных рабочих обществ. Но для развития этих форм на практике сделано все же недостаточно. Наши работники еще во многих отношениях и щ у т в этой области. Здесь осталось огромное поле для инициативы, для целого ряда конкретных нововведений и улучшений. Предстоит огромная практическая работа, прежде чем мы сможем сказать, что мы вновь имеем прочный установившийся тип организации, вполне отлившейся в строго очерченные организационные формы.

Осталось еще не мало поработать, прежде чем мы сможем сказать, что каждый профессиональный союз, каждое рабочее общество стали крепостью социал-демократов — партийцев.

Конференция несколько раз возвращалась к этому важному вопросу и в нескольких резолюциях дала свои указания на этот

*) Этот пункт порядка дня был соединен впоследствии с пунктом «Организационные вопросы» и по ним вынесена общая резолюция: «О характере и организационных формах партийной работы».

счет (см. резолюции: о докладах с мест, о характере работы, о выборах в четвертую Думу и т. д.). Больше энергии, гибкости и изобретательности в области выдержанной «легальной» с.-д. работы, больше усилий для воссоздания некоторых старых форм нелегальной массовой организации (завоевание улицы в виде «бирж», возрождение заводских с.-д. собраний и т. п., укрепление городских руководящих с.-д. комитетов и т. д.) — вот что поставила на очередь партийная конференция. И ряд практических конкретных указаний, которые конференция дала на этот счет, наверное, встретят самое пристальное внимание товарищей, работающих на местах.

В важнейших политических вопросах — как оценка социально-политического содержания всего режима 3-го июня, как принципиальные вопросы избирательной кампании по выборам в четвертую Думу, оценка идейных течений внутри с.-д. и т. д. — партийная конференция в основном стала на точку зрения предыдущих верховных собраний нашей партии: лондонского съезда, декабрьской (1907 г.) конференции и пленума Ц. К. в январе 1910 г. Всякий, кто вчитается в решения нынешней конференции и важнейшие решения предпоследней конференции 1908 года (ниже мы перепечатываем последние), тотчас увидит, что только что закончившаяся конференция всецело пошла по линии преемственности, т.-е. что она целиком восприняла основные принципиальные указания партии по вопросу о социальном смысле режима 3 июня и по вопросу об отношении к другим партиям, — указания, которые весь ход общественной жизни за последнее трехлетие подтверждал и подкреплял.

Подробное изложение и мотивировка всех решений конференции, само собой разумеется, могут быть даны лишь в ряде статей партийной печати, в коллективной работе пропагандистов и агитаторов всей партии. Здесь уместно будет лишь отметить в нескольких кратких штрихах основное, самое главное, в этих решениях.

Вопрос об историческом смысле третье-июньского режима не может быть обойден ни одним социал-демократом, в какой бы области партийной работы он ни действовал. Каждый день приносит нам подтверждения тому, что узкий практицизм безуспешно пытается отмахнуться от этого вопроса и волей-неволей натыкается на необходимость отчетливого решения его. Равным образом и старые фракционные деления большевизма и меньше-

визма вовсе еще не гарантируют единообразного решения этого основного вопроса. Правильность решения, данного декабрьской конференцией 1908 года, подтверждается все нагляднее опытом каждого года, опытом выработки того или иного «нового» решения, подтверждается неудачей и крахом тех течений, которые либо выбрасывают за борт старые задачи, отмахиваются от революции и забывают ее ради кажущейся им прочною легальности, либо — не хотят понять значения легальных возможностей для нелегальной революционной партии и революционной с.-д. работы. И конференция подтвердила оценку третье-июньского режима, данную партией в 1908 г., дополнив эту оценку необходимейшими указаниями на ближайшие к нам по времени события. Старые задачи стоят перед пролетариатом. Попрежнему только революционной борьбой масс против царской монархии будет он решать эти задачи, вполне учитывая при этом новую, гораздо более буржуазную, более оформленную в смысле классовой борьбы историческую обстановку, учитывая новые формы подготовки к грядущей революции.

Вопрос о выборах в четвертую Думу разработан конференцией с особой подробностью и конкретностью. Каждый партийный работник, каждая с.-д. ячейка найдут в революции о выборах в четвертую Думу самые точные практические указания на счет взглядов партии по вопросу об избирательных соглашениях и т. д.

Конференция дала подробнейшие резолюции для руководства практической работы с.-д. в вопросах «страховой» кампании и борьбы с голодом. Конференция оценила причины неудачи так называемой «петиционной кампании» и выяснила условие применения такого средства борьбы в современной России.

Конференция подвела итоги более чем трехлетней борьбе партии с ликвидаторским течением, которое январский пленум Ц. К. 1910 г. единогласно признал проявлением буржуазного влияния на пролетариат. Все местные работники, без различия фракций, констатировали единогласно, что, несмотря на все попытки их вернуть лучших из ликвидаторов назад в партию, группа «Нашей Зари» и ее немногочисленные сторонники откололись окончательно. И конференция не могла поступить иначе, как сказать то, что есть, т.-е. признать эту группу поставившей себя вне партии. Те немногочисленные с.-д. — преимущественно из оторвавшихся от русской работы — которые до сих пор могли

колебаться в этом вопросе о существовании нашей партии или о ликвидации ее, должны будут теперь сделать свой окончательный выбор.

На конференции решение о ликвидаторах принято единогласно. Из всех докладов с мест было ясно, как наболел этот вопрос, как настоятельно необходимо покончить с язвой ликвидаторства. Надо было слышать, какие вопиющие факты сообщали все делегаты, без различия фракций, из области борьбы ликвидаторов против партии на местах... (Доклады с мест мы надеемся напечатать хотя бы в извлечении в скором времени).

Всюду на местах большевики работают вместе и рука об руку с меньшевиками-партийцами. И всюду они требуют категорического заявления партии о том, что она ничего общего с ликвидаторами не хочет и не может иметь.

На самой конференции тоже присутствовали в числе делегатов как большевики, так и русские меньшевики-партийцы. Один из делегатов меньшевиков, предлагая конференции не ставить особым пунктом порядка дня вопроса о ликвидаторах, мотивировал это тем, что ликвидаторы все равно умерли для социал-демократии. Запрещение всяких соглашений с ликвидаторами на выборах в четвертую Думу по рабочей курии внесено в резолюцию по предложению другого делегата меньшевика-партийца.

Конференция утвердила образованный заграничными большевиками перед конференцией Комитет Заграничной Организации (К. З. О.), как одну из партийных организаций заграницей. Подчеркнутые слова внесены по специальному требованию представителя партийного меньшевизма в одной из самых влиятельных русских организаций, и справедливость этого требования признала вся конференция. Никакой монополии, никаких преимущественных прав ни для большевиков, ни для тех, кто раньше всех примкнул к Р. О. К. и выразил готовность подчиняться практическому центру русской работы, конференция не признает. Все с.-д. без всякого различия фракций призываются сплотиться вокруг Ц. К. и создать единую, действительную партийную организацию заграницей, при непременном условии подчинения русскому Ц. К.

Конференция внесла те изменения в организационный устав партии, которые оказались безусловно необходимыми под влиянием изменившейся с 1907 г. обстановки работы.

Конференция отменила договор с «Правдой», заключенный пленумом в январе 1910 г., и превратила «Рабочую Газету» в орган Ц. К. партии. Конференция приняла к сведению заявление большевиков, заключивших договор с Ц. К. в январе 1910 г. о передаче ими их фракционного имущества в Ц. К. партии.

Центральным Органом партии утвержден «Социал-Демократ».

Наша с.-д. рабочая партия есть плоть от плоти и кость от кости русского рабочего класса. Кризис нашей парти был результатом кризиса всего рабочего движения. Такую же тяжелую эпоху, как наша партия, пережило и переживает еще наше профессиональное движение. И только теперь, когда оживает рабочий класс России, восстановилась и стала крепнуть и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Только что окончившаяся партийная конференция подвела итог первой полосе контр-революции и открыла новую страницу в истории российской социал-демократии. Все жизнеспособное, все желающее служить делу освобождения рабочего класса снова собирается под славным знаменем Р. С.-Д. Р. П. Все слабое духом, все колеблющееся уходит по другую сторону баррикады. Партия идет вперед и справится со всеми многочисленными препятствиями, расставленными по ее пути.

Избирательная кампания по выборам в четвертую Думу началась. Нет сомнения, что правительство приложит все старания, чтобы не пропустить в четвертую Думу ни одного с.-д. депутата—ведь наша с.-д. фракция в третьей Думе так во многом испортила игру третье-июньских победителей. Буржуазные партии, несомненно, все сделают, чтобы помочь правительству не пропустить социал-демократов. Нам предстоит вести избирательную кампанию при исключительно тяжелых, при небывалых условиях. Времени осталось немного. Напряжем же все силы. Подадим друг другу руку — все партийцы без различия направлений. Посвятим оставшиеся 6—7 месяцев, рядом с руководством экономической борьбой, главным образом, подготовке с.-д. избирательной кампании. Пусть на всю страну зазвучат с прежней силой наши главные лозунги в избирательной кампании:

Демократическая республика!

8-ми часовой рабочий день!

Конфискация всех помещичьих земель!

Пусть все до одного выборщики от рабочих будут социал-демократами-партийцами, во что бы то ни стало проведемте и в четвертую Думу социал-демократическую партийную фракцию, достойную рабочего класса России, достойную нашей партии.

Центральный Комитет, берясь за ответственную работу, знает, что все вы, местные работники, разбросанные по всем градам и весям России, беззаветно поддержите объединенную работу партии. Он знает, с какой болью вы чувствовали в последние годы необходимость объединенной партии. Мы видели, какую огромную работу, благодаря вашей поддержке, выполнила в течение всего лишь нескольких месяцев Р. О. К. Когда наш старый центр окончательно распался, вы, товарищи с мест, проявили огромную инициативу и создали всероссийскую конференцию, несмотря на все препятствия. Помочь вам в вашей трудной практической работе — такова наша цель. Центральный Комитет имеет в своем составе представителей и большевиков, и партийных меньшевиков, и нефракционных социал-демократов-партийцев. Ц. К. будет стараться обслуживать все сферы рабочего движения и будет неустанно бороться за полное объединение всех партийцев без различия фракций, за установление нормальных отношений с национальными с.-д. организациями.

Вся международная политическая обстановка, вся политическая обстановка России повелительно диктует нам напряженную работу, громко зовет нас на великую, исторической важности, борьбу.

Мы сделали значительный шаг вперед. Мы начали восстановлять свои местные организации и свой центральный партийный аппарат. Мы имеем ответы на все важнейшие вопросы, данные нам нашей конференцией.

Перед нами огромная работа. Как и в былые времена, сотни членов нашей партии поведут за собой десятки и десятки тысяч рабочих.... Сплотимся же! За работу, товарищи! К борьбе!

Да здравствует Международная Революционная Социал-Демократия!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Да здравствует новая революция в России!

Февраль 1912 г. Центральный Комитет
Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи! Устанавливайте регулярные связи с центральным Комитетом, с Центр. Органом и «Рабочей Газетой». Присылайте адреса, явки, все ваши листки, газеты и т. д. Ц. К. немедленно сообщит вам адреса для сношений с русским бюро Ц. К. Все местные издания, листки, заявления, сообщения и т. д. посылайте в Ц. К. и в редакцию Ц. О.

Ц. К. особенно просит сообщать все решения местных организаций по поводу постановлений конференции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Брошюра издана Центральным Комитетом нашей партии в 1912 году в Париже.

ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ([1]).

I.

Не подлежит никакому сомнению, что марксисты ([2]) примут самое деятельное участие в предстоящей кампании по выборам в 4-ю Государственную Думу, несмотря на все препятствия, какие бы ни поставили люди третьего июня. Бойкот булыгинской ([3]) и 1-й Государственной Думы сыграл свою историческую роль. Раз выяснилось, что Россия вступила в более или менее длительную эпоху отсутствия непосредственных проявлений высших форм общественной активности, для марксистов стало необходимо участие в Государственной Думе. Уже летом 1906 года было сделано в печати совершенно правильное заявление: «Марксисты левого крыла должны пересмотреть вопрос о бойкоте». Метод действия, пригодный при одних условиях, мог бы получить реакционное значение при других, серьезно изменившихся обстоятельствах. Вот почему марксисты левого крыла приняли участие во 2-й и в 3-й Гос. Думе, они примут участие и в выборах в 4-ю Думу.

Зачем шли марксисты левого крыла в 3-ю Думу, зачем пойдут они в 4-ю Думу?

Они не идут для «законодательствования», для «положительной работы». Они не возлагали надежд и не питали иллюзий насчет возможности добиться от 3-й Думы каких-нибудь серьезных, непосредственных улучшений.—На деле этих улучшений за 4 с лишним года работы 3-й Думы и нет. Они не возлагают таких надежд и на будущую 4-ю Думу. Состав 4-й Думы не может радикально измениться, если останется в неприкосновенности избирательный закон 3-го июня, а этот последний не может измениться в течение оставшихся до выборов нескольких месяцев, если не возникнут совершенно непредвиденные серьезные события вне Думы. Как бы ни полевела страна за последнее 4-летие—при существующем избирательном законе антидемократическим элементам механически обеспечено большинство; судьба 4-й Думы находится в руках землевладельцев-помещиков в том смысле, что только полевение этих последних могло бы несколько изменить физиономию Думы.

Но полевение землевладельцев возможно только в чрезвычайно узких пределах. Насколько можно сейчас предвосхитить события, можно сказать, что в 4-й Думе будут те же два большинства, на которые поочередно опирался в 3-й Думе П. А. Столыпин: октябристско-кадетско-«прогрессистское» большинство и октябристско-черносотенное, или, по-новому, октябристско-националистско-правое большинство. Самое «левое» большинство сведется к тому, что октябристы будут в несколько большей степени зависеть отъ кадетов. Очень возможно, что усилятся крайние фланги. Совсем ничтожны шансы на то, чтобы могло создаться и третье большинство: оппозиционно-левое.

Не ждите никаких непосредственных улучшений от 4-й Думы,—скажут совершенно открыто марксисты тем, кто к их голосу прислушивается. Не за этим пойдут в 4-ю Думу марксисты.

Так зачем же? Коротко говоря, ответ на этот вопрос таков: для политического просвещения народа с трибуны того учреждения, которое стало не случайным, а неизбежным звеном в системе третье-июньского режима. Крупная роль, сыгранная в этом отношении рабочей фракцией 3-й Думы, вряд ли может теперь подвергаться сомнениям. Политическая атмосфера 3-й Думы меньше всего располагает к маниловщине, иллюзорным надеждам на то, что Дума что-либо «даст» демократии, к тому, что называют «парламентским кретинизмом». Наоборот, это почтенное учреждение, в котором хозяйничают Марковы, Гучковы, Крупенские, Пуришкевичи, Маклаковы, которое каждым своим шагом подтверждает старую истину о том, что «слуги реакции—не краснобаи»,—это учреждение дает представителям рабочей демократии уроки самого глубокого политического реализма в лучшем смысле этого слова. Ничто так поучительно и, быть может, ничто так убедительно не свидетельствует о правильности политической позиции марксистского левого крыла, как эволюция, происшедшая в характере деятельности третьедумской рабочей фракции. Эта фракция вошла в 3-ю Думу с рядом предрассудков против агитационного или, как выражаются либералы, «митингового» метода работы. Отсюда—ряд серьезнейших ошибок фракции на первых порах ее деятельности. За фракцией лежит уже 4 с лишним года работы. Попробуем подытожить всю ее работу в целом, и мы увидим, что вся политическая обстановка в стране и, прежде всего, сама 3-я

Дума каждый день все больше толкали третьедумскую рабочую фракцию от точки зрения «положительной работы» к так называемому агитационному методу, от точки зрения «общенациональной оппозиции» ко все более резким выступлениям против либералов. Та же эволюция происходила в основном и в деятельности перводумской и втородумской рабочих фракций. И там, несмотря на фракционный катехизис, развитие шло в том же вышеуказанном направлении. Этого настоятельно требовала вся политическая обстановка, и в этом, опять-таки, было величайшее подтверждение правильности политической позиции марксистов левого крыла. Перводумская фракция отнюдь не сделала своим лозунгом: «ответственное (т.-е. кадетское) министерство». Теперь, в особенности после недавних разоблачений бывших министров и неудавшихся кандидатов в министры, уже всем марксистам ясно, что при тогдашней обстановке сделать своим этот лозунг и, таким образом, отодвинуть в туманную даль другие, действительно свои лозунги — значило бы просто стать слепым орудием в закулисных торгах с переторжками между Муромцевыми, Милюковыми, Петрункевичами, с одной стороны, и Треповым и Столыпиным—с другой.

Втородумская рабочая фракция, вопреки своим первоначальным планам и схемам, всем ходом политических событий вынуждена была осуществлять в Думе так называемый «левый блок» с представителями радикальной буржуазной демократии (прежде всего, с представителями неимущего крестьянства) против кадетской либеральной буржуазии. Теперь, на расстоянии, это виднее: с неизбежной необходимостью, со стихийной силой все три фракции были толкаемы на практике именно к так называемому агитационному методу.

Когда журналисты-ликвидаторы теперь, подводя итоги четырехлетней работе третьедумской фракции, жалуются на то, что «призывами и напоминаниями о разрушении Карфагена в одних и тех же (стереотипных) выражениях заканчиваются все (о ужас!) речи депутатов с.-д. фракции за время последней сессии» *), они своим брюзжанием по поводу деятельности рабочей фракции в 3-й Думе только подчеркивают, что их метод «положительной работы» потерпел полнейший крах и что

*) «Наша Заря» № 6, стр. 67, ст. А. Мартынова.

использовать современный русский «парламентаризм» иначе, чем так, как это предлагают делать марксисты левого крыла, — невозможно.

В переходные эпохи общественной жизни каждой страны с особенной силой выдвигается для марксистов необходимость исключительно так называемого агитационного метода при использовании парламентаризма. Так смотрят не только русские марксисты левого крыла, так смотрели и ортодоксальные марксисты Германии. Вот, например, взгляд Бебеля и Либкнехта в 1870-х годах, когда Германия переживала переходный момент, когда не было известно, не перейдет ли конституционный кризис в Германии в кризис революционный. Разумеется, параллелизма между современной Россией и Германией 70-х годов нет, положение в России во сто крат более чревато неминуемыми великими событиями, но даже для тогдашней переходной эпохи в Германии вожди ортодоксального марксизма намечали тактику использования парламентаризма именно в духе той, которую мы очерчивали выше.

В резолюции, составленной Бебелем и Либкнехтом и предложенной ими Штутттартскому съезду германской с.-д. рабочей партии, задачи с.-д. в тогдашнем рейхстаге характеризовались следующим образом:

«С.-д. рабочая партия принимает участие в выборах в рейхстаг и таможенный парламент исключительно из агитационных соображений. Представители партий в рейхстаге и таможенном парламенте имеют задачей, насколько возможно, защищать интересы рабочих и в общем и целом должны занимать позицию критиков и отрицателей.

«Они должны пользоваться каждым случаем, чтобы разоблачать во всем его ничтожестве все то, что происходит в этих двух учреждениях, и разъяснять массам комедиантскую игру, происходящую там.

«Партия не входит ни в какие союзы и компромиссы ни с какой другой партией»*)... и т. д.

Либкнехт,—рассказывает Бебель, — настаивал на еще более резком выражении этой точки зрения. Один-два голоса раздались даже в пользу бойкота, но съезд единодушно принял вышеприведенную резолюцию Бебеля и Либкнехта.

---

*) См. недавно вышедшие «Воспоминания Бебеля», нем. изд. т. II, стр. 117.

В другой раз германским ортодоксальным марксистам пришлось высказываться относительно методов парламентской работы в переходный период—после издания исключительного закона против социалистов ([4]). Это было в ту эпоху, когда германские марксисты (в отличие от наших доморощенных фетишистов «борьбы за легальность») нашли нужным вычеркнуть из своей программы заявление о том, что они борются за свои цели всеми легальными средствами, чем подчеркнули, что они против исключительного закона будут бороться всеми средствами... Опять-таки, Германия начала 80-х годов была далеко не тем, чем является Россия 1910-х годов. Но даже для Германии 80-х годов ортодоксальные марксисты подчеркивали именно то, что русским марксистам так необходимо подчеркнуть сейчас.

На съезде германской рабочей партии в С.-Галлене, который, в виду гонений, происходил за пределами Германии и тайно, Бебель, Зингер и Либкнехт провели резолюцию о деятельности в рейхстаге, в которой говорилось:

«... Центр тяжести в деятельности парламентской фракции должен лежать в критической и агитационной работе... Не следует делать себе никаких иллюзий на счет «положительной работы» в парламенте при современных условиях» *)...

Если эти положения верны были для Германии, то еще значительно больше справедлива формула марксистов российских, гласящая:

«... На первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль» рабочей фракции в 3-й (или 4-й) Думе.

II.

Признать, что выборы в 4-ю Думу и сама работа в ней должны итти под углом агитационного метода, еще мало. Надо еще условиться о том, за что агитировать и что должно явиться руководящими требованиями в предстоящей избирательной кампании. Теперь, когда даже такие люди, как Н. Р-ков ([6]), начинают проповедывать, что «старые лозунги превратились в слова без реального содержания», что эти лозунги будто бы «не

*) См. протоколы С.-Галленского съезда, стр. 15.

способны возбудить энтузиазм в массах» *) и т. п., теперь особенно необходимо подчеркнуть нашу верность именно старинным нашим неурезанным требованиям. Ликвидаторы наперебой преподносят один прожект за другим: одни предлагают заменить «старые лозунги» единственным требованием всеобщего избирательного права, другие предлагают, как объединяющую формулу, «борьбу по всему фронту за действительную конституцию, за политические права» **). Все они, как нарочно, выбирают формулы, совершенно приемлемые, по крайней мере на словах, для либеральной буржуазии. Максимум, до чего подымаются эти бывшие марксисты, это — формула: «борьба за легальность», опять-таки в совершенно либеральном истолковании ее. Всем этим прожектам суждено неминуемо повиснуть в воздухе, ибо именно они «не способны возбудить энтузиазм в массах»...

Как мы понимаем агитацию за «старые лозунги» и в какой взаимной связи они должны войти в избирательную платформу рабочей партии, — об этом высказался уже наш журнал (см. статью тов. Тулина (6). Здесь мы хотели бы обратить внимание на один практический пункт предстоящей агитации: на необходимость осветить самым широким образом действительный характер избирательного закона 3-го июня 1907 года, на основе которого будут производиться выборы в 4-ю Думу.

В избирательном законе 3-го июня, как солнце в малой капле вод, отразилась вся третье-июньская система. Он совершенно точно отражает соотношение сил внутри контр-революционного лагеря, он дает отчетливое представление о том, на каких классах и слоях сосредоточены все надежды и чаяния современного режима и на кого наш «прижим» не возлагает надежд.

Возьмите, например, следующую маленькую табличку:

1 выборщик приходится на:

230	человек	—	в землевладельческой курии (помещики)
1.000	» »	—	в первой городской курии (крупные собственники)
15.600	» »	—	во второй городской курии (средняя буржуазия)

*) См. его статью в № 9-10 «Нашей Зари».
**) См. «Дело Жизни» № 9, стр. 34.

60.000 человек — в крестьянской курии
125.000 » » — в рабочей курии *).

Говоря проще, эта табличка означает, что, по существующему избирательному закону 3-го июня 1907 года, 230 помещиков имеют столько же прав, сколько 60.000 крестьян и 125.000 рабочих. Какой возможен еще более наглядный ответ на вопрос о том, на какие именно классы правительство возлагает надежды, в каких именно социальных слоях приходится видеть опору режима? Что может быть более поучительного для широких слоев демократии, чем усвоение той истины, которая вытекает из приведенных выше немногих цифр? Вы хотите знать, что такое современная конституция? Вы хотите знать, что такое режим 3-го июня? Вот вам ответ: присмотритесь повнимательнее к приведенной маленькой табличке.

Поистине, перефразируя слова Лассаля, можно смело сказать, что, когда широкие массы усвоят действительный общественный смысл приведенной таблички и когда они приготовятся сделать все соответствующие практические выводы, — туго тогда придется тем, кто опирается на избирательную систему 3-го июня.

По старому (1-я Дума) избирательному закону соотношение по 53 губерниям было следующим при 6.200 выборщиках:

от частных землевладельцев	1.952	— 31,48%
» городских избирателей	1.381	— 22,27%
» крестьян	2.659	— 42,89%
» рабочих	208	— 3,36%

По новому закону (3 июня 1907 г.) соотношение по тем же 53 губерниям было следующим при 5.252 выборщиках:

от частных землевладельцев	2.594	— 49,39%
» 1-й городской курии	788	— 15,01%
» 2-й » »	590	— 11,23%
» крестьян	1.168	— 22,24%
» рабочих	112	— 2,13%

Сопоставление этих двух табличек тоже, как нельзя более, поучительно. Какой с божьей помощью поворот! Число выборщиков от крестьян абсолютно сокращено почти на 60%, а отно-

*) См. более подробно об этих вычислениях в превосходной статье П. Орловского, сборник «Темы дня», П., 1907 г.

сительно — тоже почти вдвое *). За что такая немилость? Чем провинились русские крестьяне? И какой социальный смысл имеет это изменение в избирательном законе?

Русский крестьянин провинился тем, что «не оправдал» надежд, что он оказался в 1-й и 2-й Думах трудовиком, а то и полевее, что он в лице своего авангарда выступал — хотя и не без колебаний — принципиальным защитником иного строя, что он был ближе к тому, чтобы стать «опорой» нового строя, нежели к тому, чтобы укрепить старый режим. Косность и неподвижность русского «мужика» вплоть до начала 900-х годов сделали то, что вселили веру в его преданность и «законопослушность» даже в среду более дальновидных представителей старой России. Крестьянам по старому избирательному закону уделена была почти половина (43%) мест в создавшейся Думе,—вот до чего крепка была вера в консерватизм и монархизм «крестьянского черепа». Правда, над Думой с самого начала был поставлен Государственный Совет, Дума с самого начала создавалась как орган безвластный, но, тем не менее, такое «доверие» к крестьянину поистине достойно удивления.

Русский крестьянин не оправдал видов начальства и был жестоко покаран. Иллюзии были уничтожены. Правящие слои теперь оценили силу врага. Они лучше, чем иные друзья народа из либералов и бывших марксистов, поняли, какую роль сыграет русское крестьянство в тех общественных потрясениях, через которые неминуемо должна пройти Россия.

Насчет рабочего класса у правящих слоев не было иллюзий уже с самого начала: 3,36% выборщиков по старому избирательному закону, 2,13% — по новому закону,—это—одинаковое издевательство над избирательными правами рабочих. И тогда, и теперь на рабочий класс не возлагали никаких надежд. Отлично знали, что здесь непримиримый враг. В сфере отношений к рабочему классу с самого начала господствовал трезвый реализм. Отсюда никакого добра для себя не ждали, и не без основания.

Что же оставалось правящим слоям, как не искать опоры в помещиках и зажиточной буржуазии?

---

*) Не говорим уже здесь о других приемах, при помощи которых господство помещиков над крестьянами на выборах вполне обеспечено.

Помещики и по старому избирательному закону имели почти целую треть выборщиков (31,48%), но бедным помещикам оказалось и этого мало. Пришлось чисто механическим путем обеспечить им половину всех выборщиков (49,39%). Пришлось, далее, увеличить на 5% число выборщиков от городской буржуазии да еще, сверх того, выделить в особую курию крупнейших домовладельцев, первогильдейских купцов, высших чиновников и проч., которым предоставлена львиная часть всего представительства городской буржуазии (15,01% из 26,24%). Только тогда режим 3-го июня мог уповать на то, что Дума будет сколько-нибудь «приемлема» для него.

Очень ценный и наглядный материал дают приведенные цифры и по вопросу о том, каково соотношение сил внутри третье-июньской коалиции, для которой 3-я Дума сыграла такую большую роль. Внутри этой коалиции в общем и целом обеспечено несомненное преобладание за помещичьим землевладением. Большинство в 64,40% — вот тот фундамент, на котором построен избирательный закон 3-го июня. И из этих 64,40% большинство в 49,39% принадлежит частному землевладению *), а 15,01% — крупным богачам из 1-й курии. Конечно, в действительности дело обстоит не так просто, и слагаемые на деле оказываются гораздо сложнее, чем 49,39 + 15,01. Часть (и пока, к сожалению, очень значительная) 2-й городской курии, т.-е. средней буржуазии, идет за кадетами. Эта партия, в особенности в годы контр-революции, оказалась весьма близка к открыто-реакционным слоям. Хотя и оставаясь «в оппозиции» ([7] не забудьте чьей([8])!), кадеты по сути вещей тоже входят составной частью в «третье-июньское» большинство. В силу этого, а также из-за ряда особенностей избирательного закона, дающих городской буржуазии некоторую возможность усилить свое представительство, соотношение сил между помещиками и городской буржуазией оказывается более благоприятно для последней, нежели пропорция 49 : 15. Создаются те два большинства, о которых мы говорили выше. Во всяком случае, руководящая роль внутри блока 3-го июня очень часто принад-

---

*) Недурная иллюстрация к утверждению Н. Р-кова (см. «Нашу Зарю»), будто представители нашего крупного землевладения «являются маленькой кучкой», группирующейся вокруг Пуришкевича и Маркова и «бессильно» брызжущей слюной.

лежит именно землевладению. При всех тех попытках приспособления, которые, совершенно неудачно, делает старая власть, осуществляющая «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию», крепостники-помещики имеют возможность отстаивать «свою власть» и «свои доходы» попрежнему.

Чтобы создать «парламент» по образу и подобию своему, третье-июньскому блоку пришлось еще, конечно, особо позаботиться о сугубом сокращении избирательных прав окраин. Даже по сравнению со старым — тоже достаточно анти демократичным — избирательным законом, из числа азиатского населения империи 8.353.522 российских гражданина лишены всяких избирательных прав. Число депутатов от «*крамольного*» Кавказа ([9]) низведено с 29 до 10. Число депутатов от «*угодившей*» ([10]), но не во всем, Польши понижено с 37 до 14. Если к этому прибавить, что на последних стадиях выборов помещики и крупная буржуазия имеют еще полную возможность из числа неизбежных по закону рабочих и крестьян провести наихудших, наиболее близких к реакции рабочих и крестьянских выборщиков, то станет понятным, какие огромные усилия требуются со стороны рабочей демократии, чтобы обеспечить себе сколько-нибудь достойное ее представительство в 4-й Думе.

III.

Во всех предшествовавших избирательных кампаниях марксистов — да и не их одних — весьма интересовал один чрезвычайно важный практический вопрос. Это — вопрос о так называемой черносотенной опасности. В предстоящей избирательной кампании этот вопрос тоже займет свое место.

Прежде всего — что понимали и что будут понимать под «черносотенной опасностью»? Понимали ли под черносотенной опасностью просто наличность определенных классов, слоев, общественных организаций, склоняющихся к черносотенству? Нет, не это понималось под «черносотенной опасностью», или, по крайней мере, не столько это понималось во время споров в эпоху выборов во 2-ю и 3-ю Государственные Думы. Вопрос о «черносотенной опасности» ставился гораздо уже, ставился, главным образом, с точки зрения непосредственных результатов выборов при данном избирательном законе, в связи с спорами об избирательных соглашениях рабочей партии с партией к-д.

Была ли в России в 1906 и 1907 годах при выборах в 1-ю и 2-ю Думы черносотенная опасность в более широком смысле слова, в смысле наличности в стране реальных общественных сил и организаций, стоящих под знаменем черносотенства? Несомненно да, была. Уже тогда «совет объединенного дворянства» подымал голову, уже тогда октябристы усиливали свою партию, уже тогда фабриканты и заводчики укрепили свои якобы «нейтральные» и якобы «чисто-экономические», а на самом деле и политические, контр-революционные организации, уже тогда союзники старались обрасти сочувственной средой, которая состояла бы не только из шпионов и пропойц, уже тогда в армии велась черносотенная агитация и т. п. Устранить эту реальную черносотенную опасность при посредстве каких бы то ни было блоков и хитроумных «парламентских» комбинаций было, конечно, невозможно. Тут нужны были совсем другие средства.

Была ли тогда черносотенная опасность, понимаемая в более узком смысле слова — непосредственная опасность прохождения на выборах в 1-ю и 2-ю Думы большинства или большого числа черносотенцев? Была ли та «избирательная» черносотенная опасность, относительно наличности которой сломано было так много копей среди марксистов обоих крыльев?

Нет, такой «черносотенной опасности» не было. Факты, неопровержимая статистика, доказали, что не было.

Марксисты спорили между собой, — главным образом, если не исключительно, — по поводу черносотенной опасности в городской курии. Относительно исхода выборов в рабочей курии сомнений не было. На выборы в крестьянской курии взгляды были более или менее оптимистические, но, особенно после выборов в 1-ю Думу, никто не сомневался в том, что здесь черносотенной опасности нет. Среди землевладельцев рабочая партия, конечно, на сколько-нибудь серьезный успех не рассчитывала и никакими блоками изменить здесь исхода выборов не могла. Оставалась только курия городских избирателей. Вот несколько цифр, бесспорно показывающих, что именно в этой курии черносотенной опасности не было.

При выборах в 1-ю Думу двадцать городов, имевших самостоятельно выбираемых депутатов, дали 1.761 выборщика. Из них 1.468 были к.-д., прогрессисты и левые. Процент прогрессивных выборщиков равен был 85, и лишь 15% досталось беспартийным, октябристам и черным. Далее, из 571 выборщика

по городским съездам при выборах в 1-ю Думу 424 принадлежали к одной к.-д. партии, тоже почти 80%. Минимальная цифра оппозиционной группы всех городских выборщиков исчислялась в 65%.

При выборах во 2-ю Думу, несмотря на сенатские разъяснения и проч., городская курия дала в общем 84,3% прогрессивных выборщиков, из них около 30% (29 с лишним) одних крайних левых *). В выборах во 2-ю Думу по городской курии, о которой, в смысле ее «черносотенной опасности», так много было споров среди марксистов, оказалось всего-на-всего каких-нибудь 15½% правых и октябристов. Пресловутая черносотенная опасность оказалась мифом. Все построения, вытекшие из предпосылки о наличности этой опасности, оказались совершенно неверными и жизнью опровергнутыми.

Обратимся теперь к выборам в 3-ю Думу и к предстоящим выборам в 4-ю Думу. Как обстояло дело с «черносотенной опасностью» при выборах в 3-ю Думу, и каково оно при предстоящих выборах? Была ли и есть ли «черносотенная опасность» в широком и прямом смысле слова, т.-е. в смысле наличности реальных черносотенных сил в стране? Еще бы! Конечно, была и есть. И «объединенное дворянство», и октябриствующая буржуазия укрепились и упрочили свои организации. Противник перед демократией теперь более серьезный, чем когда бы то ни было. Но, опять-таки, не об этом шел и не об этом пойдет спор.

Была ли и есть ли черносотенная опасность в более узком смысле, т.-е. в смысле конечного исхода выборов, в смысле окончательного состава 3-й (resp. (11) 4-й) Государственной Думы, избранной на основе закона 3-го июня? Опять-таки, да. Есть — в отличие от состава 1-й и 2-й Государственных Дум. Какой бы тактики ни придерживались левые партии на выборах в 3-ю (resp. 4-ю) Думу, раз выборы происходят на основе такого избирательного закона, некоторые образчики которого мы дали выше, — помещичье-крупнобуржуазный состав ее неминуем. Но — еще раз — не об этом шел и пойдет спор.

Спор среди марксистов был — и, быть может, будет — о том, есть ли черносотенная опасность при выборах среди городских избирателей, точнее — при выборах во второй городской

*) См. А. Смирнов, «Как прошли выборы во 2-ю Думу», стр. 398.

курии. Насчет рабочей курии сомнений нет. В крестьянской курии марксисты путем блоков могли бы очень мало помочь, к тому же оформленных партий там почти нет. Среди помещиков и 1-й городской курии марксисты, конечно, большим влиянием едва ли пользуются. Там борьба будет итти только между правыми, октябристами и кадетами. Остается 2-я городская курия. И вот вопрос заключается в том: есть ли здесь черносотенная опасность? На этот вопрос мы, не колеблясь, отвечаем: нет.

Создание при новом избирательном законе специальной 1-й городской курии имело, конечно, то отрицательное значение, что отдало кучке первоклассных богачей вполне обеспеченную $^1/_6$ часть выборщиков. Но оно косвенно имело то положительное значение, что сильно уменьшило черносотенную опасность среди городских избирателей. В 1-ю курию отошла огромная часть тех элементов, которые раньше голосовали за октябристов, правых и т. д. Благодаря этому атмосфера очистилась, оставшиеся во 2-й курии городские избиратели представляют из себя теперь относительно более демократическую среду.

Закон 3-го июня сократил состав лиц, пользующихся избирательным правом и в городах, но все же не настолько, чтобы тут радикально изменилось дело. Закон 3-го июня выезжает не на том, чтобы непременно урезать число голосующих в городах, — пусть себе голосуют на здоровье. Закон выезжает на том, что число городских (по 2-й курии) выборщиков, непосредственно выбирающих депутатов, — ничтожно. В губернских собраниях чисто механически обеспечена победа помещиков и купцов. Поэтому-то «черносотенной опасности» в смысле выбора правых по 2-й курии нет. В пяти наиболее крупных городах и важнейших центрах с.-д. влияния — Петербург, Москва, Рига, Киев, Одесса — введена система прямых выборов с перебаллотировками, так что здесь дело сильно упрощается. Вообще же выборы в 3-ю Думу показали самым убедительным образом, что во 2-й городской курии, взятой в целом, черносотенной опасности нет.

В «Звезде» (№ 41) мы приводили уже подробные данные о выборах по всей России при выборах в 3-ю Думу. 2-я городская курия дала 80% оппозиционных выборщиков и даже 1-я городская курия — курия купцов и домовладельцев — дала 54% оппозиционных выборщиков. Добиться того, чтобы по 2-й городской курии не прошел ни один правый (или октябрист), конечно,

было бы крайне желательно, но это вряд ли возможно. Даже при выборах во 2-ю Думу, т.-е. при старом избирательном законе, городская курия дала свыше 14% правых выборщиков. Теперь правительство вооружено еще, например, статьей 35-й положения о выборах, позволяющей произвольно кромсать городских избирателей (по национальности и т. п.) в интересах черных. Если не считать черносотенцами кадетов, а черносотенной опасностью — кадетскую опасность, то черносотенной опасности при выборах во 2-й городской курии нет.

Усвоение этой истины имеет большое практическое значение. Весьма печальными были результаты того самогипноза «черносотенной опасности», свидетелями которого мы были при выборах во 2-ю Думу. Раньше многие верили в черносотенную опасность, из нее исходили, о ней кричали перед избирателями, а потом сами с горечью должны были признать, что они только сыграли этим на руку кадетам. Вот, например, одно из таких ценных признаний. Вл. Горн, подводя итоги выборам во 2-ю Думу, в журнале Череванина ([12]), громче всех кричавшего о черносотенной опасности, пишет:

— «Большую долю влияния имела также и боязнь черносотенной опасности, заставлявшая многих, сочувствующих крайним, голосовать за кадетов, лишь бы провалить Гучкова и *Грингмута*» *)... ([13]) Недурное признание. Сами сначала в течение месяцев запугивали избирателей «черносотенной опасностью», а потом разводят руками: многие, сочувствующие левым, голосовали за кадетов. Как раз по вашей же вине, господа!

Возьмем результаты выборов во 2-ю Думу по Петербургу. Здесь всего 1.573 голоса не хватало левым, чтобы одержать победу над кадетами. Кто же из сколько-нибудь следивших за ходом выборов в Петербурге сомневался в том, что гораздо большее число голосов, чем 1.573, отдано было кадетам, благодаря необдуманным и неосновательным крикам о черносотенной опасности! Глубоко прав В. Горн, который, хотя и задним числом, признал: боязнь (неосновательная) черносотенной опасности (несуществовавшей) заставила многих левых отдавать голоса кадетам.

Кадеты превосходно воспользовались ошибкой части марксистов. Там, где победа зависела от левого избирателя, кадеты

*) «Дело Жизни», Москва, 1907 г., № 3, стр. 2.

спекулировали на мнимой черносотенной опасности. Там, где они могли обойтись без всякой помощи с.-д., они наотрез отказались даже от разговоров с левыми. Тот же крикливый орган Черевашина после выборов сообщал (со слов газеты «Товарищ»), напр., следующий факт относительно выборов в Тверской губ.

— «Блок кадетов с левыми не состоялся. Кадеты мотивировали свой отказ тем, что включение в блок левых оттолкнуло бы благонамеренного избирателя *). Кадеты, как видите, знали, где раки зимуют»...

Лучше поздно, чем никогда. Надо надеяться, при выборах в 4-ю Думу все марксисты сделают соответствующий вывод из ошибок прошлого и не позволят кадетам улучшать своих дел за счет рабочей партии **).

И без того слишком неблагоприятно положение рабочих при выборах по закону 3-го июня.

IV.

В спорах по вопросу об избирательных соглашениях среди с.-д. сломано не мало копей. Вопрос этот служил одним из серьезнейших предметов расхождений между марксистами и ревизионистами также в Западной Европе. Точка зрения ортодоксальных марксистов с классической ясностью сформулирована была А. Бебелем на прошлогоднем съезде германской с.-д. партии в Магдебурге (14).

«Если я, — говорил Бебель, — как с.-д., вхожу в блок с буржуазными партиями, то в 999 случаях из 1.000 в выигрыше будут не с.-д., а буржуазные партии, мы же останемся в проигрыше.

«Это — политический закон, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, а правые выигрывают...

*) Там же, стр. 7.

**) Тем более, что ст. 106 полож. о выборах предусматривает в городах перебаллотировки там, где кандидат не собрал абсолютного большинства. Значит, отказываясь от всяких соглашений с кадетами в первой стадии, мы не рискуем, даже в случае отдельных казусов, косвенно облегчить прохождение правого.

*

«Если я вхожу в политический союз с **принципиально** враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т.-е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников: я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать» *)...

Русские марксисты левого крыла подписываются под каждой буквой этого исторического заявления Августа Бебеля.

Первоначальные взгляды по вопросу об избирательных соглашениях и среди русских марксистов-**меньшевиков** заключались в том, что «на всех выборах» следует выступать «как самостоятельная классовая партия», отвергать **всякое** соглашение с непролетарскими партиями и группами о выставлении «общих кандидатов». Стокгольмское решение (1906 г.) ([15]) марксистов того же крыла тоже рекомендовало «выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями». Это были очень правильные заявления, и можно только пожалеть о том, что авторы их впоследствии проделали такую большую эволюцию в сторону от прежних своих взглядов.

Споры о соглашениях особенно разгорелись среди русских марксистов накануне выборов во 2-ю Думу. Традиция ортодоксального марксизма была тогда еще настолько сильна, что даже Л. Мартов и Ю. Ларин по инерции сначала продолжали выступать против блоков с кадетами. Вслед за марксистами левого крыла Л. Мартов писал:

«Я бы рекомендовал отстаивать полную самостоятельность нашего участия на 1-й стадии выборов, т.-е. там, где мы выступаем перед массами... Я бы рекомендовал допущение соглашения с **левыми** (левыми!—*Г. З.*) партиями там, где речь идет о достижении внутри коллегии выборщиков (или уполномоченных) необходимого абсолютного большинства, которого не добилась наша партия; цель таких соглашений должна быть очень ясная — распределить между партиями думские места пропорционально их относительным силам, следовательно, не сговаривание о выставлении определенных **общих** (курсив М-ва) кандидатов, а прямой договор об обязательстве одной партии поддержать голосами

*) См. протоколы Магдебургского съезда, стр. 252.

своих выборщиков (или уполномоченных) кандидатов другой,— и обратно» *).

Никаких соглашений — в 1-й стадии, технические соглашения с левыми и лишь в крайнем случае с кадетами — во 2-й стадии, когда борьба перед массами кончена, — такова была совершенно правильная позиция Мартова, занятая им вслед за марксистами левого крыла. Чтобы не оставлять сомнений на счет того, что он в данном случае солидаризируется с ортодоксальными марксистами (большевиками), Мартов прибавлял:

«... При этом центру придется взвешивать не только общие условия выборов, но и конкретную физиономию данных кандидатов: соглашение, удобное с иным левым к.-д. (читатель помнит, что речь идет исключительно о 2-й стадии выборов.—*Г. З.*), было бы неприлично по отношению к Муромцеву или иному окраинному к.-д.».

Золотые слова, г. Мартов. Но почему вы так скоро позабыли их?..

Не менее резко восстал против блоков Ю. Ларин ([16]), который теперь является одним из самых видных основателей «столыпинской» рабочей (?) партии и которого теперь самого так трудно отличить от кадета. Ю. Ларин называл соглашение с кадетами «таким самоубийством», на «которое не найдется много охотников».

Ю. Ларин писал тогда:

«... Мы должны решительно высказаться против всяких проектов о голосовании за общие списки кандидатов в выборщики, выставленные с.-д. и кадетами, мысль о чем бродит, повидимому, в некоторых головах, к сожалению, считающихся меньшевистскими. Такого рода избирательный блок — блок при избрании выборщиков первой степени, т.-е. при голосовании массы, блок, подразумевающий выставление общих списков — не только не сплачивал бы все тяготеющие к социализму элементы, но, наоборот, вредил бы главнейшей задаче с.-д.: обособлению классового движения пролетариата. Таковой блок означал бы забвение всех наших задач как марксистов и превращение в простую составную часть прогрессивной демо-

*) См. письмо Мартова по вопросу о подготовке избирательной кампании и статью в газете «Товарищ» (1907).

кратии вообще... Такое соглашение вовсе даже и практически не нужно» *).

Помните ли вы эти ваши слова, почтеннейший ликвидатор? Впрочем, кто не увлекался в молодости, кто не грешен тем, что платил дань розовой мечтательности юности? Теперь вы умудрены опытом, почтенный г. Ларин, и вы, конечно, не станете повторять таких «сектантских», «узких» и «утопических» положений...

Среди марксистов обоих направлений завязалась упорная борьба. Марксисты левого крыла энергично и до конца защищали свою позицию: против блоков с кадетами в 1-й стадии **) при борьбе перед массами; увлекать за собой левые народнические элементы для нанесения ударов кадетам там, где это возможно («левый блок»); допускать технические соглашения во 2-й стадии, где борьба перед массами уже кончена и где все уже предопределено составом выборщиков — с левыми против кадетов и, в случае крайней необходимости, с кадетами против черносотенцев ***).

Схватка была горячая. И, я думаю, мы вправе сказать, что сторонники блоков с кадетами особенно обильных лавров в этой борьбе не пожали—достаточно вспомнить о том, как отнеслись к нашим спорам широкие слои петербургских рабочих ****). Появились, конечно, «примирители» и «сторонники» средней линии. Троцкий и еврейские марксисты (18) предлагали не выбирать одного принципа, а решать вопрос «от случая к случаю»:

---

*) См. «Широкая рабочая партия и рабочий съезд», стр. 35-36.

**) Перебаллотировок старая избирательная система не знала.

***) Принципиальная разница между избирательной борьбой в 1-й стадии и выборами в последних стадиях избирательной процедуры—ясна. Там—борьба перед массами, в больших городах, даже по закону 3-го июня—перед десятками тысяч избирателей; здесь — чисто технические соглашения в составе нескольких десятков выборщиков, когда борьба уже кончена, когда силы так или иначе уже определены.

При избирательном законе 3-го июня левым тем более необходимо итти на соглашение при последних стадиях выборов, что иначе оппозиция и трудовиков и рабочих рисковала бы не получить почти никакого представительства в Думе.

****) Г. Ф. Дан (17) в своей статье «К постановке избирательной кампании» в № 7-8 «Нашей Зари» утверждает, что в Петербурге тогда осуществился фактически блок народников и марксистов, стоявших за блоки. В действительности дело обстояло наоборот. До последней минуты народники так же плелись за кадетами, как и Дан и его единомышленники. Только протест рабочих заставил народников в последнюю минуту поколебаться и отойти от кадетов (20).

и левый блок хорош, и блок с кадетами недурен... Сколько-нибудь серьезной роли эта «средняя» линия, разумеется, не сыграла. Боролись только две платформы.

Л. Мартов, как это с ним обычно бывает, повернул *) и не только стал защищать блоки с кадетами, но и дал вместе с Череваниным «философию» этих блоков. Череванин, предвосхищая основную мысль известного ликвидаторского «пятитомника» ([19]) («Общественное движение», выходящее под редакцией Маслова, Мартова и Потресова), приводил тогда в защиту блоков тот аргумент, будто

«Кадеты в своих политических стремлениях стоят пока не позади большинства крестьянства, а впереди его» (см. журнал «Наше Дело», № 3).

Л. Мартов, углубляя вопрос, писал:

«Вопрос об общих списках свелся к вопросу о том, свершилось ли уже историческое банкротство буржуазной демократии (Мартову следовало выразиться: буржуазного либерализма, ибо речь у него идет о кадетах.—*Г. З.*) или нет» **).

На поставленный вопрос (о том, свершилось ли банкротство кадетов) Л. Мартов отвечал тогда отрицательно и отсюда выводил необходимость блоков. Решатся ли и теперь Л. Мартов и его единомышленники отвечать таким же отрицательным образом на этот вопрос? В этом позволительно усомниться. Уже при выборах в 3-ю Думу сторонники Мартова выражались на этот счет гораздо осторожнее. Поэтому-то в рядах марксистов при выборах в 3-ю Думу таких острых разногласий не возникало.

Избирательный закон 3-го июня во многом «упростил» дело, так что и так называемые «практические соображения» в пользу блоков с кадетами проводить стало трудно. Кроме того, кадеты своим предательским поведением позаботились о том, чтобы даже самые доверчивые люди хорошенько подумали раньше, чем сказать, что историческое банкротство кадетов еще не совершилось. Ведь не даром же даже Мартов по поводу частичных выборов в Петербурге в 1909 году писал, что «первой причиной успеха к.-д.»

*) Теперь Мартов в органе ликвидаторов «Живое Дело» опять начал с отказа от блока с кадетами на 1-й стадии. Чем-то он кончит к моменту начала выборов!

**) См. брошюру: «Избирательные соглашения», стр. 9.

является избирательная система Крыжановского ([21]) (см. «Новый День», № 9), иными словами, — что кадеты входят, как один из контрагентов, «в конституцию 3-го июня».

В какую сторону изменилось в этом отношении дело со времени 3-го июня 1907 года? Самые выборы в 3-ю Думу по новому закону окончательно доказали на опыте, что «практических» соображений за блок с кадетами нет абсолютно. Кадеты всей своей политикой за годы контр-революции убедили, кажется, уже всех в том, что говорить об их банкротстве в будущем времени не приходится. Загляните в послужной список кадетской партии за последнее четырехлетие: голосования за ассигновки на тюрьмы и военные суды, вотирование бюджета в целом, поддержка всех милитаристических затей, голосование за займы, производимые на явно антинародные цели, поездка в Лондон ([22]), поддержка националистического («нео-славистского») угара, позиция самого пошлого национал-либерализма в вопросах иностранной политики, «Вехи» ([23]), совещания кадетских светил с «представителями (обладателями) миллионов» в Москве, штрейкбрехерство ([24]) во время движения — чисто академического — учащейся молодежи в 1908 году, подлое предательство элементарных интересов демократии во время движения, связанного со смертью Л. Н. Толстого, циничные выступления против элементарных требований рабочих в вопросах рабочего законодательства, поведение в связи с событием 1-го сентября ([25]), ползание на брюхе и предложение блока октябристам и т. д. и т. п... Все это вопиет о том, что кадеты окончательно порвали с демократией. Если это не есть «историческое банкротство» кадетов, как партии, желавшей, чтобы ее считали демократической, то что же тогда называется банкротством? — **Борьба на два фронта**, т.-е. и против реакции и против контр-революционного кадетского либерализма, — вот тот лозунг, который может и должен быть теперь признан **всеми** действительными марксистами.

Говоря о марксистах, мы, конечно, не имеем в виду **бывших** марксистов, т.-е. ликвидаторов. Достойно замечания то обстоятельство, что даже в лагере этих последних насчет блоков с кадетами «по нонешним временам» говорят с довольно кислой миной. Почитайте, например, Ф. Дана, намечающего в «Нашей Заре» линию поведения партии ликвидаторов на предстоящих выборах в 4-ю Думу.

«Наш избирательный закон, — пишет Ф. Дан, — так сложен, создает такие разнообразные ситуации для отдельных отрядов с.-д. армии, что, вообще говоря, трудно наметить тактические правила с тою степенью простоты, конкретности и повсеместной применимости, как это возможно, например, при выборах по всеобщему и пр. избирательному праву» *).

Откуда такая нерешительность, такие, можно сказать, меланхолические ноты? И у кого же? У Ф. Дана, этого самого «реального» политика из ликвидаторов, у Ф. Дана, который еще в 1907 году, когда он еще не был ликвидатором, не остановился перед тем, чтобы, ради блока с Милюковым, внести прямой раскол в ряды рабочих и итти на тайные переговоры с кадетами. Чем же объясняется это меланхолическое настроение Дана? Да просто тем, что кадеты настолько прогрессировали вправо, что теперь они более чем прохладно относятся к блоку с левыми. Если кадеты о каком-либо блоке думают, так это — о блоке с октябристами. Нечего сваливать на «разнообразные ситуации», г. Дан. Конечно, при выборах на основе всеобщего избирательного права дело решается куда проще, но общую-то линию можно и нужно наметить и при нашем «сложном» избирательном законе. Вот насчет общей линии поведения (исключения не в счет) по отношению к кадетам и потрудитесь дать ответ. Правда, на всякий случай, Ф. Дан оставляет себе лазейку и говорит о том, что возможны и «раздел участков» и «наконец общие списки выборщиков» и т. д. **)

Все это говорится безо всякой веры в политическую осуществимость столь много возлюбленного, превознесенного и возлелеянного «великого блока» с кадетами. Очевидно, у ликвидаторов нет уверенности в том, чтобы кадеты теперь вошли в блок не только с марксистами, но даже с бывшими марксистами.

Марксисты левого крыла остаются в вопросе о «великом блоке» с кадетами полностью на старой своей позиции. Весь ход общественной жизни в России целиком подтвердил эту позицию. И поэтому, когда, намечая основы избирательной тактики для предстоящей кампании, нам говорят, что

«очередной задачей для переживаемого Россией момента является, несомненно, преодоление господствующей

*) «Наша Заря» № 7-8, стр. 63.

**) Там же, стр. 65, ст. Дана.

дворянско-бюрократической реакции» *),—мы отвечаем:

— В приведенных словах содержится лишь половина правды; мы обязаны бороться на предстоящих выборах также и против буржуазной реакции, против кадетского либерализма, сплошь «веховского». Мы обязаны бороться на два фронта, иначе мы остаемся во власти вульгарно-демократических идей, иначе пролетариат не может вновь стать руководителем во всей освободительной борьбе.

Меринг в одном месте справедливо сказал:

«... Буржуазный либерализм вряд ли когда-либо упускал случай обнаруживать по отношению к рабочему движению по меньшей мере такую же злобную вражду, как и феодальная реакция» **). Раз это так, — а это несомненно так, — рабочее движение должно в свою очередь бороться и с феодальной реакцией и с буржуазным либерализмом. В особенности у нас в России. Ведь не даром П. Струве еще в 1898 году писал: «чем дальше на восток, тем подлее и трусливее буржуазия». Вещее сердце Струве, повидимому, уже тогда предчувствовало и собственные превращения в героя «Вех»... На два фронта—это обязательный лозунг русских марксистов в предстоящей избирательной кампании.

В течение 4-летнего существования 3-й Думы мы видели частичные выборы в нескольких городах. Выборы в Петербурге (вместо Колюбакина) в 1909 году и в Москве (вместо Головина) в 1910 году дают поучительный материал, из которого следует сделать некоторые выводы и для предстоящих генеральных выборов.

Некоторые из писателей, причисляющих себя к марксистам, ухитрились и из этих частичных выборов вывести ту мораль, будто марксисты грешили на этих выборах чрезмерным «кадетоедством», т.-е. что они слишком много уделяли внимания полемике и борьбе с кадетами. По меньшей мере — странный упрек. И в Петербурге и в Москве (по 2-й курии) единственным конкурентом нам является именно кадетская партия. Используя свою легальность в борьбе с с.-д., опираясь на политическую отста-

*) Там же, стр. 64, ст. Дана.

**) «История германской социал-демократии», т. 3-й, стр. 233 нем. издания.

лость известных слоев населения и, наконец, прямо обманывая некоторые круги городской демократии, кадеты до сих пор захватывали представительство столиц в свои руки. Даже значительные слои приказчиков и служащих, во вред своим собственным интересам, до сих пор поддерживали кадетскую партию. Какая же задача могла быть более настоятельной для марксистов на этих выборах, как не задача освобождения из-под влияния к.-д. партии всех сколько-нибудь демократических слоев населения. Посмотрите, с кем боролись сами кадеты на этих выборах. Единственно и исключительно — с «врагами» слева, единственно и исключительно — с «красной опасностью».

К каким только гнусностям ни прибегали на этих выборах герои «народной (?) свободы (?)» в борьбе с ненавистными с.-д. В Петербурге большие и малые милюковы специально разработали целую систему запугивания обывателя тем, что якобы октябристы на зло кадетам будут поддерживать с.-д. кандидата: правительство и октябристы считают-де самым серьезным врагом кадетов и поэтому дают «свободу» левым, дабы они ослабили своими выступлениями кадетов. Как ни нелепа эта версия — всем политически грамотным людям известно, что именно кадетам дается свобода главным образом для того, чтобы они ослабили левых — а все же нашлись наивные люди, которые поверили этой провокаторской басне.

А в Москве? Здесь кадеты не остановились перед тем, чтобы накануне выборов пустить слух о том, что марксисты сняли своего кандидата «в виду безнадежности» его избрания и будто марксисты предлагают избирателям голосовать за кадета. Кажется, это — предел бесстыдства. Мало того, что правительство помогло кадетам, устранив с поля борьбы самого опасного для к.-д. конкурента—кандидата марксистов ([26]). Мало того, что передовой демократии не дали рта открыть во время этой «избирательной кампании» в Москве. Кадетам всего этого мало. Чтобы обеспечить возможно более «блестящую» победу над демократией своему кандидату, г-ну Тесленко, кадеты опускаются до такого низкого приема, как приведенный выше.

И перед лицом этих фактов люди, причисляющие себя к марксистам, предостерегают против излишнего «кадетоедства»!.. Нет, и тысячу раз нет. Если есть о чем пожалеть рабочей демократии, так только о том, что ей не удалось еще до сих пор развернуть достаточно резкой, систематической и планомерной

агитации против кадетов. Сделать это во время предстоящей избирательной кампании в 4-ю Думу — одна из самых важных задач рабочей демократии.

Волей закона 3-го июня кадеты одержали победу над демократией и в Петербурге и в Москве, хотя число голосов левых поднялось. Избирательный закон 3-го июня вообще чрезвычайно благоприятен для кадетов при выборах в городах. Можно подумать, что закон специально прикроен так, чтобы доставить в этой курии дешевые лавры кадетам. Кадеты, конечно, от своего «счастья» не отказываются, точно так же, как они не брезгают воспользоваться в своих интересах «прижимом», затыканием рта левым и отправкой левых кандидатов в места не столь отдаленные (см. выше — Московский пример). Что же сказать в виду этого о новоизобретенном Л. Мартовым гениальном плане: сойтись с кадетами на общей платформе отстаивания одинаковой свободы выборов для всех партий. (См. в газете «L'avenir» ([27]) ст. Мартова «Вместе бить»). Так вот вам и станут кадеты отстаивать свободу выборов для других партий, например, для социалдемократии! Да ведь кадеты тем только и живы, что имеют монополию легальной «оппозиции». Кто из честных политических деятелей решится утверждать, что вышеприведенный доблестный подвиг кадетов в Москве есть только единичный исключительный факт?

В связи с частичными выборами в Петербурге и Москве много было разговоров и о так называемом «левом блоке». Левый блок, как конкретная система определенных избирательных соглашений, на предстоящих выборах будет, вероятно, играть очень скромную роль *).

Но как политическая линия — левый блок остается совершенно правильным принципом. Левый блок — это значит

---

*) На выборах в Петербурге в 1909 г. кандидат рабочих был поддержан буржуазной демократией без всяких условий и соглашений. К этому, конечно, следует стремиться всегда. Но на выборах 1909 г. у сторонников рабочей кандидатуры в агитации были несомненные ошибки: некоторые марксисты правого крыла вложили в «левый блок» то, чего в нем не должно быть, — они стали забывать подчеркивать особые классовые интересы рабочих, они ослабили чисто социалистическую агитацию. В этом, однако, повинна отнюдь не идея «левого блока», а исключительно усердие не по разуму некоторых плохих марксистов. Марксисты левого крыла первые протестовали против таких уклонений.

систематическая борьба рабочего класса, как руководителя, за присоединение к себе всей подлинной демократии (прежде всего, неимущего крестьянства) для самых решительных совместных усилий, направленных к достижению ближайшей цели: создания нового политического строя, который может быть завоеван лишь в борьбе и против старого режима и против предательского либерализма ([28]). Ни о каком смешении рядов здесь, конечно, не может быть и речи. В этом смысле «левый блок» остается самым жизненным принципом, подтвержденным всем ходом общественной жизни и в бурные годы и в эпоху контрреволюции.

Выборы надвигаются. Марксисты должны быть готовы. Они не могут и не должны забыть, что, кроме всего прочего, им придется считаться и с новой партией так называемых ликвидаторов. Орган ликвидаторов «Наша Заря» устами г. Маевского давно уже заявил, что на выборах в 4-ю Думу эта партия выступит со своими кандидатами. Затем и Ф. Дан в связи с перевыборами проповедует «возникновение новой (?) организационной сети» *).

С этой якобы рабочей партией борьба, конечно, неминуема. Тем более сплоченно должны действовать марксисты обоих старых направлений. Передовому авангарду рабочих предстоит большое испытание. Надо показать, что класс-гегемон в освободительной войне попрежнему готов к этой роли.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Вопросы избирательной кампании» — статья из № 3-4 «Просвещения» (февраль-март 1912 г.) по поводу выборов в 4-ю Государственную Думу.

[2]) Марксисты — подцензурное обозначение с.-д. партии.

[3]) Булыгинскую и 1-ю Государственную Думы с.-д. бойкотировали, так как революция развивалась и снесла булыгинскую Думу. 1-ю Думу с.-д. оценивали как тормаз в движении, что соответствовало тогдашнему положению, и тоже ее бойкотировали.

[4]) Закон против социалистов 19 октября 1878 года.

[5]) Н. Р-ков — Н. А. Рожков. Рожков в течение нескольких лет играл видную роль среди большевиков; был выбран на Лондонском съезде в Ц. К. партии, писал в центральных органах большевиков и т. д. Попав в ссылку, он в годы контр-революции стал колебаться и при-

---

*) См. «Наша Заря», № 7—8, стр. 55.

мкнул к ликвидаторским взглядам. После революции 1917 г. участвовал в партии меньшевиков, являлся членом Ц. К. меньшевиков, товарищем министра почт и телеграфов при Церетели и т. п. В последние годы Н. А. Рожков начинает отходить от меньшевизма.

[6]) Под этим старым псевдонимом писал в те времена из цензурных соображений тов. Ленин.

[7]) Лидеры к.-д. говорили, что они — «оппозиция его величества», на что здесь и сделан намек.

[8]) В предыдущие Думы Кавказ неизменно давал с.-д. с преобладанием меньшевиков.

[9]) Из цензурных соображений сделан в такой форме намек на известное заявление кадетов о том, что они являются оппозицией его величества.

[10]) Польша дала реакционеров-народовцев, которые неизменно плелись в хвосте у русских либералов, а по некоторым вопросам даже — у черносотенцев.

Часть особенно лакейски-настроенных польских депутатов в черносотенной Думе называлась угодовцами.

[11]) Resp.— предположительно (или).

[12]) Череванин — идеолог ликвидаторства.

[13]) Грингмут — крайний правый продажный журналист, редактор «Московских Ведомостей».

[14]) Съезд германских с.-д. в Магдебурге в 1911 году.

[15]) «Стокгольмское решение» — подцензурное название постановлений с.-д. съезда в Стокгольме в 1906 году. На этом съезде большинство собрали меньшевики, но в это время они были гораздо радикальнее, чем в последующие годы.

[16]) Юрий Ларин носился с проектом созыва широкого рабочего съезда, в котором утонула бы и растворилась партия. Таким образом, он был представителем ликвидаторов. Под влиянием войны и революции он отошел налево и с 1917 г. является членом РКП.

[17]) Дан — один из главных вождей ликвидаторов, оппортунист и соглашатель до мозга костей.

[18]) Еврейские марксисты — бундовцы, весьма близкие по своей идеологии к меньшевикам.

[19]) В «пятитомнике» — «Общественное движение в России» — сгруппировались все ликвидаторские и меньшевистские силы и дали идеологию поражения и духовного маразма.

[20]) Кадетские и буржуазно-демократические газеты тогдашнего времени («Речь» и «Товарищ») писали, что Ленин «длинной хворостиной» загнал меньшевистскую социал-демократию на ту позицию, которая была ей не по душе.

[21]) Крыжановский — фактический творец закона 3 июня 1907 года, один из ближайших и наиболее беззастенчивых сотрудников Столыпина по министерству внутренних дел.

[22]) Кадеты приняли участие в поездке в Лондон царских ставленников, при чем своим присутствием они должны были доказать, что Россия уже превратилась в конституционную монархию. Тогда же к.-д. лидеры заявили, что они — «оппозиция его величества».

[23]) «Вехи» — контр-революционный сборник, изданный в 1909 году, в котором светила к.-д. оплевывали революцию 1905 года.

[24]) В 1908 году, во время студенческого движения, верхи к.-д. предложили студентам к.-д. срывать во что бы то ни стало забастовку.

[25]) Дело 1 сентября 1911 года — убийство Столыпина Д. Богровым во время торжеств в Киеве.

[26]) Этим кандидатом был И. И. Скворцов (Степанов).

[27]) Эта газета («Будущее») издавалась не кем иным, как В. Бурцевым. Мартов уже в те времена считал возможным сотрудничать с такими господами, как Бурцев.

[28]) По цензурным соображениям автор в этой форме защищал коренную идею большевизма — идею гегемонии пролетариата.

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ.

По поводу «петиционной кампании» [1].

Вместо предисловия.

Вот уже около полутора лет прошло с тех пор, как провозглашена была так называемая «петиционная кампания». Теперь уже всем ясно, что эта кампания осталась на бумаге, что она не состоялась. Тем не менее споры вокруг нее, имевшие место в печати, заслуживают внимания.

Есть некоторое сходство между этими спорами и спорами, разыгравшимися в 1906-07 годах вокруг вопроса о «рабочем съезде». Ни «рабочий съезд», ни «петиционная кампания» не перешли в реальность, но дискуссия вокруг обеих этих «кампаний» для обрисовки принципиальных позиций внутри русской социал-демократии имеет значительный интерес.

Всероссийская конференция 1912 года подвела итог спорам вокруг «петиционной кампании». Как большевики, так и меньшевики-партийцы констатировали, что никакого сочувствия со стороны рабочих эта кампания не встретила. Ни в Киеве, ни в Екатеринославе, где преобладают тов. меньшевики-партийцы, ни даже в Бунде и «Областном Кавказском Комитете», где сильны ликвидаторские влияния, организации абсолютно ничем не поддержали «петиционной кампании», а в «Областном Кавказском Комитете», как сообщал нам один из его членов, было высказано даже **отрицательное** отношение к этой кампании. Тов. меньшевик-партиец на конференции сошелся с нами в том, что «петиционная кампания» «потерпела крушение . . . за отсутствием объективных условий» и т. д. (См. «Приложение» в конце); другой партиец-меньшевик на конференции голосовал за нашу резолюцию.

Екатеринославский делегат на конференции (меньшевик) рассказал один интересный эпизод из «петиционной кампании». Прибывший в Екатеринослав видный ликвидатор К., горячий сторонник петиционной кампании, видя, что рабочие не подписываются под петицией, предложил им подписывать ее хотя бы . . вымышленными, а не своими именами . . . Конечно, ликвидатором К. в данном случае руководили очень почтенные сообра-

жения конспирации. Но... но только к чему же тогда сводится вся петиционная кампания? Какой в ней смысл? Какова цена такой петиции? К чему, кроме подрыва с.-д., могла бы она при такой постановке привести?

Этот эпизод крайне поучителен. Он показывает, что петиционная кампания была «легальной невозможностью», между тем как ликвидаторы проповедывали ее именно как «широкое», «легальное», «массовое», «открытое» действие. Этот эпизод служит лучшим ответом тов. Троцкому, восклицающему с недоумением:

— «Законопроект — да, а петиция—нет; это не принципиальное различие, а... фракционный каприз» и т. д.

Внести с.-д. законопроект о свободе стачек—это у нас в России возможно, это значит серьезно, а не на бумаге, использовать 3-думский парламентаризм. Устроить ряд революционных рабочих митингов — это тоже оказалось возможным, хотя рабочий, идущий теперь на такой митинг, рискует, конечно, не меньше, чем рабочий, подписывающий петицию. Почему же тогда оказалась невозможной петиционная кампания в той постановке, какую ей придали ликвидаторы? Объяснению этого и посвящена наша брошюрка.

I. Массовое движение рабочих или массовые разглагольствования интеллигентов-ликвидаторов.

Итоги за $1^1/_2$ года.

Сначала — простой фактический вопрос. С чем имели мы дело в лице «петиционной кампании», вокруг которой поднято так много шума? Было ли это действительно массовое движение, вышло ли оно действительно из недр рабочего класса и его передовых слоев? Или мы имели здесь нечто другое: предприятие, выдуманное некоторыми интеллигентами в тиши их кабинетов, искусственную, вымученную затею, которая, по плану ее инициаторов, должна была послужить к вящшему торжеству пресловутого ликвидаторского лозунга: «борьба за легальность во что бы то ни стало»? Одним словом, было ли то, что называют «петиционной кампанией», массовым выступлением рабочих или только «жалкой пародией» (насмешкой, подделкой) на массовое выступление? Это отнюдь не вопрос фракционных счетов или группового

местничества. Нет, именно в этом центр вопроса, исходный пункт тех, очень серьезных, политических разногласий, которые наметились в связи со спорами о петиционной кампании.

Итак, была ли «петиционная кампания» массовым выступлением рабочих? Для суждения об этом есть уже некоторый объективный материал: например, количество собранных под петицией подписей.

Петиционная кампания, по свидетельству одного из ее вдохновителей, Юрия Чацкого, начата была еще «в конце декабря — начале января» *) 1911 года. Таким образом, начатая ликвидаторами «кампания» длится божией милостью больше года. Срок весьма почтенный. И что же оказывается? Каковы результаты этой пресловутой кампании хотя бы в смысле количества подписей на сочиненной ликвидаторами «петиции»? В номере 4-м «Дела Жизни» ликвидаторы подсчитали это количество подписей. Их оказалось целых . . . 1.295 **). Не так, чтобы очень много, не правда ли, читатель? Почти столько же подписей, сколько статей о «петиционной кампании» написано ликвидаторами и их друзьями . . . Столько шума из-за таких пустяков! Уж не делали бы вы себя хоть прямо смешными, господа ликвидаторы. После многих месяцев параднейшей декламации относительно поддержки вашей петиции «широкими рабочими массами», после целого ряда ваших легальных литературных выступлений, поддержанных и буржуазно-либеральными газетами, вроде «Киевской Мысли», вы собрали по всему лицу Руси великой, среди многомиллионного рабочего класса России — 1.295 подписей... Это ли не пародия на массовое движение? Это ли не крах ликвидаторско-интеллигентской затеи, начатой с такой помпой?

Мы нарочно взяли данные, приведенные самими ликвидаторами, дабы избежать спора о простых фактах и обвинения в пристрастии.

Мы могли бы сослаться и на такого свидетеля, как Н-в (²), наблюдавший петиционную кампанию на месте действия и поместивший о ней статью в «Звезде», под заглавием «Петиционная шумиха». Заметьте, читатель, Н-в — не какой-нибудь зловредный

*) См. «Наша Заря» № 5, стр. 86.

**) См. «Дело Жизни» № 4, стр. 71, ст. К. Сергеева. С тех пор ликвидаторы новых цифр не приводили — очевидно потому, что их нет. Подсчет в № 4 «Д. Ж.», быть может, не вполне точен, но что цифра 1.295 приблизительно верна, это — несомненно.

«бойкотист» (³), он выше всяких подозрений насчет «застарелых предрассудков бланкизма». Правда, Н-в — не ликвидатор, но он примыкает по своим идейным симпатиям к тому течению в марксизме, которое называется меньшевизмом. Что же сообщает нам меньшевик Н-в.

— «... Мысль о петиции временно, по крайней мере, отвергнута рабочими массами».

Петиционная кампания опиралась не «на самодеятельность рабочей массы», а на «интеллигентские тактические расчеты»; и именно поэтому думская с.-д. фракция не захотела и не смогла взять на себя ответственность за эту затею.

Однако, вернемся к самым достоверным и беспристрастным свидетелям — к журналистам из «Дела Жизни» и «Нашей Зари» (⁴). Уж им-то нет никакого резона преуменьшать успеха ими же придуманной «петиционной кампании». Что же рассказывают нам сами авторы петиционной кампании по интересующему нас вопросу: об отношении рабочих масс к этой кампании?

В том же номере «Дела Жизни», где приводится подсчет о 1.295 собранных за все время подписях, нам сообщают (статья Батурского и хроника), что, например, в таких центрах рабочего движения, как Москва и Баку, петиционная кампания не имела уж абсолютно никакого успеха. Оттуда же мы узнаем, что в Петербурге рабочие таких, например, крупных заводов, как Путиловский и Трубочный *), относятся резко отрицательно к петиционной кампании, затеянной ликвидаторами. И, наконец, мы слышали о том, устроенном рабочими, отказавшимися подписать «петицию», действительно массовом выступлении рабочих Путиловского завода (их первый в Петербурге революционный митинг в апреле 1911 г. **), которое является одним из самых отрадных явлений в рабочем движении Петербурга за 1911 год.

Итак, после всего сообщенного и после свидетельских показаний самих ликвидаторов, не позволено ли будет нам спросить:

— Где же и с кем же рабочие массы?

---

*) «Дело Жизни» приводит карикатурную мотивировку (Гос. Дума, дескать, просто «балаган с клоунами») отрицательного отношения рабочих Трубочного завода к петиции. Верно ли передает эту мотивировку «Дело Жизни», — мы не знаем.

**) Митинг этот, как нам сообщают, устроен рабочими-большевиками при прямом антагонизме с ликвидаторами и прямо в противовес «петиционной кампании».

. . . Мы сейчас еще не входим в суждение о том, хорошо ли это или плохо, что рабочие массы не поддержали «петиционной кампании» в той ее постановке, какую ей придали ликвидаторы. Мы только констатируем пока главный факт: рабочие массы не при чем во всей этой петиционной шумихе. . . . . .

После 9 месяцев легальной агитации ликвидаторов за их петицию они смогли привести лишь одну цифру собранных подписей: 1.295. Они же сами должны были признать, что в ряде случаев петиционная шумиха встретила отпор со стороны широких слоев именно рабочих масс: Путиловский завод, Трубочный завод, Баку, Москва и т. д. . . . .

Даже Л. Мартов в 6-й книжке «Нашей Зари» должен был признать, что отношение рабочих масс к «петиционной кампании» представляет собой «случай слабого отклика масс на призыв к политической самодеятельности» *). Мартов дает здесь свое объяснение провалу ликвидаторской «кампании», но самый провал ее он, в сущности, признал в этих словах. Мы же не входим пока в объяснение этого провала. Забегая вперед, мы скажем пока только, что вполне согласны с марксистским журналом «Мысль», который, выступая против «петиционной кампании», тут же указывал, что далеко не все рабочие не поддержат этой «кампании» в силу сознательно отрицательного отношения к ликвидаторству и что многие рабочие пройдут мимо всего этого спора в силу простой политической индиферентности. Сейчас дело не в этом. Дело — в констатировании факта. Рабочие массы не поддержали «петиции» в истолковании, данном ей ликвидаторами. Это вынужден был признать даже Л. Мартов. Мы видим теперь, как жестоко ошиблись те из товарищей, которые поверили ликвидаторам в кредит и которые, — исходя, правда, из иных построений, — стали повторять за ними, будто это именно «рабочие массы выдвигают петицию». . .

Чем же объяснить этот провал «петиционной кампании» в том виде, какой ей хотели придать ликвидаторы? Посмотрим прежде всего, как объясняют его сами ликвидаторы и их союзники. Чем больше уходила почва из-под их ног, тем более теряли они самообладание и тем более неразумные объяснения давали они на поставленный выше вопрос.

---

*) «Наша Заря» № 6, стр. 72.

— Это потому, что некоторые социалисты «против рабочих»,— объяснял неудачу ликвидаторов Л. Мартов («Наша Заря»).

— Это потому, что «единомышленники Ленина уже на практике противодействуют проведению в жизнь Петербургского начинания», — уже совсем просто объяснял свое поражение журнал «Дело Жизни» (№ 4, стр. 30).

Всех больше отличился Троцкий. Огорчившись за дорогих его сердцу ликвидаторов, он придумал следующее «материалистическое» объяснение провала петиционной кампании:

«Две, или три, или пять тысяч рабочих подписались *) под петицией... Поддержать ли движение или выступить в нем штрейкбрехерами (5)?» — Итак, кто сознательно не поддержал ликвидаторской «кампании», тот штрейкбрехер? Ни больше, ни меньше. Штрейкбрехеры — члены Петербургской нелегальной с.-д. организации, отвергшие поддержку «петиционной кампании»! Штрейкбрехеры — рабочие Путиловского завода! Штрейкбрехеры — рабочие Трубочного завода! И только Левицкие, Потресовы, Смирновы (6), Троцкие высоко держат знамя... не так ли, почтенный заступник ликвидаторства? Вот так услужил ликвидаторам их оруженосец Троцкий!

Объявив всех неликвидаторов «штрейкбрехерами», Троцкий блестяще подтвердил ту старую истину, что иной раз услужливый... доброжелатель опаснее врага...

Самым обобщенным, самым «углубленным» объяснением поражения ликвидаторов остается то, которое дал Л. Мартов уже на последней стадии «кампании» и которое мы выше уже приводили: провал петиционной кампании есть «случай слабого отклика масс на призыв к политической самодеятельности». «Зелен виноград», — меланхолически заявляет Л. Мартов. Тактика-то у ликвидаторов раз-наи-превосходнейшая, да вот пролетариат российский еще до нее не дорос. Старая история!

В чем же действительная причина краха «петиционной кампании»? — В ее *надуманности, интеллигентской беспочвенности, искусственности, кабинетности, в том, что она была тепличным продуктом мертвенного ликвидаторства.*

---

*) На самом деле, как мы видели, не две, и не три, и не пять тысяч, а лишь 1.295 человек «подписали» ликвидаторскую петицию.

Среди ее инициаторов можно явственно отличить две группы. Одна, это—некоторые из практиков профессионального и кооперативного движения, склонившиеся на сторону петиции только потому, что надеялись: авось и этакий протест окажет хоть некоторое действие в смысле ослабления тех подлых гонений на легальные рабочие союзы со стороны столыпинской шайки, которые так беспощадно разрушают в течение одного дня то, над чем пролетарии работали месяцы и годы. Эти практики-профессионалисты (они-то и собрали тысячу подписей на петиции) никаких специально легализаторских и ликвидаторских планов не строили, а исходили из чисто «практических соображений». Ход вещей разочаровал этих товарищей и показал им, что они выбрали средство, не достигающее цели. Не с этими товарищами идет у нас спор. Мы спорим со второй из групп—с «теоретиками» петиционной кампании, с определенными ликвидаторами, выдвинувшими эту кампанию, как одно из проявлений их знаменитой «борьбы за легальность». Провозглашение «борьбы за легальность во что бы то ни стало» — такова первая ступень ликвидаторства.

«Не праздные разговоры о социализме и революции, а конкретный лозунг: свобода коалиции», — такова вторая ступень.

«Петиционная кампания», как средство легальной во что бы то ни стало борьбы, — такова третья ступень.

Ликвидаторам показалось, что именно петиционная кампания с формулой «свобода коалиций» может стать тем «осязательным» лозунгом, за который «зацепятся» массы и который откроет новую эру «борьбы за легальность». Ликвидаторы надеялись, что путем чисто парламентского давления они ускорят назревание того «конституционного кризиса», который, в отличие от революционного кризиса, является единственно реальной перспективой с точки зрения ликвидаторства.

И в том и в другом отношениях ликвидаторы явно ошиблись.

Поскольку речь идет о стихийном, неорганизованном движении среди рабочих «низов», оно пока что очень часто протекает без всяких, даже элементарных, политически обобщающих лозунгов. 88 % стачек лета (?) 1910 года имели своими требованиями исключительно повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Огромное большинство стачек 1911 г. протекало под этими же требованиями. Лишь в виде исключения мы видели случай (Варшавские трамвайщики), когда забастовщики выставляли требование свободы союзов, при чем у Варшавских рабочих это

требование имело революционное значение, ибо они не противопоставляли «трезвого» требования свободы союзов «бессмысленным мечтаниям» о революции. Когда движение подымется на высшую ступень—а оно неминуемо подымется!—тогда широкие рабочие массы опять напишут на своем знамени основные требования нашей революции: 8-часовой рабочий день, Учредительное Собрание, земля для крестьян (8). Разумеется, рабочий класс уделит должное внимание борьбе за свободу стачек, союзов и собраний. Но—не в качестве «осязательного» и «умеренного» требования, противопоставляемого «бредням» о социализме, а как части во всей системе наших революционных требований. Пролетариату не понадобится специальной «стадии» (в духе тех «стадий», которые некогда проповедывали «экономисты»), в течение которой его—пока он не вышел из «приготовительного» класса—пичкали бы «всеми доступными» «осязательными» требованиями «частичных прав». Уж во всяком случае авангард рабочего класса, социал-демократия, должен и в нынешние тяжелые времена вносить элементы обобщения в первые проблески возрождающегося рабочего движения, ставить перед рабочими всю нашу программу во весь ее рост, а не вырывать частичные требования из всей программы и противопоставлять ей только «осязательное» и «ощутимое».

Во втором отношении—в отношении надежд на чисто парламентские средства борьбы и на мирный конституционный путь—ликвидаторы просчитались еще больше. Эти, будто бы реальные, политики не видят того, что величайшей утопией является надежда на завоевание в России права коалиции мирным, безболезненным, конституционным, парламентским путем. Без новой победоносной революции рабочий класс России не может получить действительной свободы коалиции. Отличие современной России от тех западно-европейских стран, где господствует «устойчивое» положение, в том и заключается, что наш «парламент»—3-я Дума—не может, объективно не может (если бы даже—что невероятно—он захотел) пойти на серьезные уступки в вопросе о свободе коалиции для русского рабочего класса. Нельзя ни на минуту себе и представить режима 3-го июня, совмещенного с действительной свободой союзов, стачек и собраний для русских рабочих. У нас кризис может разрешиться революцией, и только ею. Основной тезис в нашей агитации среди масс должен быть таков: хочешь свободы коалиции,—борись за револю-

цию! Хочешь свободы стачек и союзов,—не надейся на 3-ю Думу, а готовь революционную армию, которая сломит и самодержавие и 3-ю Думу! Хочешь действительного осуществления серьезных частичных требований—борись за всю твою революционную программу без урезок!

Наша думская с.-д. фракция не поддержала «петиционной кампании», хотя она, конечно, признает, как и все с.-д., необходимость борьбы за свободу стачек, союзов и собраний. Почему она не поддержала этой кампании? Ликвидаторы в своей литературе делают на этот счет ряд намеков на то, чего не ведает никто. Дело доходит даже до совершенно... неприличных инсинуаций по адресу думской фракции (см. «Нашу Зарю», ст. Мартова) и отдельных ее деятелей. На самом деле ларчик, однако, открывается очень просто. Причину такой позиции думской фракции надо искать только и исключительно в окружающей политической обстановке и прежде всего в той политической атмосфере, которая дает о себе чувствовать внутри 3-й Думы. Так или иначе, а 3-я Дума имеет в своих стенах представителей важнейших слоев населения. Обстановка 3-й Думы менее всего располагает к легалистской маниловщине и к ликвидаторским надеждам на парламентский способ завоевания свободы коалиции. Вся политическая обстановка 3-й Думы, все столкновения представителей отдельных классов в ней, все выступления правительства и черной сотни—все это содействует одному: росту революционного реализма в лучшем смысле этого слова, росту сознания, что новая революция неизбежна. Не даром наши с.-д. депутаты не устают это повторять—и хорошо делают, что повторяют эту истину—к особому неудовольствию ликвидаторов (см. статью Мартынова в «Нашей Заре»). Марковы Вторые и Пуришкевичи, Гучковы и Крупенские каждой своей речью, каждым своим шагом говорят демократии: пока мы хозяева положения—не видать вам, и в особенности рабочим, никаких свобод. Никакое «парламентское» давление вам не поможет, пока вы не свергнете нас... Отсюда и позиция думской фракции, столь огорчившая ликвидаторов... Товарищи [9], которые в теории так хорошо понимают весь реакционный характер лозунга: «борьба за легальность», но не всегда во-время замечающие, когда именно ликвидаторы начинают применять этот реакционный лозунг на практике,—теперь, надеемся, тоже поняли действительный, реальный смысл ликвидаторской «петиционной кампании»...

Ликвидаторы повсюду — можно сказать, «на всю Европу» — накричали, что их «петиционная кампания» является «первым политическим выступлением русского пролетариата со времени победы контр-революции». Не разобравшиеся люди им поверили, хотя не много осведомленности нужно, чтобы знать, что первое действительно массовое «выступление русского пролетариата после победы контр-революции» состоялось 22 ноября 1907 г., когда 100.000 рабочих забастовали в знак солидарности с с.-д. депутатами 2-й Думы, посланными на каторгу Николаем Кровавым... Теперь туман слов рассеялся, и всякий видит реальный факт: готовили целое кровопролитие, а собрали... 1.295 подписей. Недостаток сочувствия ликвидаторским затеям со стороны рабочих масс заменяют массовыми разглагольствованиями интеллигентов на тему о том, как хорошо было бы, ежели бы да кабы рабочие массы сочувствовали замене социал-демократической программы отдельными «частичными» требованиями и замене революционной борьбы бумажной «борьбой за легальность». «Социалисты против рабочих» — так гласило желавшее быть язвительным обвинение ликвидаторов против нас. Теперь, после года «петиционной кампании», формула эта безусловно должна быть исправлена. Чтобы быть точной, формула эта должна гласить: «не-социалисты (т.-е. ликвидаторы) — без рабочих» или — «рабочие против ликвидаторов». Поистине, эти неудачливые воздыхатели по «массовому движению» достойны сожаления — потому что от них всегда и неизменно отворачиваются действительные рабочие массы.

II. Ликвидаторы и чартисты.

В самом начале петиционной шумихи . . . то-бишь петиционной кампании, певец ее Л. Мартов сравнил эту кампанию с движением чартистов, т.-е. с революционным движением английских рабочих 30 и 40-х годов. Казалось бы, опытный публицист, а ведь подите же . . . взял да и подверг себя сам осмеянию.

Революционное движение чартистов и ликвидаторская петиционная кампания совершенно так же похожи друг на друга, как бузина, растущая в огороде, и дядька, проживающий в городе Киеве, или как, скажем, г. Потресов похож на революционера.

И у чартистов и у ликвидаторов фигурировала, видите ли, петиция. Значит — ликвидаторская петиционная кампания есть

чартизм на русской почве. Правда, чартисты собрали на своей первой петиции 1.283.000 подписей, на 2-й — 3.315.752 и на 3-й — 5.700.000 подписей, а ликвидаторы тоже собрали . . . 1.295 подписей. Но погодите, вот ужо развернут ликвидаторы по всей стране свою борьбу за . . . легальность, — тогда у них запляшут лес и горы!.

Чтобы читатель убедился, насколько сравнимы чартизм и ликвидаторство, мы приведем здесь несколько важнейших фактов из истории чартизма*).

Первой петиции чартистов, поданной в 1838 году, предшествовало 5.000 митингов и собраний. На самых немноголюдных собраниях присутствовало до 30.000 человек. На первом большом митинге чартистов присутствовало 300.000 человек, а митинги с 200.000 и даже с 500.000 слушателей отнюдь не были редкостью. Наши тоже-«чартисты» начнут устраивать собрания тогда, когда столыпинцы их им разрешат, а пока они говорили рабочим: подпиши только петицию, а уж дальше мы о тебе позаботимся.

Чартисты вели самую деятельную агитацию за вооружение рабочих. На собрания, происходившие часто ночью при свете факелов, — пишет историк чартизма С. Боркгайм, — тысячи людей являлись вооруженными. На одном из митингов чартистский агитатор Стефенс обратился с вопросом к собранию, запаслись ли присутствующие оружием. Ответом был залп из ружей. «И это все?» — спрашивает Стефенс. В ответ раздается в с е о б щ и й залп. «Я вижу, что все в порядке, доброй ночи», — заключает Стефенс, закрывая собрание. Роль Стефенса у наших русских тоже-«чартистов», повидимому, выполнит г. Смирнов . . .

Конвент чартистов, «их представительный орган», в одном из своих манифестов провозгласил следующие практические меры борьбы: 1) потребовать назад в один определенный день все деньги, хранящиеся в банках; 2) праздновать «священный месяц», т.-е. осуществлять всеобщую забастовку, в продолжение которой все работы должны быть приостановлены; 2) вооружиться, «как подобает свободным людям», и готовиться к вооруженному восстанию. А наши горе-«чартисты»? Они занимаются тем, что оплевывают

*) См. подробнее: С. Боркгайм «Чартистское движение»; Е. Кувшинская «Борьба рабочих за политическую свободу в Англии»; у Вэббов, у Туган-Барановского и друг.

в своих «трудах» наш славный С.-Пб. Совет Рабочих Депутатов именно за то, что он «по-заговорщицки» призывал к подобным же требованиям во время русской революции.

В целом ряде мест Англии мы видим в эпоху чартизма настоящие рабочие мятежи и восстания.

8 июля 1840 года на одно чартистское собрание проникла полиция. Рабочие вооружились железными палками от решотки соседнего церковного двора, набросились на полицию и заставили ее отступить.

15 июля 1840 года в Бирмингаме произошло столкновение между рабочими и полицией. Менее чем в 3 часа 30 домов были объяты пламенем.

20 июля были крупные беспорядки в Ньюкестле.

4 ноября в Ньюпорте произошла, при попытке освободить из тюрьмы одного вожака чартистов, настоящая битва между чартистами и войсками. 20 человек пало убитыми.

В Глазго происходили под открытым небом собрания безработных, которые оканчивались массовыми шествиями по городу с требованиями хлеба и работы.

В Демфри 2 июля был голодный бунт.

В Берслеме были беспорядки, для подавления которых пришлось вызвать войска.

31 марта 1844 г. забастовали 40.000 углекопов, которые были выгнаны из квартир и 8 недель стояли лагерем с женами и детьми на мокрых полях и в уличных канавах.

После отвержения палатой 2-й петиции забастовали 150 фабрик с 150.000 рабочих. Произошел ряд уличных манифестаций со знаменами, на которых была надпись: «Лучше смерть от меча, чем от голода!». Было много столкновений с полицией: 800 арестованных, 2 десятка трупов.

На 10 апреля 1848 года была назначена вооруженная демонстрация. Аристократы бежали из Лондона. Буржуазия сформировала свою милицию.

Революционные события 1848 года во Франции ознаменованы были со стороны чартистов уличными шествиями с ликующими возгласами: «Луи Филипп бежал, в Париже революция. Ура! Да здравствует французская революция!».

Вот как боролись английские рабочие под знаменем чартизма. Если можно сравнивать их борьбу с русской, то разве только с нашим движением 1903, 1904, 1905 годов. За такое

«петиционное» движение революционные социал-демократы в России стоят безусловно. Смеем уверить господ ликвидаторов, что когда у нас дело вновь дойдет до такой борьбы,—а оно обязательно до этого дойдет,—с массами и во главе их будет (как и во время серых будней) именно наша революционная социал-демократия, а не те оторванные от масс идолопоклонники легализма во что бы то ни стало, которые оскорбляют знамя чартизма, сопоставляя это крупное революционное движение английских рабочих с петиционной комедией ликвидаторских интеллигентских кружков!

В первой своей стадии чартистское движение было подвержено очень сильным буржуазно-радикальным влияниям. Радикальная буржуазия Бирмингама, Нортумберленда и Дергама примкнула к движению чартистов и стала играть в нем большую роль. Английские буржуазные радикалы преследовали, конечно, свои классовые цели—они надеялись, опираясь на чартистов, усилить свое влияние и, таким образом, добиться отмены хлебных законов и удешевления производства. Чартизм первой формации был блоком трех групп: буржуазных радикалов (во главе с Аттвудом), рабочей аристократии (во главе с Ловеттом), почти постоянно поддерживавшей этих радикалов, и подлинной рабочей массы, выдвинувшей своих вождей. Вся кампания вокруг первой петиции чартистов протекла под очень сильным влиянием радикальной буржуазии. Это, между прочим, отразилось и на тексте первой петиции. В первом «почтительном заявлении» можно встретить ссылки на «Провидение», указание на то, что «своей законной прибыли капитал хозяина не должен лишаться», заявления вроде того, что «мы почтительнейше доводим до сведения уважаемой палаты, что такое положение вещей не должно продолжаться», и т. п. Худшие места в тексте первой петиции чартистов напоминали во многом петицию, предлагаемую ликвидаторами.

Но скоро чартизм значительно эмансипируется от буржуазных элементов. В рядах чартистов происходит раскол. Наиболее анти-рабочие элементы покидают знамя чартизма. Группа буржуазных радикалов (во главе с Хадлеем и другими) выходит из чартистского конвента с такой мотивировкой: «мы полагали,—говорят они,—что девизом конвента будет: «мир, законность и порядок», а оказывается, что рабочие все надежды возложили на физическую силу — это худшее орудие тирании». Одну из последних неудачных попыток овладеть чартистским движением

делают радикалы в лице Стерджа, предложившего заменить ясный и определенный пункт хартии о всеобщем избирательном праве двусмысленным пожеланием «полного избирательного права». Чартистское движение становится все более и более чисто пролетарским. Кампания вокруг второй петиции является уже преимущественно, если не исключительно, рабочей. Замечательно, что в связи с этим радикально меняется самый текст петиции. Рабочие и их вожди не ограничиваются теми 5-ю конкретными требованиями, которые раньше выдвигала петиция (всеобщее избирательное право и т. д.). Во второй петиции (1842 г.) чартисты уже открыто заявляют, что хартия им нужна, как «средство для отмены всех монополий господствующих классов и в том числе для отмены частной собственности на землю и на орудия производства» *). Это уже чисто социалистические заявления. Позднее чартисты еще более явственно подчеркивают связь между их конкретными требованиями и социалистической программой. Они выдвигают свое решение и аграрного вопроса, и вопроса о милитаризме, о церкви, о воспитании и т. п. **)

Одним словом, чем больше чартизм становится движением чисто пролетарским, тем более выдвигает он именно общие задачи, «социализм», как цельную программу, тем более отвергает он противопоставление отдельных частичных прав всей революционной программе. Именно этим чартизм привлекает симпатии таких людей, как Ф. Энгельс.

Совершенно обратное мы видим у наших новоявленных «чартистов», у которых главным требованием их «хартии» является требование уничтожить партию российского социалистического пролетариата — Р. С.-Д. Р. П. У ликвидаторов мы видим именно выдвигание частичных требований, в противовес социалистическим и революционным задачам.

Как жаль, что мы не можем здесь (по недостатку места) привести хоть одну-две речи вождей пролетарского чартизма. Нельзя без живейшего волнения читать и теперь, через 60 лет, речь, например, Джонса на одном из чартистских собраний. Это—речь апостола социализма. От каждого слова этой пламенной речи веет верой в победу социализма, веет скорбью по страданиям и лишениям пролетарских масс, веет бурным, активным проте-

*) См. Боркгайм, стр. 81.

**) Цитируем по кн. Кувшинской, стр. 176.

стом и готовностью к мученическому венцу во имя рабочего дела, веет огневою ненавистью и уничтожающим сарказмом по отношению к либералам, обманывающим рабочих. Сравните эти речи с длинноухими речами наших русских псевдо-«чартистов», с их издевательствами над «социалистическими фразами», с их насмешками пигмеев над пролетарской партией, с их гимнами во славу «борьбы за легальность» и их восхвалением «осязательных» частичных требований, противопоставляемых пролетарской программе.

Если наших ликвидаторов можно сравнить с деятелями чартизма, то разве только с теми из них, которые были декадентами и паразитами чартизма; с теми, кто проводил влияние буржуазии на тогдашнее революционное движение английских рабочих; с теми, кто всеми силами пытался совлечь чартизм с его пролетарского пути. Тот отпор, который встречают наши ликвидаторы среди русского рабочего класса, показывает, что в современной России проводникам буржуазного влияния на пролетариат не так уже легко примазаться к рабочему движению.

Пролетарский чартизм был социалистичен и рос по мере своего освобождения из-под влияния буржуазии.

Ликвидаторство есть течение насквозь либеральное и может расти лишь вместе с усилением влияния буржуазии на пролетариат.

На петицию чартистов рабочие смотрели как на призыв к борьбе. Эту петицию английские рабочие справедливо толковали так, что надо вооружаться, что надо готовить всеобщие стачки и восстания. Ликвидаторскую петицию русские рабочие, в виду тех либеральных речей, которыми ликвидаторы сопровождают петицию, рассматривали как слезницу, сочиненную оторванными от масс интеллигентами, как ходатайство *) по адресу черной Думы, чтобы та «дала» рабочим свободу союзов.

---

*) Меньшевик-антиликвидатор Н-в в № 24 «Звезды» целиком подтверждает это важное возражение, выдвинутое нами против «петиционной кампании». «В массе петиция понималась как просьба, как ходатайство»,—пишет Н-в. Итак, не в нашем «бойкотизме» здесь дело, а дело именно в том, что вся постановка петиционной кампании ликвидаторами, как мы и указывали, неизбежно вела к подрыву престижа с.-д. партии, к тому, что рабочие стали видеть в некоторых с.-д. не борцов, а «ходателей»... Не даром ликвидаторы никак не могут простить меньшевику Н-ву его выступления против «петиционной шумихи» и против «ходатайств» вместо борьбы. Ликвидаторы спустили по этому случаю на Н-ва целую стаю борзых . . . полемистов. Правда глаза колет!..

Неудивительно, что за чартистами пошли миллионы рабочих, а за ликвидаторами — всего лишь 1.295 человек.

III. Частичные требования и «борьба за право» или — революционная борьба.

«Что вообще означает обвинение в разменивании революции на борьбу за частные права?» (Приложение к № 21 «Правды») (10).

Мы несколько раз упоминали уже о «теории» завоевания частичных прав, противопоставляя эту теорию методу революционной борьбы.

— «Но позвольте, — прерывает нас известный защитник ликвидаторов Троцкий, — что вообще означает обвинение в разменивании революции на борьбу за частные права?» Неужели противники петиционной кампании отрицают реформы? — с видом невинного младенца недоумевает Троцкий. Тогда «это значило бы попросту осудить тактику всей международной социал-демократии и выкинуть за борт нашу минимальную программу, как ненужный балласт», тогда это был бы просто-напросто «анархизм». На самом деле «социал-демократическая агитация, по необходимости, должна исходить из частных (курсив Троцкого) требований» *). В чем же дело, из-за чего же шум? Ликвидаторы ведь только применяют общепризнанную тактику европейской социал-демократии к русским условиям.

Бедный Троцкий! Он совсем не знает, «что вообще означает обвинение в разменивании революции на борьбу за частные права». Придется нам ему помочь и прежде всего напомнить ему историю борьбы вокруг этого вопроса в рядах нашей собственной партии.

Может быть, Троцкому довелось слышать, что в конце 90-х и начале 900-х годов среди русских социал-демократов жили-были «экономисты», составившие особое направление в русской социал-демократии, — направление, которое, в лице ликвидаторов, в очень многом живо и сейчас? Быть может, Троцкий припомнит также, что эти экономисты — или, по крайней мере, мно-

---

*) Приложение к № 21 «Правды», стр. 4 и 5.

гие из них — открыто заявляли себя бернштейнианцами (11) и разделяли принципы только что появившегося евангелия ревизионизма — книжки Бернштейна, которую т. Плеханов справедливо назвал «дрянной книжонкой». Если Троцкий пороется в своей памяти, то мы уверены, что он вспомнит также, что тогда-то русскими бернштейнианцами («экономистами») и была создана целая теория завоевания частичных прав.

Говоря вкратце, эта теория сводилась к следующему. Западно-европейские ревизионисты проповедывали по отношению к социалистическому перевороту метод «эволюции», метод замены социальной революции завоеванием частичных социальных реформ, метод замены революционной «катастрофы» (Цузамменбрух'а) незаметным постепенным «врастанием» в социалистический строй. А русские «экономисты» то же ревизионистское построение применяли к России, которой предстояла тогда (предстоит еще теперь) буржуазно-демократическая революция. И применяли эту ревизионистскую теорию так, что революционную борьбу с самодержавием разменивали на «частичные политические требования», а революцию подменяли «борьбой за права».

Не начинает ли теперь Троцкий понимать, «что вообще означает обвинение в разменивании революции на борьбу за частные права»? Если все еще нет, то мы для освежения его памяти укажем на нижеследующее. Не припомнит ли Троцкий последнюю попытку (в 1901 году на «объединительном» съезде в Цюрихе) революционных социал-демократов (редакции «Искры», «Зари» и журнала «Социал-Демократ», издававшегося Плехановым, Аксельродом и Засулич) столковаться с «экономистами»? Может быть, Троцкий не забыл, что революционные с.-д. тогда настаивали, как на одном из очень важных условий объединения, на том, чтобы была отвергнута теория «борьбы за частные политические требования» *). Соглашение с экономистами не состоялось. Революционные с.-д. в особой декларации (устами — увы! — Ф. Дана, тогда «платившего дань молодости» и бывшего революционером), объявили, что окончательно разрывают с «экономистами». «Экономисты» после этого выработали на своем съезде новую программу, в которой был особый отдел:

«Отдельные права и низвержение самодержавия».

*) См. брошюры: «Два съезда», стр. 4, и «Документы объединительного съезда», стр. 3.

«Социал-демократия должна вызывать и поддерживать активные протесты рабочих во имя отдельных политических прав, как-то: свободы стачек, союзов и собраний, свободы слова» *) и т. д. В своей первоначальной программе экономисты ту же теорию проводили еще яснее:

«В процессе борьбы рабочих за ближайшие, сознанные ими интересы, массовое рабочее движение в России начинает принимать классовый характер . . . Ближайшими политическими требованиями рабочего класса в России являются: свобода союзов, стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенность личности. Борьба рабочего класса за эти права составляет ближайшее содержание его борьбы с царским самодержавием, которая приведет к завоеванию полной политической свободы» **).

Может быть, Троцкий помнит, по крайней мере, что ответила на эту программу «Заря», орган, издававшийся «при ближайшем участии Плеханова, Аксельрода и Засулич»? Мы напомним ему это. В первом же своем номере «Заря» писала:

— Итак, «сначала мы добьемся свободы союзов, стачек и т. д. (т.-е. «свободы коалиций»), а потом перейдем к «завоеванию полной политической свободы» . . . Если можно говорить об «умеренности и аккуратности» в среде с.-д., то трудно найти более умеренную и более аккуратную программу . . . Что такие политические права, как свобода союзов, стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенность личности, служат необходимым условием дальнейшего всестороннего развития рабочего движения, — не подлежит никакому сомнению. Но возможно ли, хотя бы на одно мгновение (слушайте, Л. Троцкий и Л. Мартов!), допустить существование такого монстра, как всероссийский абсолютизм, уживающегося с свободой союзов и т. д.? Когда наши либералы доказывали и доказывают возможность такого совмещения, . . . мы можем понять психологический процесс, приводящий к таким логическим абсурдам. Но мы совершенно не можем понять, как такие логические противоречия могут уживаться в головах социал-демократов» ***).

Может быть, этот отрывок из «Зари» облегчит Троцкому понять, «что вообще означает обвинение в разменивании рево-

*) См. «Рабочее Дело» № 11-12, стр. 3.

**) Там же № 1, стр. 3.

***) «Заря» № 1, стр. 126 и 127.

люции на борьбу за частные права»? Неужели нет? Ну, и непонятлив же стал т. Троцкий!

Слушайте же дальше.

В «Вадемекуме» Плеханов опубликовал письма М. М. (г-жи Кусковой) (12) к П. Аксельроду. В этом письме Кусковой говорилось, между прочим:

«Разве защита имущественных интересов не потребует в ближайшем будущем политических прав? Но требование политических прав рабочими ничего не имеет общего с свержением самодержавия».

А г. Прокопович пояснил:

«Если мы говорим о том, что мы не можем теперь говорить о борьбе с самодержавием, — это не значит, что мы отказываемся от политической агитации. Пожалуй, если понимать под борьбой с самодержавием политическую агитацию, т.-е. выставление требований рабочих: право сходок, слова, собраний и т. п., то против этого нельзя ничего иметь» *).

Другими словами, откровенные экономисты прямо сознавались, что они признают борьбу за частичные права потому, что она «ничего общего не имеет» с революционной тактикой ортодоксальных социал-демократов. Невинный Троцкий так ничего этого и не слышал?.. Должно быть, Троцкий так никогда и не читал программной статьи в первом номере «Искры» (органе революционных марксистов начала 900-х г.г.). Иначе Троцкий, ознакомившись с суровой отповедью «Искры» по адресу тех, «кто слишком заботливо разменивает политическую борьбу против самодержавия на требование отдельных уступок от самодержавия»**), наверное поспешил бы печатно выразить свое недоумение и стал бы вопрошать, как вопрошает теперь: но что же собственно «вообще означает обвинение в размениваниии революции на борьбу за частные права»?

Быть может, наконец, Троцкому довелось когда-нибудь прочитать прекрасные строки против теории частичных требований в брошюре . . . Мартова: «Красное Знамя в России», написанной, когда Мартов был еще революционным социал-демократом. Л. Мартов писал тогда против «экономистов»:

*) «Вадемекум», стр. 18.

**) «Искра» № 1, ст. «Насущные задачи нашего движения».

...«Задача борьбы за коренное изменение государственного строя отодвигалась вдаль, а в ближайшую очередь ставилось завоевание отдельных политических прав (отчего бы Мартову не указать г-дам Левицким, что эти последние повинны как раз в том же самом?)... Эта надежда побуждала социал-демократов в своей агитации на место вопроса о политической революции, перемещающей государственную власть из одних рук в другие, говорить только о политических реформах, завоевываемых народом при сохранении старой власти».

По «новому» Троцкому выходит, что «старый» Мартов был просто-напросто «анархистом».

Может быть, Троцкий слышал о «знаменитой» статье теоретика экономистов Б. Кричевского (ныне божьей милостью — синдикалист), в которой уже прямо сказано: ...«Сначала (борьба) за ближайшие политические требования, а затем за всю нашу политическую программу»*).

Зато Троцкий несомненно знаком с еще более «знаменитой» статьей А. Мартынова в № 10 «Рабочего Дела» («Обличительная литература и пролетарская борьба»). Мы не сомневаемся в этом потому, что Троцкий в своем выступлении против противников «петиционной кампании» целиком... повторил аргументацию «знаменитой» статьи Мартынова. Вы не верите? Читайте и убедитесь!

Для удобства сопоставления мы помещаем параллельно наиболее важные места из «знаменитой» статьи Мартынова и из «приложения» к «Правде», которое имеет все шансы стать столь же знаменитым, как в свое время пресловутое приложение к газете «Рабочая Мысль» (орган крайних экономистов).

Экономисты писали:

...«У «Искры»... задачи пропаганды отодвигают на задний план задачи агитации... Она («Искра») с самого начала фиксировала все свое внимание на задаче пропаганды... «Искра» суживает до-нельзя сферу революционного воздействия. Если бы «И.» продолжала вестись в таком духе, она имела бы, вероятно, прочный успех среди известного круга оппозиционных читателей, но она не имела бы успеха среди революционных деятелей... «Искра» выступает «как верховная инспекция»... и т. д.

«Ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, — читаем мы в

*) «Раб. Дело» № 7, стр. 21.

первом номере «Искры». Эту одностороннюю тактику она («Искра») сознательно или бессознательно возводит в принцип».

...«Наша партия могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий. ...Такие требования не были бы пустым звуком, потому что, суля осязательные (гм! гм!) результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой («Рабочее Дело» № 10, стр. 39, 43, 47, 52, 54).

Троцкий пишет:

...«Не вернуться ли к чистому пропагандизму?... Противники петиционной кампании «поистине находятся в плену у иллюзий утопического пропагандизма»... Они «приняли от буржуазных якобинцев буржуазную республиканскую программу, но не пропитали ее социальным содержанием классовой борьбы»...

«Отказываться от планомерной агитации за «частные» классовые требования пролетариата значит по существу отказаться от классовой тактики, ибо что тогда останется?

«Долой самодержавие!» — вот единственная революционная «кампания», которую придется признать законной. Но ясно ведь, что революционное движение, целиком подчиненное голому общедемократическому лозунгу, было бы совершенно лишено характера классовой борьбы... «Не мы создаем... борьбу за частное право»... «эта борьба — объективный процесс»!.. «Мы вообще не заведуем историческим процессом» (Приложение к № 24 «Правды», стр. 2, 5, 9).

Как видит читатель, Троцкий и Мартынов (эпохи рабочедельчества) выдвигают в основном одни и те же обвинения против революционных социал-демократов. Когда революционные с.-д. предлагают защищать отдельные требования рабочего класса в неразрывной связи и постоянном освещении их с точки зрения общих революционных и социалистических задач, экономисты и Троцкий объявляют это «иллюзией чистого пропагандизма». И «почему бы нам», — прибавляет, желая быть ехидным, тот же Троцкий, — «почему бы нам вообще реальное классовое движение пролетариата... не заменить одной хорошей популярной брошюрой» (там же, стр. 9)... Ну, что до «реального классового движения пролетариата», то его наши эпигоны экономизма упоминают, конечно, всуе. С реальным классовым движением пролетариата идут (и пойдут) рука об руку именно революционные с.-д., которым их «чистый пропагандизм»

никогда не помешает принимать самое деятельное участие во всей повседневной, самой будничной и, на взгляд фразеров, мелочной и невзрачной борьбе рабочих. Ничему бы не были так рады наши ликвидаторы, как если бы революционные с.-д. действительно уклонились в сторону «чистого пропагандизма» в действительно сектантском смысле слова. Но этого не будет никогда, как не было и до сих пор. Не об этом идет речь в нашем споре с ликвидаторами. Читатель видит теперь, что когда Троцкий обвиняет нас в «чистом пропагандизме», то действительный смысл этих слов заключается в том, что сам Троцкий стоит здесь обеими ногами на почве «чистого экономизма». При другой обстановке, в других выражениях, но спор у нас с ликвидаторами тот же, что в свое время у революционных с.-д. с «экономистами».

Нельзя противопоставлять революционной борьбе завоевание частичных прав; вырывание и изолирование отдельных требований нашей программы есть вода на мельницу либералов, — говорим мы.

«Выделение одного пункта (право коалиций) из программы-минимум должно вести к разрыву связи с нашей партией и к отказу от революционных задач», — говорят вместе с нами меньшевики-партийцы. (См. «Диск. Лист.» и оценку т. Плехановым лозунга: «борьба за легальность» в его статьях в Ц. О. и «Дневнике»).

...«Петиционная кампания дорога нам именно тем, что она выдвигает конкретный лозунг вместо вечного повторения звонких фраз («фраз» о социализме и революции, господа!), что сторонники ее не твердят: «Дума плоха, никуда не годится», — говорит «Наша Заря» (см. статьи Богданова ([13]) и друг.).

А Троцкий, всецело и всемерно присоединяясь к ликвидаторам, с невинным видом вопрошает: «но что вообще означает обвинение в разменивании революции на борьбу за частные права?»

Недавно Троцкий поставил вопрос еще более ясно:

...«Чтоб борьба за республику не была голым (!) лозунгом для немногих (!!)», необходимо признать, что у русских с.-д. «нет сейчас более важного и всеобъемлющего лозунга, как свобода союзов, собраний и стачек» («Правда», № 22).

Вместо того, чтобы говорить рабочим: вам нужна демократическая республика, и вы должны добиваться ее потому, что

она означает и свободу печати, и свободу стачек, и свободу крестьян от подлых насилий крепостников-помещиков, — вместо этого республика объявляется «голым» лозунгом «для немногих», а свобода союзов и собраний — «всеобъемлющим» лозунгом.

Позиции достаточно ясны. Напрасно говорят, что Троцкий в политических спорах внутри партии всегда занимает «среднюю», гермафродитскую позицию — ни с ликвидаторами, ни с марксистами *) — и лишь в области организационных споров идет с ликвидаторами. Мы видим здесь, что и в очень крупных политических вопросах Троцкий вполне стоит на точке зрения ликвидаторства и экономизма.

Ликвидаторы всю свою «петиционную кампанию» сознательно вели вокруг ими изолированного, оскопленного и противопоставленного нашей революционной программе лозунга: «свобода коалиций».

«Лозунг: «борьба за право коалиций» в том его изолированном, оторванном виде (курс. подл.), в каком его преподносят ликвидаторы, в его противопоставлении (курсив подлинника) «несбыточным мечтам утопистов» о цельном и общем, конечно, примут и принимают с распростертыми объятиями либералы. И понятно, почему: в таком виде этот лозунг и есть либеральный лозунг», — так писал журнал «Мысль» (№ 3, стр. 80) **) и был совершенно прав. Для революционных

---

*) Эти слова были написаны до того, как в № 11 «Нашей Зари» появилась статья Троцкого и его заявление о том, что он «с удовольствием» становится постоянным сотрудником сего малопочтенного издания. Не гора к Магомету, так Магомет к горе... Что ж, в добрый час, и — совет вам да любовь! Только зачем же Троцкий изображает дело так, будто это ликвидаторы «эволюционировали» и тем дали ему возможность объединиться с ними. Правда, все-таки, прежде всего: не Потресов пошел к Троцкому, а Троцкий к Потресову. И это как нельзя более знаменательно для судеб всего нашего так называемого «примиренчества», красой и гордостью которого является Троцкий...

**) Посмотрите, что сделал из этого заявления «Мысли» Л. Мартов! «Большевистско-плехановская «Мысль», — пишет он, — старается подорвать «коалиционную кампанию» софистическим утверждением, что свобода коалиций есть не что иное, как «чисто либеральное требование». («Голос» № 25, стр. 8). Недурно подтасовано! Стоит только опустить слова статьи из «Мысли»: «в том его изолированном виде, в каком его преподносят ликвидаторы, в его противопоставлении» и т. д., стоит только «забыть» слова из той же статьи о том, что марксисты «должны, разумеется, уделять свое внимание и борьбе за свободу коалиции вообще и

марксистов применение ликвидаторами знаменитой теории «частичных прав» было лишним доводом за то, чтобы высказаться против надуманной и искусственной петиционной кампании. С точки зрения Троцкого это был лишний довод, чтобы высказаться за эту «кампанию». Как же! Ведь «вся международная социал-демократия» разделяет теорию Мартынова и Кричевского о либеральной борьбе «за права».

«Чистый пропагандизм» (т.-е. революционный социал-демократизм) или чистый экономизм?

Для всякого социал-демократа, не принадлежащего к школе экономизма и ликвидаторства, выбор не труден.

IV. Вокруг «петиционной кампании».

— Так вы отрицаете петиционный способ протеста при всех и всяких условиях и на все и всякие времена? Так вы, как самые обыкновенные «бойкотисты», просто-напросто отказываетесь, значит, от парламентских способов воздействия? Так вы попросту идете за вами же оспариваемыми «отзовистами»? — Подобными «убийственными» вопросами спешат забросать нас теоретики и практики ликвидаторства.

Отвечаем: — ошибаетесь, господа; мы оспариваем не петицию вообще и вовсе не петиционный способ воздействия, как таковой, независимо от условий места и времени.

Вам это непонятно, господа? Приведем пару примеров. Как известно, формула: «борьба за легальность» (в ее ликвидаторской концепции) вытекла из отказа ликвидаторов от классической идеи русского марксизма — идеи гегемонии пролетариата въ буржуазной русской революции и в освободительной борьбе вообще. Из ликвидаторской концепции «борьбы за легальность»

профессиональных союзов в частности» (там же, стр. 82), — и дело в шляпе. Мартов «доказал» что большевики «против» союзов, что они «социалисты против рабочих». Больно уж дешевые лавры, г. Мартов. Ведь всякий видит, что это простая, белыми нитками сшитая фальсификация. В изолированном виде, в его противопоставлении социализму и революции лозунг: «свобода коалиций», конечно, есть либеральный лозунг. И сам Мартов вынужден в «Голосе» же (№ 25, стр. 8) признать, что свобода коалиций в этаком виде была «некогда признанной либералами и их программой». Зачем же явно обманывать своих читателей? Неужели принципиальная позиция ликвидаторов так слаба, что они шагу не могут ступить, чтобы не произвести какого-нибудь литературного неприличия?

вытекла, далее, более частная формула борьбы «за свободу коалиций» опять-таки в оправе ликвидаторской философии. Наконец, в полной последовательности, из ликвидаторской постановки «борьбы за легальность» и мирной «борьбы за свободу коалиций» вытекла та «петиционная кампания», идейными вдохновителями которой являются ликвидаторы. Но подумайте, господа: когда русские революционные с.-д. выступают против ликвидаторской концепции «борьбы за легальность», неужели они тем самым выступают против необходимости для рабочего движения свободных условий развития, т.-е. против легальности вообще, против борьбы за политическую свободу вообще? Да нисколько!

Марксисты выступают только против ликвидаторского извращения этой борьбы, против вырывания отдельных положений из общего программно-тактического контекста, против такого противопоставления частного общему, которое (противопоставление) равносильно отрицанию общего, равносильно отрицанию социализма и революции.

Когда все западно-европейские революционные марксисты выступают против центральной ревизионистской формулы (провозглашенной Э. Бернштейном): «движение — все, конечная цель — ничто», — неужели, господа, вы полагаете, что марксисты тем самым борются против «движения» вообще, что они «отрицают» движение? Разумеется, нет! Марксисты протестуют только против такого противопоставления «движения» «конечной цели», которое равносильно отрицанию этой последней, т.-е. опять-таки равносильно отрицанию социализма и революции. Mutatis mutandis (в конце концов), та борьба, которую ведут русские революционные с.-д. против ликвидаторской концепции изолированных лозунгов: «борьба за легальность», «борьба за свободу коалиции», «петиционная кампания» и т. п., имеет в основном тот же смысл, что и борьба германских ортодоксальных марксистов против германских ревизионистов.

Лассаль говорил: «Искусство всякого практического успеха состоит в том, чтобы в каждый данный момент концентрировать все силы на одном самом важном пункте, а не рассеивать их направо и налево». Ревизионисты всех стран истолковывают это правильное положение Лассаля в том смысле, что важна не конечная цель, не общий и целостный комплекс, а «положительная работа» на частных деталях. Иначе говоря — они изоли-

руют частное от общего, они вырывают его из целого и тем обесцложивают его.

Но вернемся к вопросу об использовании парламентских способов воздействия. Использование это в переживаемую полосу третьеиюньской монархии безусловно обязательно для революционной социал-демократии. Если некоторые отзовисты под флагом борьбы с ликвидаторской петиционной шумихой пытаются протащить отрицание парламентского воздействия вообще, то этим попыткам наших полу-анархистов должен быть дан самый решительный отпор. Полюбуйтесь, например, на известного отзовиста С. В. ([14]) (единственный, кажется, «впередовец», не скрывающий, что он отзовист), который в № 3 сборника «Вперед», под видом борьбы с петиционной кампанией, борется с социал-демократической тактикой вообще и, пытаясь издеваться над социал-демократией, иронизирует по поводу обстреливания (социал-демократами) буржуазии «из бездымных, беззвучных и безвредных пушек депутатского красноречия» *). Когда читаешь этакую фразу, видишь перед собою, как живого, типичного анархиста с его жалкими, навеянными мелко- (15) буржуазной психологией ужимками против социал-демократического использования парламентаризма и его псевдо-революционной декламацией во славу «прямого действия», которое на деле целиком идет на пользу буржуазии... Но в том-то и дело, что ликвидаторство и отзовизм—два родные брата, что ликвидаторство неизбежно питает отзовизм, — и наоборот. Внутренняя логика общественного развития современной России захотела, чтобы на пути революционной социал-демократии стали два этих буржуазных «уклонения», оба одинаково требующих от всех действительных с.-д. непримиримой войны с ними, войны огнем и мечом.

Использование социал-демократией третьеиюньского «парламентаризма» обязательно.

Но есть парламентское воздействие и парламентское «воздействие», есть использование и «использование». Когда ликвидаторы чрез головы наших с.-д. думских депутатов обращаются к председателю черной Думы г. Родзянко, когда они урезывают нашу программу, вырывают один пункт ее и противопоставляют его революционным требованиям; когда они пишут свою петицию так, что заурядный рабочий неизбежно понимает ее как чело-

*) Сб. «Вперед» № 3, стр. 40.

битную, как ходатайство (еще раз: см. статью меньшевика Н-ва, констатирующего, что «в массе петиция понималась как просьба, как ходатайство»), — тогда происходит использование буржуазией ликвидаторов и тех, к счастью, немногих, рабочих, которые за ними идут. И наоборот: когда рабочие развернут (как это и предлагают революционные с.-д.) кампанию по поводу неслыханных гонений на рабочие союзы, поставив в тесную связь требование свободы коалиций со всей нашей программой, со всеми нашими революционными лозунгами; когда они укажут на тесную связь между гонениями на союзы и всей третьеиюньской системой, которая может быть низвергнута только новой революцией; когда они смогут мобилизовать в этой кампании значительные слои рабочих для действительной борьбы; когда нам удастся организовать массовые митинги, манифестации, систематическую и массовую посылку от рабочих адресов, наказов, обращений и резолюций в нашу думскую социал-демократическую фракцию; когда на этих митингах, в этих массовых наказах и обращениях в думскую с.-д. фракцию рабочие станут беспощадно разоблачать антирабочий и антинародный характер 3-й Думы и заявят, что не от Думы, а от революции, от своей собственной борьбы они ждут получения свободы классовой борьбы (и в том числе свободы коалиций), — тогда мы будем иметь налицо использование социал-демократией третьедумского «парламентаризма», тогда мы будем иметь социал-демократическое применение «парламентских» средств борьбы.

Но не все ли равно, посылать ли петиции по адресу Родзянки и Гучкова, или посылать наказы и резолюции в думскую с.-д. фракцию, — возражают нам ликвидаторы (см. ст. Л. Мартова в «Голосе»). Ведь от слова не станется, и не в названии дело.

Нет, далеко не все равно, господа. Тот и другой метод парламентского воздействия имеет свою внутреннюю логику. Обращение к с.-д. фракции, фракции революционной и социалистической, не может быть понято даже самыми отсталыми рабочими как ходатайство, как просьба к черной Думе, чтобы она «дала» нам свободу коалиций. Чтобы убедить рабочего подписать обращение в думскую с.-д. фракцию, надо волей-неволей объяснить ему, что это за фракция, какова ее программа, какова ее деятельность в черной Думе, каково отношение этой Думы к социал-демократам и т. д. Тут обязательно происходит работа с.-д. просвещения рабочих. Мы уверены, что даже

если бы ликвидаторы стали организовывать наказы в с.-д. думскую фракцию (а не Родзянке), они бы не говорили тоном «ходателей», они стали бы критиковать Думу, а не замалчивать ее деяния и не критиковать тех, кто критикует черную Думу (как это делают ликвидаторы, Богданов и др.).

Наши западно-европейские товарищи, когда они переживали полосу, в некоторых отношениях похожую на нашу, тоже не считали, что это «все равно», куда обращаться.

Вот один крайне поучительный эпизод из истории рабочего движения в Германии времен исключительного закона против социалистов.

В 1882 году, т.-е. когда рабочее движение не успело еще оправиться от нанесенного ему исключительным законом удара, в профессиональном движении Германии наблюдались большие колебания. Из рядов деятелей профессионального движения выступил видный рабочий-позолотчик Эвальд с проектом подачи петиции о законодательной охране труда. Петицию он сначала предлагал адресовать Бисмарку ([15]). Затем, под давлением рабочих, согласился направить ее *и* Бисмарку *и* рейхстагу и, наконец, — одному рейхстагу. Эвальд вначале встретил поддержку только со стороны антисемитов («христианско-социалистической партии»). Среди с.-д. он вызвал даже подозрение (как оказалось, неосновательное), не состоит ли он в сношениях с полицией. Что же предлагали тогда германские с.-д.? Они говорили рабочим на публичных собраниях, посвященных вопросу о петиции: у вас есть в рейхстаге шесть рабочих с.-д. депутатов; они единственные ваши верные друзья, только от них вы можете ждать защиты ваших интересов, только к ним вам следует обращаться. Эту позицию защищали с.-д. депутаты Фроме, Газенклевер. Отстаивать эту точку зрения явился на решающее собрание и В. Либкнехт, которому, однако, полиция не дала говорить *) . . . Через некоторое время германские с.-д. осуществили принципиально иной вид тоже своего рода «петиции». Они на своем собственном с.-д. законопроекте об охране труда собрали до полумиллиона подписей рабочих, манифестировав таким образом поддержку парламентской с.-д. фракции сотнями тысяч рабочих... Разумеется, современная поли-

---

*) См. об этом подробнее у Бернштейна (т. II «Рабоч. движ. в Берлине»), у Меринга (т. IV «Ист. Герм. С.-Д.») и у Шмеле (т. I).

тическая обстановка в России во многом радикально отлична и от эпохи исключительного закона в Германии. В Германии в это время задачи буржуазного развития — хотя и на буржуазно-юнкерский, бисмарковский лад — были уже решены. Не то в России. Нам предстоит новая революция. Но если уж заимствовать и подражать, то не следует ли подумать о морали, вытекающей из только что рассказанного германского эпизода...

Конечно, при свободе агитации, когда (как теперь в Германии) «петицию» по адресу прусского ландтага наши германские товарищи дополняют сотнями и тысячами митингов и собраний, десятками ежедневных газет, миллионами листков, уличными манифестациями и т. п., когда они самым широким образом объясняют массам смысл «петиции», ставят ее в связь со своими революционными и социалистическими требованиями и т. д., — они не стоят перед опасностью, что рабочие поймут их петицию как ходатайство и просьбу. Но, когда этих условий не было налицо, германские социал-демократы (16), как мы видели, считались с этой опасностью.

Указывают на то, что западно-европейские социал-демократы всегда в своей агитации уделяют много внимания отдельным злободневным вопросам, жгучим для масс злобам дня. Еще бы! Иначе они были бы кабинетными доктринерами, а не деятелями массовых рабочих партий. Но это ничего общего не имеет с теорией «частичных требований», противопоставляемых всей программе. Возьмите, например, первомайскую агитацию. В каждой стране революционные социал-демократы связывают эту агитацию со злободневными вопросами данного момента. В 1911 году в Германии общую первомайскую пропаганду связывали с протестом против новых расходов на вооружение и против дороговизны, во Франции—с протестом против марокканских (17) авантюр и т. д. Однако, что сказали бы наши западно-европейские товарищи, если бы кто-нибудь, подражая российским ликвидаторам, стал проповедывать им, что дело *не* в «старых, избитых фразах» о социализме, а дело—в протесте против авантюр в Марокко.

Наши ликвидаторы поступают именно так. Осуществляя свою теорию «частичных требований», они на практике доходят до того, что прямо проповедуют затушевывание, например, черносотенного характера нашей 3-й Думы. Полюбуйтесь, скажем, на следующую реплику ликвидаторской «Нашей Зари»:

«Политика великих праздников должна быть оставлена ...Выставив положение «борьба за свободу коалиции», передовые петербургские рабочие (Левицкий со Смирновым, *а не* петербургские передовые рабочие. — *Г. З.*) осуждают тактику громкой фразы».

«Как же иначе бороться за свободу, — восклицает та же «Наша Заря», — безустанным повторением общих мест? отказом от дела в интересах звучной фразы» *).

Если эти слова «Нашей Зари» имеют какой-нибудь смысл, то только один: нужна *не* «политика великих праздников», а нужно «организоваться на мелочах и частностях», как выражается в той же статье Б. Богданов. В переводе на простой язык это и значит, что ликвидаторы проповедуют рабочим: нужна *не* борьба за коренной переворот, за революцию, а нужно «трезво» добиваться частичных улучшений, нужно *не* «безустанное повторение общих мест» (о революции и социализме), а нужна «борьба за права», нужны «осязательные» «частичные требования». Если это не противопоставление лозунга свободы коалиций всей сумме наших требований (в духе: «движение все, конечная цель—ничто»), если это не изолирование, не отрывание частного от общего,—то что же это такое?

Всякий, кто сомневается насчет характера проповеди «Нашей Зари», пусть читает дальше указанную статью:

«Характерно, что она (петиционная кампания) выливается не в форме старых избитых фраз: Дума скверна, никуда не годится, укрепляет реакцию и пр.» **).

Здесь ликвидаторы не только замалчивают реакционный характер черной Думы, не только не критикуют ее, *но уже критикуют тех,* кто ее критикует. Конечно, далее у «Нашей Зари» следуют соответственные оговорочки, но ясно, что ликвидаторская постановка петиционной кампании имеет свою внутреннюю логику. Дальнейшая агитация ликвидаторов по поводу петиционной кампании показала с полной определенностью, что ликвидаторы создают даже целую теорию—о прямой обязанности для сторонников петиции замалчивать реакционный характер 3-й Думы.

---

*) «Наша Заря» № 3, 1911 г., стр. 69, ст. г-на Б. Богданова.

**) Там же стр. 70.

Вы не верите, читатель? Вы полагаете, что мы преувеличиваем грехи ликвидаторов? Почитайте сами!

Как помнит читатель, нынешним летом состоялось «совещание деятелей легальных рабочих организаций». Это совещание, которое, как доказал Плеханов, приняло решение в духе раскаявшегося ликвидаторства, между прочим, высказалось и о петиционной кампании. Совещание признало полезность подачи петиции. Вместе с тем, повидимому, хорошо зная умонастроение нераскаянных ликвидаторов, оно сочло нужным подчеркнуть, что в петиции «должно быть ясно оговорено, что рабочие на 4-ю Думу не возлагают надежд, а пользуются ею, чтобы огласить свои требования».

Кажется, чего естественнее! Кажется, бесспорная истина для всякого социал-демократа! Не так посмотрела на это «Наша Заря». Она поместила по этому поводу статью, в которой совещание деятелей легального движения обвиняется... как бы вы думали, в чем?—ни больше, ни меньше, как... в большевизме.

...«Необходимо, чтобы защитники (петиционной кампании) не повторяли своих противников, а между тем они нередко поддаются влиянию большевистской идеологии, оперируют при помощи категорий, заимствованных из большевистского арсенала. Кто в этом хочет убедиться, пусть прочтет хотя бы резолюцию о борьбе за право коалиций, вынесенную недавним совещанием деятелей легальных рабочих организаций».

Так пишет «Наша Заря» в № 9-10 за 1911 г., стр. 21. Статья написана крайним ликвидатором из бундовцев, В. Коссовским. Редакция не делает даже никаких обычных для нее оговорочек. Она, значит, в данном вопросе всемерно согласна с Коссовским, а не с совещанием легальных деятелей.

«Наша Заря» делает нам, большевикам, величайший комплимент. Стоит кому-нибудь сделать хоть один шаг *от* нераскаянного ликвидаторства *к* социал-демократизму, как «Наша Заря» немедленно объявляет такого мытаря и грешника «большевиком».

Послушаем дальше, *за что* «Наша Заря» ругает совещание легальных деятелей большевиками.

— «С агитационной точки зрения, — пишет «Н. З.», — этот прием (сказать то, что есть: что рабочие «не возлагают надежд» на 3-ю Думу. *Г. З.*) ничего, кроме вреда (sic!), принести не может, так как необходимым условием вовлечения рабочих масс

в движение за какое-нибудь конкретное требование является вера в то, что их борьба будет иметь осязательный (гм!) успех; убеждать же рабочих, что все их усилия воздействовать на Гос. Думу путем петиций не в состоянии вынудить у правящих классов никаких уступок, значит» и т. д.

Недурно для начала?

«Наша Заря» берет быка за рога. Чтобы вовлечь массы рабочих в ликвидаторскую «петиционную кампанию», есть одно средство: чтобы рабочие «верили», что Дума им «даст» свободу коалиций, что «кампания» будет иметь «осязательный успех». А поэтому: да здравствует насаждение такой «веры» среди рабочих! И да сгинут все «большевики»—в том числе и совещание легальных деятелей — мешающие насаждению такой «веры» и предлагающие говорить рабочим прямо, что 3-я Дума не сделает и не может сделать «осязательных» уступок рабочему классу!

Такова логика позиции ликвидаторов. Это вовсе не один Коссовский зарапортовался. Начиная свою петиционную кампанию и подгоняя ее под пресловутую «борьбу за легальность», говорили: мы делаем это для разоблачения Думы. Кончили тем, что говорят: не разрушайте «веры», что Дума «даст» свободу коалиций, а то рабочих не «вовлечешь» в «кампанию», и они не станут (не стали!) подписывать нашу петицию. Каких еще доказательств нужно, что ликвидаторы проводят буржуазное влияние на пролетариат? Ведь это прямая проповедь обмана рабочих.

«Указанный прием (совещания легальных деятелей, предупреждающих рабочих, что не надо возлагать надежд на черную Думу) не выдерживает критики и в других отношениях: он не может быть оправдан исторически... Он не может найти себе достаточного оправдания и в условиях теперешней России, так как нет никакого основания (!) заранее и раз навсегда решать, что, каковы бы ни были ситуации в близком будущем, петиционное движение во всех случаях неизбежно обречено на практическое бесплодие... Чистейшей метафизикой является мысль о том, что до такой-то политической черты в данном строе... исключена возможность коалиций, а за этой чертой эти возможности начинают процветать»,—продолжает «Наша Заря» (там же, стр. 21, 22).

Вот «до жизни какой» дошли ликвидаторы. «Чистейшей метафизикой» является думать, что черная Дума не может

«дать» рабочему классу свободы коалиций! Вы не «чистейшие метафизики», господа, а чистейшие либералы.

«Петиционная кампания», как движение рабочих масс, в России, в лето от Р. Х. 1911, есть миф. Ее не было. В действительности была либеральная проповедь ликвидаторов, пытающихся вносить буржуазный разврат в рабочее движение. Именно против последнего, против этой либеральной проповеди—и только против нее—мы и выступали и выступаем.

V. Политические кампании и игра в «политические кампании».

Прошел год. На таком расстоянии игра в «петиционную кампанию» выглядит особенно мизерной. Вся игрушечность, кабинетность, искусственность этой «кампании» особенно наглядны в свете той действительной политической кампании русских рабочих, свидетелями которой мы были в последние месяцы. Мы говорим, конечно, о кампании протеста против каторжного и провокаторского приговора над втородумской с.-д. фракцией. Это была действительная массовая кампания рабочих или, по крайней мере, *начало* такой кампании.

Имеющиеся у нас уже сейчас сведения показывают, что в эту кампанию протеста против царской шайки непосредственно втянуто не менее 30 тысяч рабочих. По вычислениям даже буржуазных газет, в одном Петербурге в митингах протеста участвовало не менее 10 тысяч пролетариев. Многочисленные митинги состоялись в Риге, Киеве, начинается движение в Москве, Ростове, отчасти в Западном крае, в Польше, слышны рабочие голоса из таких далеких окраин, как Астрахань, Барнаул. Рабочие, по крайней мере передовые слои их, встрепенулись. Движение имеет все шансы продолжаться.

Вдумайтесь в политический смысл этого движения! Чем ликвидаторы всегда защищали свою теорию частичных требований? Тем, что старые революционные лозунги для рабочих будто бы превратились в «мертвые слова», что рабочему надоели «революционные фразы» и «общие места», что ему более доступны и понятны требования отдельных прав, что только такие осязательные требования способны подвинуть рабочих на борьбу. Совершенно так же, как крайние экономисты в свое время уверяли, будто рабочего может двинуть на борьбу только

требование «пятачка на рубль». А что показала наша русская политическая действительность? Она показала, что первое сколько-нибудь массовое движение русских рабочих в начале перелома, в начале новой полосы контр-революции произошло именно в связи с традициями революции, именно в связи с вопросом о низвержении всего режима 3-го июня.

Образ нашей втородумской с.-д. фракции в сознании масс запечатлелся, как образ передовых бойцов революции. Ее судьба переплелась с судьбой нашего революционного движения. Именно воспоминания революции, переживания, связанные с революционной порой, вызвали движение последнего месяца.

Не тогда зажигались сердца пролетариев, когда интеллигенты-ликвидаторы у себя въ кабинете придумали: теперь вам, рабочим, полагается учинить петиционную кампанию, при чем, конечно, вы не должны думать о «старых, избитых фразах» о революции, а должны выступить как «трезвые» политики. Нет, ряды рабочих—пусть пока только передовые ряды, пока лишь десятки тысяч рабочих—зашевелились именно в связи с эпизодами революции. Случайное разоблачение провокаторской шайки—мелькнуло видение революции, ожил образ передовых борцов последней эпохи—и по напряженным рядам рабочих пробежал спаявший их электрический ток. Без сговора, без шумных криков о «политических кампаниях» рабочие выступают и говорят свое слово, не взирая ни на какие полицейские неистовства. Это теперь — факт: наибольший отклик среди рабочих масс встретили именно наиболее революционные выступления с.-д. депутатов 3-й Думы ([18]), наиболее решительные республиканские их речи.

Кто же стоял во главе этой действительной и пока единственной массовой кампании русских рабочих? Ликвидаторы, у которых «массы» и «массовое» всегда на устах? Патентованные крикуны, у которых с уст не сходят слова о «политических кампаниях», и знахари à la Троцкий, уверяющие, что стоит только рабочим объединиться на лозунге: «вон из Персии! ([19])» или «вон из Финляндии!», и все разногласия среди с.-д. как рукой снимет? Да ничего подобного! Кампанией митингов и всей кампанией протеста руководили социал-демократы анти-ликвидаторы, в большинстве случаев большевики, те самые с.-д., о которых Мартов облыжно писал: «социалисты против рабочих».

Таков факт. И сколько бы ни клялись массами Троцкий, Потресов и К°, а придет время, и какой-нибудь их же собствен-

ный Левицкий, т.-е. откровенный и, если можно так выразиться, честный ликвидатор, опять отметит:

«...В дореволюционный период, да за немногими исключениями и после, **большевики** имели большее влияние на массы... большевики были более точными выразителями этого движения» *).

Предоставим же петиционную и иную шумиху Троцкому, Мартову и их друзьям. Сами же будем настойчиво и терпеливо продолжать свою работу с.-д. агитации, пропаганды и организации, как и работу очистки нашего с.-д. движения от плевел ликвидаторства и отзовизма...

Л. Мартов, желая изобличить нас, большевиков, в непоследовательности, недавно указал: смотрите, они теперь отказываются помогать подаче нашей петиции в 3-ю Думу. Сами же в 1906 году входили с «ходатайствами» в столь же реакционные провинциальные думы по поводу борьбы с вздорожанием продуктов. Мы очень благодарны Л. Мартову за это его напоминание. Оно почти так же кстати и так же говорит в пользу его позиции, как его сопоставление петиционной комедии с чартизмом. Действительно верно, что мы, большевики, в 1906 году приняли деятельное участие в кампании борьбы с дороговизной жизни. Но эта кампания была действительно массовым движением и, как небо от земли, далека была от той пародии на массовое движение, какое мы видели у ликвидаторов. Вот как описывает один участник этой кампании 1906 года движение, разыгравшееся на этой почве в одном из уголков центральной России — в Кинешме:

«... В один базарный день съехавшиеся со всего района в торговый центр, Кинешму, крестьяне и рабочие к ужасу своему услышали от купцов, что цены на хлеб возросли вдвое; местная с.-д. группа своевременно отрядила нескольких товарищей для устройства на площади митинга. Появился на крыше дома оратор. Импровизированный митинг продолжался, никем не нарушенный, несколько часов, была выбрана депутация для переговоров с купцами и городской управой — депутация, впоследствии

---

*) Это признание ликвидатор Левицкий сделал в № 7 «Нашей Зари» за 1910 г., стр. 93. Левицкий далее признал, что «организационные построения» меньшевиков (ликвидаторов) в особенности отличались надуманностью и даже доктринерством» (там же).

и получившая столь популярное название — «хлебная комиссия». В депутацию вошли в большинстве партийные рабочие, и таким образом сразу руководство движением перешло к Кинешемской группе.

На другой день забастовали все фабрики и заводы, и на базарной площади с утра до вечера беспрепятственно происходили митинги.

И вскоре солидарность купцов рухнула. Некоторые из них согласились продавать хлеб по старой, нормальной цене. Это была большая победа; под угрозой бойкота сдались и остальные купцы. Нормальные цены были восстановлены, крестьянство было удовлетворено. Не то было с рабочими: забастовавшие рабочие предъявили ряд требований экономического и политического характера; хлебная комиссия не распустила себя, наоборот, она была пополнена представителями бастующих рабочих, образовался своего рода Совет Рабочих Депутатов, — движение, несмотря на некоторые уступки капиталистов, наростало; популярность комиссии росла неимоверно, растерявшаяся администрация исполняла волю комиссии, митинги продолжали регулярно устраиваться. Так продолжалось около двух недель *).

В таких «ходатайствах» мы всегда примем самое деятельное участие. И с подлинными массами всегда будем именно мы, да будет вам это ведомо, г-да ликвидаторы.

Чтобы оправдать «петиционную кампанию», Троцкий обеспокоил даже Каутского, Меринга и других представителей международного социализма. На произведенную Троцким «анкету» **) названные товарищи вполне правильно отвечали, что в принципе массовые петиции не только не отвергаются социал-демократией, но считаются ею при известных обстоятельствах весьма подходящими, а что касается конкретно российской петиционной кампании, то о ней они судить не могут.

Каутский писал:

«В вопросе о целесообразности петиции я судить не могу. Это тактический вопрос, на который иностранец не может ответить».

---

*) См. «Пролетарий» № 26.

**) Текст петиции Троцкий, как это видно из того, что он сам печатает в «Правде», сообщил европейским товарищам в несколько исправленном и улучшенном виде, например, с умолчанием об обращении к 3-й Думе со словами: «господа народные представители!»

*

Отто Бауэр высказался так:

«Вы, конечно, не ожидаете от меня ответа на вопрос, целесообразна ли петиция рабочих в Думу при данных российских условиях, в настоящий момент. Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь точное знакомство с политической и социальной средой, чего у меня нет; только сами русские т.т. призваны дать здесь ответ».

Меринг, как с умилением замечает сам переусердствовавший Троцкий,

«в своем поучительном ответе ни разу даже не упоминает (sic!) о петиции».

Какой характер придали ликвидаторы своей агитации в связи с «петиционной кампанией» и насколько эта кампания была действительно кампанией, т.-е. движением масс — об этом наши европейские товарищи, конечно, не осведомлены. Виктор Адлер, например, советовал Троцкому: «назовите обращение рабочих Sturmpetition—петицией бури». Несомненно, что Адлер (20) не знал, что на этой петиции всего... 1.295 подписей (вот так «штурм», вот так «буря»!). Впрочем, некоторые толкуют совет Адлера иначе. В. Адлер очень остроумный человек и, быть может, просто хотел подшутить над нашими «чартистами» печального образа...

Нет, игру в «кампании» пора бросить. Эта игра и выдумывание игрушечных кампаний, остающихся на бумаге, способны только скомпрометировать идею планомерной агитации и фактически являлись данью **слабости** движения, не позволявшей до сих пор проводить на деле серьезные кампании.

Вопрос о завоевании полной свободы коалиций есть вопрос огромной важности как для российского, так и для международного пролетариата.

В Америке буржуазия доходит до того, что деятелям профессионального движения в минуты острой борьбы угрожает смертной казнью.

Во Франции огромные категории рабочих не имеют еще свободы союзов, и республиканская буржуазия свято блюдет традиции своих предков, лишивших (во имя «равенства, братства и свободы»!) рабочих свободы союзов сейчас же после первых побед Великой Французской революции.

В Германии правящие классы, чувствуя усиление социал-демократии, делают натиск на свободу коалиций.

В Англии, классической стране конституционной свободы, в последние годы мы были свидетелями неоднократных покушений правящих классов на свободу союзов.

Борьбу за свободу организации ведут и поведут дальше не на жизнь, а на смерть рабочие России. Но для успешного проведения этой борьбы надо помнить, что у нас в России вопрос стоит так:

Хочешь свободы союзов—борись за новую победоносную революцию!

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I. О «петиционной кампании».

Резолюция, принятая всероссийской конференцией Р. С.-Д. Р. П. 1912 г. ([21]).

1. Видя своего главнейшего врага в рабочем движении, контр-революция, в лице правительства и 3-й Думы, преследует его во всех его формах, систематически нарушая даже те «легальные возможности», которые остались у рабочего класса в результате революции.

2. Этот режим постоянно ставит широкие рабочие массы перед тем фактом, что даже их элементарные права (в первую очередь свобода коалиций) не могут быть осуществлены без полного свержения царской монархии.

3. Пущенная в обращение зимой 1910 г. группой петербургских ликвидаторов петиция и агитация, которой они ее сопровождали, вырывали требование свободы коалиций из всей суммы революционных требований рабочего класса. Вместо того, чтобы указывать рабочим, что для завоевания полной свободы коалиций в России необходима революционная борьба масс за основные требования демократии ([22]), ликвидаторы проповедывали на деле так называемую «борьбу за право», т.-е. либеральную борьбу за «обновление» режима 3 июня посредством частичных улучшений.

4. Названная кампания, в силу конкретных условий русской политической жизни и положения рабочих масс, неизбежно превратилась в чисто формальное и мертвое подписывание бумажки, не встретив никакого отклика и не пробуждая политического интереса в массах.

5. Судьба данной петиционной кампании явно подтвердила неправильность и оторванность от рабочей массы всего начинания: петиция собрала всего 1.300 подписей, при чем во всех

партийных организациях, **без различия фракций и течений**, петиционная кампания не встретила абсолютно никакой поддержки, а равно не сочла возможным принять участие в ней и наша думская с.-д. фракция.

6. Кампания рабочих митингов в связи с судьбой 2-думских депутатов и демонстрации рабочих в отдельных городах 9 января 1912 года показали, что самодеятельность рабочих масс направляется вовсе не в сторону таких средств, как петиционная кампания, и идет вовсе не под знаменем «частичных прав».

Конференция, исходя из всего вышесказанного,

1) призывает всех с.-д. разъяснять рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиций, при чем необходимо постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах;

2) признавая, что при известных условиях массовая рабочая петиция может быть весьма пригодной формой протеста, находит, что в России в переживаемую эпоху петиция является одним из наименее пригодных средств с.-д. агитации.

II. Проект резолюции о «петиционных кампаниях», внесенный меньшевиком-партийцем ([23]), делегатом Екатеринославской организации.

Обсудив вопрос о «петиционных кампаниях», конференция констатирует, что

Проводившаяся «коалиционная кампания» потерпела крушение за отсутствием объективных условий, достаточных для ее проведения.

Начатая кампания проводилась вне и помимо предварительного обсуждения партийными учреждениями, почему и не встретила отклика даже в кругах передовых рабочих, в виду неясного содержания ее.

Принимая во внимание, что оживление среди рабочих на почве экономической борьбы, а также политическое оживление— начавшиеся митинги и надвигающаяся предвыборная кампания— могут дать возможность использовать и этот способ протеста,—

конференция рекомендует обсуждение на местах этого вопроса и, в зависимости от характера надвигающихся указанных выше условий, проводить и такие кампании, при условии выдер-

жанного с.-д. текста этих петиций, агитации о значении петиции, ее массового характера и направления через с.-д. фракцию.

Автор резолюции был на конференции содокладчиком по этому вопросу. Проект этой резолюции был отклонен конференцией всеми голосами против внесшего его.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Брошюра издана Центральным Органом Р. С.-Д. Р. П. в Париже в 1912 г.

[2]) Н-в — Негорев, он же Н. Иорданский, тогдашний издатель «Современного Мира». Н. Иорданский в настоящее время является членом Р. К. П.

[3]) Бойкотисты — крайнее левое направление в большевизме, настаивавшее на бойкоте Думы.

[4]) Органы ликвидаторов, в которых они проповедывали необходимость уничтожить нелегальную партию.

[5]) В 1911-12 г.г. т. Троцкий издавал за границей газету «Правда», которая пыталась занять промежуточное положение между большевиками и меньшевиками и примирить их. Практически его позиция была все же гораздо ближе к меньшевизму.

[6]) Левицкий, Потресов и Смирнов—самые ярые ликвидаторы.

[7]) Летом 1910 и 1911 г.г. наблюдалось некоторое оживление после невероятного политического гнета, последовавшего после подавления революции, когда среди масс усилилась психологическая реакция.

[8]) Восьмичасовой рабочий день, Учредительное Собрание, земля для крестьян — это были по тогдашнему времени «три кита» большевистских требований.

[9]) Здесь имеется в виду Г. В. Плеханов, который в области теории решительно боролся против ликвидаторства, но в вопросах практики, в частности в вопросах петиционной кампании, сильно колебался.

[10]) Дело идет о венской газете «Правда», издававшейся тов. Троцким.

[11]) Бернштейн—духовный отец и вождь ревизионизма. Его последователи—бернштейнианцы.

[12]) Кускова—общественная деятельница либерального толка. Ныне враг Советской России, не гнушающийся всякой клеветой.

[13]) Один из рьяных представителей ликвидаторства. Играл видную роль в рабочей группе военно-промышленного комитета, а затем в первом Петроградском Совете 1917 г.

[14]) Дело идет о Станиславе Вольском.

[15]) Бисмарк—«железный канцлер», один из творцов империалистической Германии, автор «исключительного закона» против социал-демократии.

[16]) В этом и в других местах германская социал-демократия сильно идеализирована. Не следует забывать, что печатаемые статьи писались в годы, когда германская социал-демократия находилась еще в зените славы. Только в 1914 г., в начале империалистской войны, контр-революционная роль германской социал-демократии стала вполне ясна.

[17]) В 1910-1911 г.г. особенно обострилось стремление Франции к захвату, если не юридическому, то фактическому,—Марокко. В связи с этим угрожало возникновение осложнений с Германией. Можно было опасаться войны, и против этого протестовала французская социал-демократия.

[18]) Напротив, соглашательские выступления фракции вызвали протесты со стороны организованных рабочих (см. протест П. К. против первых шагов фракции, направленный в Ц. К.).

[19]) Царское правительство в описываемое время вело особенно наглую политику в Персии. Широкие рабочие массы, однако, не были и не могли быть глубоко затронуты этим вопросом. «Кампания» под лозунгом «вон из Персии» была искусственна.

[20]) Виктор Адлер—один из стариков в рядах австрийской социал-демократии. Во время войны руководил соглашательской политикой.

[21]) Конференция эта состоялась в начале января 1912 г. в Праге. Эта конференция имела большое значение для судеб большевистской партии. На ней впервые после долгих лет развала, вызванного контр-революцией, была восстановлена нелегальная партия. Эта конференция закрепила разрыв между большевиками и меньшевистско-ликвидаторским крылом рабочего движения.

[22]) Читатель, который будет несколько удивлен терминологией, должен вспомнить, что это писалось в 1912 году.

[23]) Меньшевики-партийцы—те из меньшевиков, которые говорили о необходимости сохранить нелегальную партию и усилить ее работу. Таким образом они практически выступали против ликвидаторов, которые говорили только о «легальных возможностях» и ничего не хотели слышать о нелегальной партии.

ПЕРВЫЕ ШАГИ С.-Д. ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ ([1]).

„«Лучше пусть партия стоит выше своих парламентских героев, чем обратно».

Фридрих Энгельс.

Русская социал-демократия делает только первые шаги на арене парламентской борьбы. Всего в течение каких-нибудь 5 лет рабочий класс России имеет своих представителей в русском, с позволения сказать, «парламенте» — Государственной Думе. Какой незначительный, какой короткий срок по сравнению с западно-европейскими с.-д. партиями, из которых некоторые имеют за собой уже многие десятилетия парламентского опыта и у которых, поэтому, в области парламентской работы все идет гладко, по накатанным рельсам.

Конечно, русские социал-демократы могли и должны были использовать в парламентской борьбе весь тот богатый опыт, который накопился в сокровищнице западно-европейской социал-демократии. Они и использовали его в весьма значительной степени. Речь не могла итти, однако, о простом повторении или копировании западно-европейских социалистов. Достаточно указать на **два** важных обстоятельства, поставивших русскую социал-демократию в совершенно иные условия.

Западно-европейские социал-демократы действуют в странах установившейся буржуазно-политической свободы, установившихся более или менее прочных буржуазных отношений во всей социально-политической жизни. Между тем русская социал-демократия начала свою работу на парламентской арене в период **переходный**, когда общественные отношения еще не отлились в нечто прочное и надолго установившееся, когда все находится еще в брожении и когда стране еще предстоят бури, ломки и резкие пертурбации. Ясно, что при таком положении вещей и парламентская работа русской социал-демократии должна была носить отпечаток этих особых условий.

Это — одно отличие.

Самый состав парламентского представительства создавал для русской социал-демократии серьезные трудности. Германская

социал-демократия, например, уже в первых своих парламентских выступлениях имела в числе депутатов действительных вождей движения — Бебеля и Либкнехта. Французские социалисты — Гэда и Лафарга. Там и избирательный закон и вся общественная обстановка были таковы, что социалисты имели возможность на парламентскую трибуну проводить своих старых испытанных вождей, которые издавна руководили жизнью всей партии. Этого не позволяли и не позволяют до сих пор наши русские условия.

И все-таки русская социал-демократия может с чувством глубокого удовлетворения смотреть на пройденный ею путь парламентской работы. Более того: даже ортодоксально-марксистское крыло русской социал-демократии (большевики), для которого внешние условия создавали особенно неблагоприятную обстановку в деле парламентской работы, — даже оно может быть довольно достигнутыми на парламентской арене результатами.

И в 1-й, и во 2-й, и в 3-й Государственных Думах в социал-демократических фракциях большинство принадлежало правому крылу русской социал-демократии (меньшевикам). Это было не случайное, а закономерное явление. Рабочий класс — главная арена влияния ортодоксальных марксистов — в массе своей лишен избирательных прав. «Попутчики» из мелко-буржуазных слоев населения играли у нас в России при данных условиях еще большую роль, чем на Западе, и понятно, что эти попутчики менее всего могли выдвигать ортодоксальных марксистов (классический пример — Кавказ, где с.-д. депутатов выбирают крестьяне и мелкие землевладельцы в гораздо большей степени, чем рабочие). Если даже в германской социал-демократии ревизионисты, имеющие во всей партии около $^1/_5$ части, в парламентской фракции теперь достигли половины, то вполне понятно, что в России пропорция для противников ревизионизма должна была быть еще менее благоприятной.

С первого взгляда положение было таким, что оставалось ждать самого худшего. Можно было ожидать, что оппортунистические влияния приведут с.-д. фракции к цепи оппортунистических ошибок, что парламентский кретинизм соберет в России особенно обильную жатву.

К счастью, на деле не получилось этого. Прежде всего, сам рабочий класс, взбудораженный и всколыхнутый до дна великими событиями пятого года, окружил первые две с.-д. фракции такой атмосферой непримиримости, что уклон вправо часто был психо-

Виднейшие участники Пражской конференции.

Серебряков.

П. Залуцкий.

Ф. Голощекин.

логически невозможен. Сколько раз, например, на наших глазах героический Петербургский пролетариат, которому принадлежит в этом отношении особо почетная роль, с успехом предостерегал втородумскую с.-д. фракцию от ошибок и колебаний. Логика всей политической борьбы данного исторического периода была такова, что сами события толкали вперед спотыкающихся и выравнивали линию, несмотря на сильнейшие оппортунистические влияния.

Неизбежность разгона первых двух Дум (²), которая чувствовалась всеми, акт 3 июня, обращение с 3-й Думой со стороны правительства, образ действия правых партий, измены либералов, фактическое хозяйничанье Пуришкевичей, которое буквально ощущалось каждым демократом, — все это создавало те условия, при которых сама Дума для действительных народных представителей становилась школой политического реализма в лучшем смысле этого слова. Можно ли было думать о мирном «врастании» в обновленный «конституционно-правовой» строй вдумчивому депутату 3-й Думы, который каждый день воочию убеждался в том, что современная «конституция» целиком служит интересам Марковых, Пуришкевичей, Замысловских (³)? Можно ли было долго настаивать на идее блока с.-д. с кадетами рабочим депутатам 2-й и 3-й Дум, каждый раз видевшим собственными глазами, как кадеты предают демократию и заигрывают с реакцией?

Несмотря на фракционные симпатии большинства, социал-демократические фракции в Думе сплошь и рядом отступают от меньшевистской тактики и на деле зачастую ведут себя по-большевистски.

Достаточно вспомнить несколько примеров. Во время первой Думы крупнейшие споры в лагере демократии велись вокруг вопроса о том, сделать ли своим главным очередным требованием лозунг думского (т.-е. кадетского) министерства. Осью всех тогдашних политических споров внутри социал-демократии стал именно этот вопрос. Меньшевики, издавна проповедывавшие блок с кадетами, целиком высказались за то, чтобы сделать своим это требование. За это высказались официальные учреждения партии, находившиеся тогда в руках меньшевиков. Меньшевики развили огромную агитацию за поддержку требования кадетского министерства. И что же? Меньшевистская перводумская фракция, выступление которой по этому

вопросу могло бы иметь первостепенное значение для меньшевиков, не поддержала самого важного боевого лозунга меньшевистской политики. Это надо приписать, конечно, главным образом давлению Петербургского пролетариата, резко высказывавшегося против политики блока с кадетами и за старые неурезанные требования.

Приблизительно так же сложились отношения и во втородумской фракции. Лучший из меньшевиков, тов. Церетели ([4]), признал официально (в своем отчете Лондонскому конгрессу), что в очень важных вопросах меньшевистской фракции приходилось действовать «по-большевистски». Эта фракция, несмотря на свои теоретические симпатии, осуществляла на деле гораздо больше «левый блок» с трудовиками, нежели столь излюбленный меньшевиками блок с кадетами.

Теперь возьмите с.-д. фракцию 3-й Думы. В ней меньшевики имели огромное преобладание. Она в первую полосу своей деятельности совершала не раз крупнейшие политические ошибки. Все же она скоро стала на правильную дорогу, отбросила тактику так называемой «органической» работы, признала первенствующим агитационный метод работы, порвала со «сведущими людьми» из крайних ревизионистов, создала такую атмосферу, при которой последовательному ликвидатору Т. О. Белоусову *) оставалось только отрясти прах с ног своих. Эта фракция войдет в историю, как фракция, действовавшая против ликвидаторов и ревизионистов.

Оглядываясь назад на отдельные вопросы парламентской тактики, мы с удовольствием видим, как много и на этой арене жизнь решила в пользу последовательных марксистов против оппортунистов.

Во второй Думе на первом, казалось бы, мелком вопросе о выборе председателя Думы столкнулись две тактики: меньшевики, во имя блока с кадетами и из боязни «изолирования» пролетариата, предлагали голосовать за кадета Головина и этим

*) Кстати о Белоусове. Его пространное заявление о выходе из с.-д. фракции, описывающее, как третья фракция от колебаний переходила к анти-ликвидаторству,—лучший документ защиты тактики большевиков. Мы полагаем, что историческое письмо Белоусова, похваливающего Л. Мартова и в то же время открыто отрицающего основы политики международного марксизма, давно уже пора опубликовать. Надеемся это сделать в одном из следующих номеров «Просвещения».

создать импозантную демонстрацию «единства всей оппозиции». Меньшевики и провели эту тактику на деле. В 3-й Думе меньшевики большинством голосов провели решение голосовать за правого либерала Н. Н. Львова при выборах товарища председателя Думы—тоже во имя «единения всей оппозиции».

Кому же, кроме крайних ликвидаторов, придет теперь в голову осуществлять такую тактику? С.-д. фракция 4-й Думы без всяких колебаний стала на ту точку зрения, которую всегда защищали большевики, и нисколько не побоялась «изоляции».

Такую же эволюцию пережил и другой вопрос, также связанный с вопросом о блоке с кадетами: вопрос о совещаниях «всей оппозиции», т.-е. о хождении на совещания с кадетами.

Во втородумской фракции меньшевики провели решение ходить на совещания не только с кадетами, но и с польскими октябристами («народовцы»). Идею создания информационного бюро с.-д. с трудовиками они отвергли, как недопустимую «ересь», и постановили образовать информационное бюро непременно с включением кадетов. В третьедумской с.-д. фракции в начале ее деятельности было то же самое.

В настоящее время фракция 4-й Думы, без особых трений, подавляющим большинством (кажется, ни один депутат не голосовал против) отклоняет хождение к кадетам на совещания «по принципиальным соображениям» и признает желательность постоянных совещаний только с представителями крестьянства—трудовиками. Разве это не огромный шаг вперед?

Приблизительно то же повторяется и в вопросе о декларациях с.-д. фракции в начале каждой из Государственных Дум.

Декларация третьедумской фракции делала громадные уступки либеральным*) влияниям и вызвала тем самым резкие протесты со стороны рабочих. Для декларации втородумской фракции меньшевики принципиально защищали тот взгляд, что в ней, т.-е. декларации, не должно быть места социализму и что она должна быть чисто-демократической. В 3-й фракции были попытки конституироваться ей не как фракции, т.-е. определенному органу, подчиненному целому (5),—а просто как свободной «с.-д. группе».

А ныне? Как ни хотелось бы ликвидаторам, чтобы с.-д. фракция 4-й Государственной Думы «эмансипировалась» от целого (6)

*) Может быть, теперь не будет уже нескромностью сообщить тот факт, что проект этой декларации написан «самим» г. Потресовым (7).

и стала чем-то самодовлеющим; как ни хотелось бы ликвидаторам, чтобы новая думская с.-д. фракция выставила вместо старых требований «пересмотр аграрного законодательства» и т. п. хлам,—на деле мы все же получили социал-демократическую, а не ликвидаторскую, декларацию, являющуюся громадным шагом вперед по сравнению с прошлым. Получили не без борьбы, не без трений, но—получили...

Марксисты не смотрят на своих депутатов, как на каких-то «сверхлюдей», непогрешимых и не подлежащих критике. Когда депутаты делают ошибки, партия указывает на них совершенно открыто, исправляя ошибки фракции, добиваясь того, чтобы взгляды социал-демократии предстали перед массами в их подлинном виде. Это—лучший способ поставить парламентскую работу с.-д. на должную высоту и лучшее средство против демагогии анархистов и синдикалистов, сплошь и рядом спекулирующих исключительно на ошибках отдельных с.-д. депутатов. Только тогда рабочие массы будут уважать парламентских представителей с.-д., когда они будут знать, что за ними стоит целая партия, отвечающая за этих депутатов, направляющая их деятельность и не стесняющаяся критиковать ее, когда она отклоняется от правильного пути. Перед нами живой пример, более чем убедительно показывающий, чего не делать. Это—Франция, где каждый депутат—сам себе господин, голосует, как вздумает, не подчиняется дисциплине и т. п. В этом—одна из причин засилия синдикалистов, создающих среди очень широких масс представление о депутате, как о презренном «quinze milles» («пятнадцатитысячнике» — во Франции депутаты получают 15.000 франков в год), оторванном от рабочих и рабочей партии.

Русские марксисты, к счастью, пошли и в этом отношении отнюдь не по «французскому» пути. Они публично критиковали ошибки 2-й фракции. Они самым официальным образом заявили относительно 3-й фракции, что, например, за такие шаги, как голосование за 4 миллиона на шварцовское (8) просвещение, рабочая партия на себя ответственности не берет.

Эта открытая критика дала превосходные результаты. Зубоскалили кадеты, охали и вздыхали любители «такта», «примирения» и «благочиния», но рабочие учились разбираться в самых сложных вопросах. Сами депутаты, благодаря исправлению ошибок, только выигрывали в глазах массы и сближались с ней.

Той же тактики должны придерживаться марксисты и по отношению к 4-й фракции, которой выпало на долю начать свою работу в особо ответственный момент, при наличии широкого подъема среди рабочих.

За короткое время своей деятельности с.-д. фракция 4-й Думы провела ряд прекрасных выступлений, заслуженно встреченных дружным одобрением всех передовых рабочих. Однако, у фракции были и ошибки, на которые надо открыто указать именно потому, что мы все единодушно признаем огромную роль и огромную важность работ нынешней нашей фракции, которую рабочие окружают атмосферой любви и внимания.

Главнейшие ошибки фракции связаны с национальным вопросом.

Так, тов. Чхенкели от имени фракции выступил с требованием «создания необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности», официально отвергнутых марксистами при выработке программы. Это требование «учреждений» есть псевдоним «культурно-национальной автономии», проповедуемой среди российских марксистов только националистически настроенными бундовцами и одобряемой лишь ликвидаторами. Простая справка с соответствующими материалами показала бы т. Чхенкели, что такая же точно формулировка «учреждений» была предложена 2-му съезду бундовцами и отвергнута после реплик Мартова, Кольцова и других. Такова формальная сторона.

По существу дела Г. В. Плеханов был вполне прав, когда недавно печатно указал, что бундовская культурно-национальная автономия есть не что иное, как «приспособление социализма к национализму». Если теперь «Наша Заря» дошла до жизни такой, что позволяет непоследовательному сионисту г-ну Коссовскому (которого сами бундовцы недавно обвиняли в национализме) свысока поучать Плеханова теории марксизма и взглядам с.-д. на национальный вопрос, то товарищу Чхенкели едва ли следовало бросать вызов подавляющему большинству марксистов обоих течений, т.-е. и большевикам и меньшевикам.

Взгляд российских марксистов на национальный вопрос достаточно известен. Они отстаивают:

«Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства, полное равноправие всех граждан, независи-

симо от религии, расы и национальности, право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов местного самоуправления необходимых для того школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка на-ряду с государственным во всех местных, общественных и государственных учреждениях» (9).

Это — ясно, точно и определенно. Единственно эти требования соответствуют принципам интернационализма. «Культурно-национальная автономия» или отныне знаменитые «учреждения» (Какие именно? — Скажите-ка точно, господа!) создают перегородки между рабочими различных национальностей, и потому защищать эти требования — не дело социал-демократов.

Другая ошибка фракции, это — резолюция о Ягелло (10). Здесь 7 членов фракции сделали уступку не только националистам, но и раскольникам. Условия выборов Ягелло достаточно выяснились в печати, и мы можем быть кратки по этому вопросу. Авторы резолюции солидаризировались с Бундом, выступившим не с социал-демократами Польши, а против социал-демократов. Шаг Бунда Плехановым правильно охарактеризован, как раскольнический, и сторонники единства такого шага поддерживать не должны были. Резолюция — внутренне противоречива. Она не дает голоса Ягелло во внутренних делах социал-демократии и дает ему этот голос в думских делах, создавая неверное представление, будто одно оторвано от другого. Она говорит о «росте сознания» среди еврейской буржуазии там, где следовало говорить только о свалке двух буржуазно-националистических групп. И главное — она разжигает раскол среди польских рабочих (это-то уже факт) и мешает делу всероссийского единства. Беря на себя решение вопроса о единстве с П. П. С. (11), авторы резолюции не хотели считаться с формальными решениями и пытаются разрешить сами то, что разрешить может только целое, т.-е. все марксисты, *как коллектив*.

Обе эти ошибки тем серьезнее, что сделаны они не по недосмотру. Товарищи были предупреждены. Все 6 рабочих депутатов, прошедших по рабочей курии, то-есть представители $^9/_{10}$ всей рабочей России, голосовали против указанных постановлений. Майоризация представителей огромного большинства рабочих случайным одним голосом со стороны людей, желающих защищать единство, была особенно непростительна.

Нельзя не упомянуть и об ошибочном голосовании фракции за октябристскую формулу «прогрессистов» при заключении прений о министерской декларации. Это уже частность и упущение, по поводу которого кадеты напрасно пришли в такой восторг.

Хочется верить, что фракция даст решительный отпор тем, кто хотел бы возвести в принцип эти отдельные ошибки и кто объявляет перлом создания именно эти отклонения от правильной линии. Хочется надеяться, что на установление правильной линии, соответствующей принципам подавляющего большинства марксистов обоих течений, потребуются не годы, а только месяцы. Жизнь идет таким быстрым темпом, что фальшивые ноты будут особенно резать слух. Ответственность, возложенная на фракцию, столь велика, что плодить недоумения среди передовых рабочих будет особенно преступно.

Твердой, выдержанной линии непримиримого марксизма; в политике — поддержки действительного единства, т.-е. единства снизу, создаваемого самими рабочими; во внутренних делах — решительного отпора ликвидаторству и ревизионизму и защиты неурезанных требований рабочего класса — вот чего вправе ждать от фракции русские марксисты.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Первые шаги с.-д. парламентаризма в России» — статья, помещенная в № 1 журнала «Просвещение» (январь 1913 года).

2) Разгон 2-й Государственной Думы и изменение избирательного закона 3 июня 1907 года.

3) Замысловский — крайний правый, избранный «истинно-русскими» людьми в Вильне.

4) Ираклий Церетели был «лучшим из меньшевиков» во 2-й Государственной Думе, но к моменту революции 1917 года превратился в худшего меньшевика, социал-соглашателя и палача рабочего класса.

5) Автор живо вспоминает первое заседание третьедумской фракции, состоявшееся полулегально на квартире у Н. Д. Соколова. На этом заседании Чхеидзе, а также Гегечкори усердно ратовали за то, чтобы фракция конституировалась, как «свободная социал-демократическая группа».

6) Под целым здесь разумеется нелегальная партия в целом.

7) Потресов — крайний правый меньшевик, идеолог ликвидаторства.

8) Шварц — министр народного просвещения, сводивший на-нет всю автономию школы и расправлявшийся жандармскими мерами со студенчеством.

9) Это место представляет собою выдержку из старой программы Р. С.-Д. Р. П., принятой на съезде партии в 1903 году.

*

[10]) Ягелло—рабочий, член Польской Социалистической Партии (Левицы), оппортунистической и ликвидаторской, проведенный голосами П. П. С. и Бунда против польских с.-д. большевиков.

[11]) Вопрос о вхождении П. П. С. в состав с.-д. мог быть решон только всероссийским партийным съездом.

О ТОМ, КАК БУНДОВЦЫ РАЗОБЛАЧИЛИ ЛИКВИДАТОРОВ (1).

К национальному вопросу.

Пресловутая ликвидаторская «конференция» (август 1912 г.) занялась, как известно, и национальным вопросом. В этом вопросе, как и в ряде других, она отреклась от старого идейного знамени российских марксистов. Вот что было принято там по этому вопросу:

«Выслушав сообщение кавказской делегации о том, что как на последней конференции кавказской организации, так и в литературных органах этих организаций выяснилось мнение кавказских товарищей о необходимости выставить требование национально-культурной автономии,—конференция, **не высказываясь по существу этого требования**, констатирует, что такое толкование пункта партийной программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, **не идет в разрез с точным смыслом последней**, и высказывает пожелание, чтобы национальный вопрос был включен в порядок дня ближайшего съезда» (подчеркнуто нами.—*Г. З.*).

Мы утверждаем, что в этих немногих словах содержится прямая измена старой программе, совершонная хотя и весьма трусливо, но все-таки вполне сознательно.

Спор о «культурно-национальной автономии» есть старый спор русских марксистов (и большевиков и меньшевиков) с бундовцами. Бундовцы — **вместе со всеми буржуазными еврейскими партиями и группами** — давно отстаивают культурно-национальную автономию. В течение ряда лет русские марксисты **всех** течений вели самую решительную борьбу против этого, по справедливому выражению Г. В. Плеханова, «приспособления социализма к национализму». Программа, выработанная всеми русскими марксистами в 1903 г. (II съезд), решительно **отвергла** «культурно-национальную автономию *). Из-за этого требования, как и всей националистической поли-

*) Подробнее о не-марксистском характере этого требования см. статью К. Сталина в № 3 и 4 журн. «Просвещение».

тики бундовцев, велась большая литературная и организационная борьба.

Все это, конечно, отлично знали вдохновители ликвидаторской «конференции», хотя бы уже потому, что они сами принимали в свое время весьма деятельное участие в борьбе против этих националистических притязаний Бунда.

Мы понимаем, что ликвидаторы могли изменить свое убеждение и прийти к тому выводу, что бундовцы оказались правы, а программа, выработанная в 1903 году, оказалась ошибочной. С ликвидаторами можно было бы тогда спорить по существу, но их нельзя было бы упрекать в идейной нечестности, в торговле принципами.

Ликвидаторы поступили не так. Они, во-первых, ухитрились высказаться за требование Бунда, «не высказываясь по существу этого требования» (новый способ обсуждения вопросов: не высказываясь по существу . . .); а во-вторых — и это главное — они приняли грех на душу и вопреки очевидности заявили, будто бундовское требование «не идет в разрез» с программой всех русских марксистов, выработанной в 1903 году.

Последнее утверждение есть заведомое для его авторов . . . отступление от истины. Не лишне напомнить по этому поводу дебаты, происходившие в свое время при обсуждении пункта, касавшегося права на самоопределение.

Вот что мы читаем в этих дебатах (2):

Гольдблат (бундовец) находит недостаточным те пункты «нашей программы», которые обеспечивают демократическую конституцию. Необходимы еще «специальные требования, обеспечивающие права национальных меньшинств» . . .

«Я считаю необходимым, — кончает он, — создание особых учреждений, которые обеспечивали бы свободу культурного развития национальностей, и потому предлагаю прибавить к § 8 — «и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития».

Мартынов указывает на то, что общие учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого особого учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальности.

Егоров. В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т.-е. мы против всяких стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела

до того, будет ли та или другая национальность развиваться, как таковая. Это — дело стихийного процесса.

Кольцов. Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходит речь об их национализме. Между тем та поправка, которая внесена тов. из Бунда, чисто националистического характера. От нас требуют наступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают.

Либер (бундовец). Раз жупел национализма выплыл на сцену, то мы, вместо того, чтобы его бояться, должны поставить себе вопрос: существует ли национальный гнет? Должны ли мы его устранить? Или мы предоставляем той или другой национальности выделиться? Конечно, если какая-нибудь национальность не в состоянии жить в пределах России, то ей партия препятствовать не будет. Но в России есть целый ряд национальностей, которые не желают уходить, при чем они страдают от гнета. Как мог бы русский пролетариат развиваться, если бы интеллигентные классы русского общества не давали бы ему ничего из своей культуры. Между тем еврейский пролетариат не получает никаких благ от своей угнетенной интеллигенции. Следовательно, ради блага пролетариата необходимо гарантировать каждой национальности право на культурное развитие в рамках государства, иначе у нее явится желание выйти из его пределов.

Принято предложение о закрытии списка ораторов.

Мартов. Тов. Либер хотел бы видеть в нашей демократической конституции гарантии свободы национального развития. Эти гарантии не даются одной фразой, а тов. Либер не указал конкретно, каковы должны быть те учреждения, которые могли бы обеспечить эти права.

Костич. Каждая нация должна иметь такие учреждения, говорит т. Либер, и эти учреждения находятся в связи с тем организационным планом, который предлагает Бунд.

Поправка Гольдблата отвергнута большинством против трех. Предложение Либера было формулировано так: «Признание за всеми нациями, входящими в состав государства, права на самоопределение и на свободу их культурного развития». Предложение это отклонено большинством против четырех.

Бундовцы писали впоследствии по поводу принятия этого пункта:

«Мы внесли к этому пункту следующую поправку: «и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного

развития». Поднялся шум. Посыпались обвинения в национализме по нашему адресу. Особенно усердствовал в этом отношении Мартов . . .»

Кажется, ясно.

Притязания Бунда были признаны в свое время решительно противоречащими взглядам ортодоксальных марксистов на национальный вопрос. Столпы нынешнего ликвидаторства — Мартов, Мартынов, Кольцов — сами решительно выступили против указанных притязаний Бунда, а теперь эти господа заявляют: «не идет в разрез» с программой.

Всякому непредубежденному читателю ясно, что мы имеем здесь дело не с честной переменой убеждений на основании нового опыта и новых фактов, а с чем-то совсем иным. И большевики, и меньшевики-партийцы должны будут прийти к убеждению, что здесь действовали просто по правилу «do ut des» (³): мы (ликвидаторы) даем вам (бундовцам) индульгенцию насчет вашего национализма, а зато вы (бундовцы) даете нам (ликвидаторам) индульгенцию насчет нашего ликвидаторства.

Как бы там ни было, а мы не могли предполагать, что ликвидаторов постараются разоблачить . . . сами бундовцы.

Читатель, следящий за выступлениями с.-д. депутатов в 4-й Думе, знает, что под давлением ликвидаторов тов. Чхенкели — в отступление от с.-д. программы — позволил себе выступить с думской трибуны с защитой бундовской «национально-культурной автономии». Тов. Чхенкели выбрал только довольно прозрачный псевдоним для этой автономии. И большевики и меньшевики-партийцы, а также 6 рабочих депутатов, т.-е. огромное большинство марксистов, дезавуировали выступление тов. Чхенкели в этом пункте, заявив, что он в данном случае не выражал мнения с.-д. партии.

Ликвидаторы попрежнему пытались укрыться за формулу: «Не идет в разрез».

Вот тут-то их же собственные союзники-бундовцы безжалостно разоблачили их.

В № 9 еженедельника «Zeit» напечатана передовая статья: «Рабочие депутаты и национальный вопрос». Авторы полны радости, трубят в трубы и торжествуют победу по поводу речи тов. Чхенкели, ставшего целиком на сторону Бунда.

«Жизнь толкнула рабочих депутатов вперед», — торжествует передовик газеты «Zeit», — т.-е. к Бунду.

Забывши от радости о необходимости предосторожности, «Zeit» проговаривается следующим образом:

«Можно указать, что формула с.-д. была недостаточно ясна*). Совершенно верно. Но важно то, что рабочие депутаты сошли с окостенелой точки зрения, на которой стоит официальная теория в национальном вопросе. Возврат к прошлому уже невозможен. Важно то, что национальный вопрос поставлен (ими) совершенно иначе, чем он ставился раньше» («Zeit», № 9, передовая, столбец 3-й).

Это ясно и откровенно. В тот момент, когда ликвидатор собирается сесть в бест (4), спрятавшись за формулу: «культурно-национальная автономия не идет в разрез с официальной программой»,— в этот самый момент ему пересекает дорогу упоенный победой бундовец и во все горло возглашает: браво, ура, поздравляю тов. Чхенкели за защиту культурно-национальной автономии **именно** потому, что она **идет** в разрез со старой «окостенелой» точкой зрения, на которой стоит официальная теория в национальном вопросе.

Только-только собрался Троцкий (один из главных вдохновителей ликвидаторской конференции) поблагодарить господа бога за то, что он, не как иные прочие мытари и грешники, от старой программы не отрекался и ничего из прошлого не ликвидировал и «культурно-национальную автономию» благословил только потому, что она «не идет в разрез»,— как неумеренно обрадовавшийся бундовец торжественно возглашает всему честному народу, что «возврат к прошлому уже невозможен»...

Безжалостные бундовцы! Они получили от ликвидаторов по шейлоковскому проценту «фунт мяса». У них не хватает даже снисходительности выражаться осторожнее, чтобы не ставить ликвидаторов в столь безвыходное положение.

Раньше бундовцы, похлопывая по плечу ликвидаторов, снисходительно соглашались: ладно, будем говорить, что наши требования «не идут в разрез» с официальной программой; нам бы только индульгенцию получить. Теперь не выдержали и... ляпнули открыто: а ведь ваша официальная программа просто «окостенелая» теория, и хвалим-то мы вас, ликвидаторов, именно за то, что вы отреклись от нее...

*) Мы уже указывали, что тов. Чхенкели выбрал псевдоним культурно-национальной автономии. Он говорил о «создании необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности».

Вся эта комедия имеет и хорошую сторону. Вилять дальше ликвидаторы не будут в состоянии. Рабочие поставят вопрос ребром: какую программу защищаете вы, господа ликвидаторы, в национальном вопросе — старую марксистскую или националистическую бундовскую, против которой вы сами боролись в течение ряда лет? Мы, марксисты, защищаем старую, по словам националистов, «окостенелую» точку зрения.

А вы, господа? Вы поручите разрабатывать национальную программу полусионисту г-ну Коссовскому, который в «Нашей Заре» солидаризируется с чешскими сепаратистами, расколовшими австрийскую с.-д. партию.

Во всяком случае, потрудитесь дать ясный ответ.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «О том, как бундовцы разоблачили ликвидаторов» — статья помещена в № 3 «Просвещения», в марте 1913 года.

[2]) Нижеследующая выдержка является цитатой из нелегального издания протоколов 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П. Ныне часть протоколов переиздана легально.

[3]) «Даю с тем, чтобы и ты мне дал».

[4]) «Сесть в бест» в практике мусульманского Востока значит — укрыться в месте, охраняемом принципом неприкосновенности.

ЗАМЕТКИ О ЛИКВИДАТОРСТВЕ И ЕДИНСТВЕ[1].

— ... Главное теоретическое препятствие для дальнейшего развития нашего рабочего движения на основах социал-демократии лежит теперь — в недрах ее самой, в анти-социал-демократических взглядах, распространяемых под ее флагом.

(Из старого объявления о возобновлении изданий группы «Освобождение Труда». Подписано П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым).

I. Вокруг подполья.

Вопрос о так называемом «подпольи» попрежнему остается одним из самых важных вопросов, отделяющих марксистов от ликвидаторов. Прежде всего потому, что этот вопрос вовсе не есть только вопрос о формах организационного строительства, а на самом деле является вопросом о существовании самой партии в переживаемую эпоху. Не о технике спорят марксисты с ликвидаторами, не о том, каков должен быть стиль постройки, не о подробностях и не о том, как строить. Они на деле спорят о том, строить ли вообще то, что называют «подпольем». Всякий деятель, серьезно разбирающийся в спорах марксистов с ликвидаторами, знает, что это именно так.

В лагере ликвидаторов замечается припадок «объединительства»—любовь к «единству», и это бывает всякий раз, когда рабочие внушительно покажут им свою нелюбовь к ликвидаторству. Марксисты должны опять и опять поставить принципиальные вопросы, отделяющие их от ликвидаторов. Ликвидаторы должны сначала дать ясный ответ на эти принципиальные вопросы, а затем уже можно будет говорить об «единстве»...

Одну из самых ясных формулировок по вопросу об отношении ликвидаторов к «подполью» дал в свое время видный представитель ликвидаторства Ю. Ларин.

Эту классическую формулировку стоит воспроизвести полностью.

Вот она:

«...Эти попытки (т.-е. попытки укрепить и воссоздать так называемое «подполье») безнадежны теперь в силу того политического безделья и классовой пустоты (набрано жирным шрифтом у самого Ларина.—*Г. З.*), на какие неизбежно (?) обречены при данных условиях те нелегальные организации, члены которых считали бы увеличение численности своих организаций вернейшим путем создания партии и в строительстве организации видели бы поэтому сейчас главную свою очередную задачу» («восстановление иерархии»).

Так писал видный представитель ликвидаторства г. Ларин, соратник Дана, Мартова, Троцкого (в № 6 журнала «Дело Жизни» за 1911 год, на стр 15-й, столбец 1-й).

Этот писатель, не встречая ни малейшего протеста со стороны своих единомышленников, продолжает там же:

«При большом количестве политически невинных (курсив наш) молодых рабочих, при некотором повышении ныне интереса ко всему, что носит кличку «политика»... не так трудно слепить в каждом городе в непрочные «кружки пропаганды» пару сот человек». Все это добросовестное, но все же *маскарадное* предприятие не есть классовая партия, а только «одно недоразумение, способное вводить в заблуждение лишь политических младенцев»...

«Не шли и не идут в комитетские организации лучшие, сознательные и опытные рабочие... Долго даже малосознательный рабочий не согласится играть в организационные бирюльки — в выборы, перевыборы, голосования, переголосования — только для создания хотя бы видимости «времяпровождения». Ядро рабочей социал-демократии оказывается вне комитетских организаций, хотя бы те и звали его. Комитеты оказываются вне действительной политической работы, хотя бы ее и хотели»...

Так пишет тот же представитель ликвидаторства на стр. 15, 16, 17 и 18 указанного журнала.

Передовые рабочие России, соглашаясь на великие жертвы, небезызвестные и г. Ларину, бьются изо всех сил над тем, чтобы в каждом городе объединить хотя бы 50-100 своих товарищей. Ибо они знают, что и 50-100 передовых рабочих, понимающих свои классовые интересы, не мало сделают для рабочего движения. Ибо они видели, как 50-100 наиболее передовых рабочих, пользующихся уважением со стороны рабочей массы, вели

за собой, по пути классовой борьбы, освещенные идеями марксизма тысячи и десятки тысяч. А г. Ларин объявляет, что организовать-то («слепить в кружки») можно в каждом городе и «пару сот» человек, но что занятие это будто бы недостойно передовых рабочих, что это предприятие будто бы «маскарадное».

Нельзя яснее выразить свое отношение к «подполью», чем это сделал г. Ларин.

Не будем останавливаться на его указании, будто в «подполье» идут только «политически невинные, молодые рабочие». Ведь это звучит совершенно так же, как... опера из «Нового Времени»: злокозненное подполье завлекает в свои сети неопытных, «политически невинных» рабочих, политических младенцев» *)...

Г. Ларин только выразился яснее других ликвидаторов. В русских и зарубежных изданиях ликвидаторы усердно вторили ему в том же духе.

«Не строить партийную организацию предлагаем мы сейчас. Мы считаем всякую попытку в этом отношении бесполезной и могущей только повредить интересам движения в целом», — так писали ликвидаторы за границей.

«Нужно прямо сказать: у конспиративной партии теперь нет политических задач. Ей, нелегально-конспиративной, нечего делать, как организации массовой пролетарской акции политического характера».

«Нет, — пишет ликвидаторское «Возрождение», — никаких оснований утверждать, что легальная почва в наши дни слишком узка для того, чтобы рабочий класс избрал ее базой для своего организационного строительства и движения».

Можно бы привести подобные выдержки из ликвидаторских писаний еще в большем изобилии, но нам достаточно и одного того, что написал видный представитель ликвидаторства г. Ларин.

---

*) Впрочем, тут Ларин не одинок. Еврейские ликвидаторы (из бундовцев) тоже недавно напечатали: «Представьте себе этих взрослых еврейских рабочих с бородами, женами и детьми. Вы расскажете им о... неурезанном старом времени. Они равнодушно ответят вам и т. д.».

У ликвидаторов представление такое, что со «взрослым» рабочим можно говорить только о борьбе за копейку на рубль, а ко всему остальному «взрослый» и не «политически невинный» рабочий должен быть равнодушен. Это, конечно, клевета и на русских и на еврейских рабочих.

«Подполье» есть «маскарадное предприятие» для «политически невинных молодых рабочих».

Так говорит г. Ларин.

* *
*

Но тут на выручку г. Ларину спешит небезызвестный Троцкий. Троцкий, разумеется, по его мнению, «отнюдь не ликвидатор». Он просто... ну, просто-таки совершенно «нефракционный» с.-д., озабоченный только тем, как бы поскорее объединить всех. И вот этот нефракционный Троцкий, разумеется, торопится «спасти положение» тем, что с видом оскорбленной невинности заявляет: вот видите, какие злые фракционеры. Ведь Ларин говорил так более года тому назад. Теперь ликвидаторы примкнули к августовским решениям (2), теперь они сами отказались от некоторых крайностей. А злые «ленинцы» между тем выкапывают старые заявления отдельных лиц, чтобы помешать делу единства.

Далее следует, конечно, несколько страниц на тему о том, что фракционные кандалы впиваются железными тисками в живое мясо пролетариата, что теперь «самоуправляющийся» пролетариат уже ясно видит начавшийся процесс раскрепощения от фракций, что в Европе никто никогда не ссорится, живут мирно и дружно, по-«Троцкому», что все разногласия в России вызваны лишь спорами интеллигенции из-за влияния на незрелый пролетариат и т. д. и т. п.

У нас нет ни малейшего желания позволить «отнюдь не ликвидатору» Троцкому потопить действительные наши разногласия в его необычайно новых и талантливых ламентациях о кандалах на живом мясе и фракционном раскрепощении.

Мы категорически заявляем: мнение о «подполье», высказанное г. Лариным более года тому назад, отнюдь не устарело для ликвидаторов. Редакция нынешнего «Луча» целиком стоит и теперь на той же самой точке зрения. Самые новейшие официальные заявления не каких-нибудь отдельных сотрудников, а всей редакции «Луча» целиком совпадают с вышеприведенной оценкой «подполья» г. Лариным.

Мы это утверждаем, мы сейчас и докажем это неопровержимо.

Жил-был ликвидатор Л. Седов... Нет, надо начать еще с более ранних «событий»... Жила-была газета «Луч» (3), орган,

который будто бы является органом не ликвидаторским, а есть газета будто бы «марксистов разных направлений (¹)». Эта газета не так давно справляла юбилей выпуска 100 номеров. В 101 номере этой газеты появилась редакционная передовая статья («Рабочие массы и подполье»), действительно подводившая итог проповеди «Луча» за 100 номеров. В этой статье *) редакция откровенно заявляла:

— «Под влиянием всех последних гонений на легальные организации кое-где в рабочей среде даже (даже!) оживают и крепнут симпатии к «подполью». Мы нисколько не закрываем глаз на этот прискорбный, по нашему мнению, факт».

Статья эта своей ясностью, своим откровенным изложением символа веры «Луча» очень понравилась нам, марксистам. Мы стали эту статью перепечатывать, дабы читатели пошире ознакомились с откровенным ликвидаторством. «Луч» или отмалчивался, или выступал против нас, беря под свою полную защиту передовицу 101 номера.

Ровно через три месяца после 101-го номера, в номере 179 той же газеты, появляется новая статья — «Подполье». В ней г. Л. Седов объявляет себя автором знаменитой передовицы в 101 номере. И г. Седов, вместе с тем, целиком настаивает на своей архи-ликвидаторской статье в 101 номере «Луча».

«Оговорки», к которым теперь прибегает г. Седов, прямо жалки. Прежде всего оказывается, что статья в № 101 написана г. Седовым не столько по собственной инициативе, сколько «по просьбе некоторых рабочих-металлистов». Это, конечно, дела не меняет. Важно не то, кто «просил» г. Седова объявить современное подполье «прискорбным», а то, что у г. Седова хватило печального мужества такую «просьбу» выполнить, а у «Луча» — напечатать такую статью передовицей от имени редакции.

В свое оправдание г. Седов приводит далее тот факт, что среди рабочих-металлистов появилось «сильное течение в пользу образования нелегального (о ужас!) профессионального союза». Г. Седов и сам не говорит, чтобы кто-либо из рабочих доби-

*) Эта юбилейная статья настолько поучительна, что мы в № 2 «Просвещения» перепечатали ее полностью. Очень рекомендуем читателям тщательно ознакомиться со всей статьей «Рабочие массы и подполье».

вался нелегального союза вместо (а не вместе) легального... Все это имеет мало отношения к делу.

На самом деле, как рассказывает и сам г. Седов, его «разъяснение» статьи в № 101 вызвано двоякими упреками из среды сторонников «Луча». Одни говорили ему, что он неосторожно помог анти-ликвидаторам тем, что разболтал истинное отношение ликвидаторов к подполью. Другие упрекали в том, что он «раздувает» бегство рабочих в подполье, между тем как такого увлечения среди рабочих вовсе нет, и, стало быть, «опасность» для ликвидаторов не так уж велика. «Автор» не говорит, кто были те и другие. Но не много догадливости нужно, чтобы сказать безошибочно: первые, это—Троцкий и К⁰ (бундовцы писали, что передовица в № 101 «неудачна»...), вторые это—Мартов, Дан и К⁰.

Каковы бы ни были упреки, которые делались г-ну Седову его друзьями, он счел нужным поправиться, только... из кулька в рогожку. С различными оговорками («с одной стороны, с другой стороны» «поскольку—постольку»), г. Седов все-таки и в № 179 «Луча» находит, что подполье «является препятствием к политическому оформлению нашего движения, к построению рабочей с.-д. партии на прочных основаниях». «Нелегальная организация,—утверждает г. Седов,—как бы она ни строилась, требует деятельности весьма немногих единиц»... «Не воспевать подполье» должны, по мнению г. Седова, с.-д., а доказывать, что подполье есть временно неизбежное, но тем не менее мало желательное поприще для деятельности немногих. Центром деятельности самой нелегальной организации должна стать борьба за открытое существование рабочей партии» («Луч» № 179).

Читатель видит: г. Седов не только не отказался от своей статьи в № 101 «Луча», где он—а с ним вместе вся редакция—утверждал, что рост рабочих симпатий к «подполью» есть «прискорбный» факт. Нет, г. Седов в новой статье еще усугубил ликвидаторство своей позиции.

Как же поступила редакция «Луча», которая является представительницей всего направления. Она еще раз вполне солидаризировалась с г. Седовым.

Более того. Когда в том же «Луче» т. Ан (5) сделал самую робкую попытку указать на ренегатский характер статьи Седова, почтенная редакция «Луча» прочитала Ану длинную нотацию на

трех столбцах на тему о том, что прав Седов, а не товарищ Ан, и попутно высказала чисто ликвидаторские положения, которым мог бы позавидовать сам Ларин.

На этом инциденте стоит остановиться подробнее. Он бросает очень яркий свет на то, что творится в прогнивших насквозь ликвидаторских «верхах».

Ан—сторонник и сотрудник «Луча». Он и сам — в лучшем случае—не свел концов с концами насчет ликвидаторства. Это ясно хотя бы из заявления Ана: «я вполне согласен с автором (Седовым), когда он говорит, что борьба за открытую рабочую партию может вестись уже теперь и уже теперь необходимо не только указывать, но и вовлекать рабочих в эту борьбу».

В лучшем для него случае Ан не понял того смысла, который ликвидаторы вкладывают в лозунг: «борьба за открытую рабочую партию». Ан, повидимому, не желает принять второй части ликвидаторской формулы: «долой подполье». Он только не видит, что у ликвидаторов обе части — «открытая партия» и «долой подполье» — связаны неразрывно. Эта связь вовсе не случайна. На этот счет, например, г. Изгоев мог бы очень хорошо просветить т. Ана. Изгоев очень хорошо мог бы ему объяснить, почему лозунг «открытая рабочая партия» весьма приятен контр-революционным либералам, а «подполье» для них — нож острый. Вообще это, кажется, не такая головоломная штука — понять, что при нынешних исторических условиях в России «открытая партия» — контр-«подполье» — есть сдача позиций, отказ от старого и прекращение борьбы за старое.

Этого, повторяем, не видит или не желает видеть Ан, поместивший в № 181 «Луча» статью «Еще о подпольи». Он хотел бы, по немецкой поговорке, den Pelz waschen ohne ihn nass zu machen (6), т.-е. и принять ликвидаторский лозунг («открытая партия») и вместе с тем не сделать отсюда логически и политически неизбежного вывода («долой подполье»).

Неизбежную связь между тем и другим лозунгом показывает вся пятилетняя история ликвидаторства. Кто станет отрицать тот факт, что на деле во всей агитации ликвидаторов эти лозунги действительно были связаны? Этого нельзя, конечно, объяснить простой случайностью, простым уклонением отдельных лиц.

Одно дело—борясь за освобождение всего народа, тем самым бороться и за возможность открытого существования рабочей

партии. В этом случае последнее входит составной частью в первое, — открытая партия является простым следствием борьбы за общенациональное освобождение (7). Совсем другое дело подменять задачи общенационального освобождения борьбой только за свою собственную легальность («Такой борьбой», между прочим, никогда не завоюешь и собственной легальности).

Кто ставит главным лозунгом эпохи «борьбу за открытую партию», тот подменяет этим лозунгом борьбу за освобождение всей страны. По неумолимой политической логике выходит (и вышло) так, что кто выдвигает своим лозунгом «открытую партию», у того вся платформа сжимается до этого лозунга и исчерпывается им. В этом смысле лозунг «открытая партия» при данных условиях означает сдачу позиции...

Однако, вернемся к возражениям со стороны тов. Ана г. Седову.

При всех своих симпатиях к «Лучу» и при всей своей доброжелательности к ликвидаторству, Ан все же видит себя вынужденным относительно софизмов г. Седова сказать следующее:

«Автор» (т.-е. Седов) в своем истолковании передовой статьи № 101 «Луча» допускает, что подполье является препятствием к политическому оформлению... Признать неизбежность данного явления не означает признания его ценности. Землетрясение неизбежно, но оно страшно вредно.

«... По его мнению (по мнению Седова) подполье не совсем желательно, но и не совсем нежелательно, оно мало желательно. Вывод отсюда один: чем скорее освободимся от этого маложелательного явления, тем лучше... Вредит с.-д. скорее их (организаций) отсутствие, а не их чрезмерный избыток. Много мужества надо тем, кто при этих условиях создает подполье» («Луч», статья Ана, № 181).

Ан очень робок в своих возражениях последовательному ликвидатору Седову. Ан, повидимому, даже предполагает, что весь спор ведется только в плоскости организационных вопросов. Странным образом он не видит, что это вопрос о всей политической линии, о направлении всей деятельности, о том, быть или не быть партии с ее старой платформой. Во всяком случае, Ан, быть может — скрепя сердце, клеймит виляние и увертки ликвидаторов, которые смотрят на подполье, как на землетрясение, и которые не говорят ни да, ни нет, а

признают «маложелательным» то, чему цвет русского пролетариата отдает все свои силы. Сказать в «Луче», что «много мужества надо тем, кто созидает» подполье, — для этого тоже нужно некоторое «мужество». У Троцкого, по крайней мере, такого «мужества» не хватает до сих пор. Не даром он «отнюдь не ликвидатор».

Что же сказала по поводу всего этого спора официальная выразительница мнений ликвидаторства — редакция «Луча»? Поправила ли она г. Седова, сделала ли она хотя бы малейшую оговорку к его ренегатским взглядам, согласилась ли она хоть в чем-нибудь с критикой Ана?

Да ничего подобного! Редакция «распекла» Ана и «разнесла» его на все корки. «Товарищ Ан кажется нам неправым в своей критике статьи т. Седова», — заявляет редакция с самого начала своего пространного возражения Ану. Редакция делает следующее «историческое» заявление относительно подполья:

«С.-д. партия не исчерпывается теми немногими товарищами, которых действительность вынуждает работать в «подполье». Ведь если бы «подпольем» исчерпывалась партия, то сколько же членов она насчитывала бы? Две-три сотни.» («Луч» № 181, от редакции).

Две-три сотни. Теперь-то уж мы наверно услышим протест со стороны Н. Троцкого. Как раз он, и с ним вместе составители официального отчета об августовской конференции ликвидаторов, подсчитали, что на этой конференции было представлено не менее 10.000 организованных рабочих, членов как раз «подполья».

Весьма возможно, что составители августовского (1912 г.) отчета и... преувеличили немного свои силы, но 10.000 все-таки не две-три сотни.

Латышские социал-демократы, «верхи» которых все еще мирятся с ликвидаторством, в одном своем латышском «подполье» насчитывают до 2.000 членов, регулярно платящих взносы и т. д., а 2.000 — это все-таки не «две-три сотни». Или, может быть, редакция «Луча» берет в расчет только ту горсть «руководителей» латышей, которые пляшут под дудку Потресова и Дана, а передовые пролетарии-латыши не в счет?

Господа ликвидаторы, сведите прежде всего концы с концами. Как же это вы в одних своих изданиях заявляете, что

в той части «подполья», которая вам сочувствует, числится более 10.000 членов, а в других изданиях на всю Россию кричите, что во всем «подпольи» едва наберется «две-три сотни» людей. Это ли не образец самой... неприличной «двойной» бухгалтерии. Если не бояться «слов», то тут бы надо прямо сказать: здесь какое-то политическое шулерство, здесь перед нами какая-то... неразбирающая средств компания, которая в одном случае объявляет белым то, что она же через несколько месяцев объявит черным.

* * *

Нынешнее отношение ликвидаторов к «подполью» нисколько не лучше того, какое было у г. Ларина в 1911 году.

Нынешнее отношение ликвидаторов к «подполью» является еще более ренегатским, чем у Ларина. Тот хотя говорил: организовать можно в каждом городе «пару сот» рабочих, но это дело носит характер «маскарада». А редакция «Луча» уверяет, что теперь, после полутора лет подъема, «подполье» на всю Россию исчерпывается двумя-тремя сотнями рабочих, а это— кучка, о которой и говорить не стоит.

Вот он—прогресс ликвидаторства. От Ларина через Троцкого и августовское решение назад к Ларину—таков политический маршрут ликвидаторства. Ликвидаторы «исправились» и теперь «заслуживают» амнистии. Не так ли, господа «примирители»?

У Троцкого имеется еще один «довод» в защиту ликвидаторства: они только говорят неуважительно о подпольи, а на деле они ведут себя так же, как марксисты анти-ликвидаторы.

Этот довод рассчитан прямо на то, чтобы ввести в заблуждение неосведомленного рабочего.

Для всякого марксиста, разумеется, решающее значение имеет практика. На нее и рекомендуется обратить внимание всем тем, кто желал бы объективно разобраться в спорах марксистов с ликвидаторами. На практике—мы утверждаем это—ликвидаторы теперь ушли из «подполья» больше, чем когда бы то ни было. Их нет там теперь даже номинально. Петербургские рабочие это отлично знают. У ликвидаторов были покорные «рабочие» организации «для выборов», для того, чтобы внести хаос в избирательную кампанию Петербургского пролетариата. Рабочие отлично знают это по документам, по бесспорным данным. Они видят и знают,

что все в указанной области делается рабочими марксистами вопреки и против ликвидаторов. Они видят каждый день, как, хотя бы в области стачечной борьбы, ликвидаторы прямо ставят палки в колеса пролетариям. Они платят по заслугам господам ликвидаторам. В этом ликвидаторы могли убедиться и на некоторых недавних «открытых» собраниях весьма влиятельных Петербургских рабочих.

Мы вынуждены ограничиться этими замечаниями по вопросу о практике ликвидаторства...

Итог таков:...

В средине 1911 года г. Ю. Ларин заявил, что «подполье» есть «маскарад».

В январе 1913 года г. Седов и редакция «Луча» писали, что уважение рабочих к «подполью» есть «прискорбный» факт.

В конце апреля 1913 года редакция «Луча» разъяснила, что и спорить о «подполье» не стоит, поелику оно исчерпывается двумя-тремя сотнями рабочих...

Быть может, к этим датам не лишне будет прибавить еще две.

В январе 1910 года Мартов, Мартынов и другие общепризнанные выразители мнений ликвидаторов «подписали» официальную резолюцию о том, что ликвидаторство есть «проявление буржуазного влияния на пролетариат» и что эти буржуазные влияния проводит всякий, кто защищает «отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические лозунги».

В августе 1912 года ликвидаторы «подписали» резолюции, насквозь пропитанные ликвидаторством, но все же утверждавшие, что составители их «тоже не против» подполья.

Ликвидаторы в течение всех последних пяти лет продолжали делать одно: бороться против «подполья», активно разрушать его, вносить замешательство и деморализацию, где только было можно и какими угодно средствами, поносить и издеваться над ним.

Все это во имя той несчастной либеральной идейки, будто сейчас рабочий класс должен думать не о старой борьбе за общенациональную свободу, а заменить эту борьбу «борьбой за открытую рабочую партию». Все это говорится во имя той куцой мыслишки, будто сейчас возможна открытая рабочая партия — сей-

час, когда даже «прогрессисты», представляющие собой смесь правых кадетов и «левых» октябристов, не смогли добиться существования своей умеренно-либеральной открытой партии...

II. Единство снизу или «вредный» лозунг?

«...Мы хотим единства, мы зовем к единству, мы протягиваем руку к единению... Призыв к объединению снизу остается пустой фразой... Необходимо... объединение и снизу и сверху» — так пишет в № 189 «Луча» троцкист С. Семковский.

«...Выдвинутый одной частью партии лозунг «раньше единство внизу», содержа в себе в общем правильную мысль, что широкие круги организованного пролетариата должны взять задачу объединения в собственные руки, является, однако, вредным, поскольку он освобождает руководящие круги от работы по осуществлению единства», — так заявляет недавнее совещание ликвидаторов еврейского рабочего движения (см. «Цайт», № 14).

«...Вместо того, чтобы указать массе на условия, при которых единство может осуществиться, некоторые (слушайте, почтеннейший Н. Троцкий) предпочитают просто кричать: «да здравствует единство», коверкать во имя этого лозунга историю западно-европейского пролетариата», — так пишет в № 179 «Луча» уже много раз упоминавшийся г. Седов, с которым солидарна редакция «Луча», официальная выразительница мнений ликвидаторов.

Такова вся гамма ликвидаторских мнений об единстве. Стоящие «с протянутой рукой» Семковский и Троцкий, бундовцы, объявляющие «вредным» лозунг единства снизу, и Дан с Седовым, вежливенько намекающие Троцкому, что во имя политики «протянутой руки» он безбожно коверкает историю западно-европейского пролетариата, — сами никакого единства со сторонниками «подполья» отнюдь не желают. (Раньше, правда, Дан и Аксельрод были посмелее и писали прямо, что анти-ликвидаторство надо «убить в зародыше»; теперь некоторые поражения среди рабочих сделали их несколько «благоразумнее», но сторонниками и проводниками раскола они все же остаются).

Как же относятся марксисты ко всем этим заявлениям различных групп, входящих в священный союз ликвидаторов?

Прежде всего — троцкисты с их «протянутой рукой» и лицемерным «прискорбием» (см. Семковский) по поводу нынешних разногласий. С ними разговоры могут быть довольно коротки. Им мы говорим: уберите, господа, вашу «протянутую руку». Вы служите верную службу ликвидаторам социал-демократии, а это никакой притягательной силы для марксистов не имеет. Да, своим елейным «прискорбием» и тартюфовски «искренней» любовью к единству вы стремитесь к одному — к усилению ликвидаторов путем смешения представлений в рабочей среде. Патетические излияния насчет любви к единству, печатающиеся рядом с изгоевскими декларациями Седова, Дана и редакции «Луча», у всех вызывают совершенно определенные чувства. К тому же во всем русском рабочем движении не найдется и полутора правоверных троцкистов. Стало быть, объединитесь ли вы с марксистами или будете продолжать стоять на запятках у Дана, Маевского и Седова, — от этого ничего серьезно не изменится в русском рабочем движении. Вы, видимо, давно уже и сами примирились со своей грустной долею: пусть ликвидаторы намечают политическую линию, пусть они проводят свои взгляды в вопросе о стачках, о подпольи, о либералах, о гегемонии пролетариата, о новом подъеме, а мы... мы «шумим, братец, шумим» об единстве «и сверху, и снизу»...

Действительно, стоит разобрать вопрос, почему марксисты отвергают «единство сверху», почему они так энергично настаивают на «вредном» лозунге единства снизу? Так ли уж подлинно вреден лозунг единства снизу? А если вреден, то — кому и чему?

То, что сказано выше, в главе: «Вокруг подполья», подвело нас вплотную к вопросу о ликвидаторских «верхах». Мы видели там, кто составляет эти «верхи» и каково их умонастроение в одном из важнейших принципиальных и практических вопросов дня. Представим себе на минуту, что марксисты согласились бы на «переговоры сверху». С кем им пришлось бы вести переговоры? Неужели с Семковским с его «протянутой рукой»? Конечно, нет. Известная политическая линия и влияние есть только у российского ликвидаторского центра. Переговоры могли бы вестись только с теми же Седовыми, Маевскими, Ежовыми, Лариными и прочими единомышленниками редакции «Луча». Это и есть ликвидаторские верхи. Если объединяться «сверху», то надо объединяться с ними. О чем могли бы вести марксисты переговоры

с Седовым, Ежовым, Лариным, Маевским, Потресовым, Даном? О том, как бы успешнее бороться с «прискорбным фактом» тяги среди рабочих в «подполье»; о том, как бы поскорее убедить рабочих в том, что подполье есть «маскарадное» предприятие; о том, как бы получше «распустить» те последние «две-три сотни», которые мозолят глаза ликвидаторам; о том, как бы доказать рабочим, сколь великий преступник товарищ Г. В. Плеханов, объявивший ликвидаторство изменой партии, и о том, сколь великое открытие сделал г. Потресов, объявивший партию рабочего класса несуществующей.

Вожди ликвидаторов, вроде Мартова и Мартынова, «подписывали» резолюции о вреде ликвидаторства, а генеральный штаб («верхи») ликвидаторов продолжал как ни в чем не бывало вести свою политику изменников и раскольников партии. «Уступки», которые выторговывали для них «примиренцы», эти господа использовали только для усиления натиска против «подполья». И вы хотите, чтобы марксисты повели какие-то переговоры с этими «верхами»? Никого не удастся убедить в том, что это нужно для рабочего движения, а не является пустой, недостойной комедией.

Тут мы подходим к вопросу о том, почему некоторые честные маклеры ликвидаторства объявляют единство снизу «вредным» лозунгом.

Лозунг этот имеет свою историю.

Было время, когда разгромы поставили марксистов в особо-неблагоприятное положение. Ликвидаторы надеялись тогда, что все «открытое» движение — за ними, и они смело провозглашали смерть подполью, уничтожение анти-ликвидаторства в зародыше.

Тогда ликвидаторы открыто осуществляли раскол и слышать не хотели ни о каком единстве.

С тех пор времена изменились. Рабочие как раз на открытой арене дали такой отпор ликвидаторам, что свели их почти на-нет. Тогда ликвидаторы ухватились, как за последний якорь, за фальшивые троцкистские крики об «единстве».

Во время выборов эти крики об «единстве» раздаются со всех ликвидаторских крыш. Рабочие действительно хотят единения сил, и часть из них, наименее знающая историю последних лет, поддается на эту удочку.

Марксисты ставят вопрос ребром. Единство действительно необходимо, и оно возможно с целым рядом рабочих, примыкающих к «Лучу» только потому, что они верят в его любовь

к единству, или только потому, что они считают его меньшевистским органом. Пусть же начнется объединение снизу с этими рабочими. Если какое-либо единство возможно, то только единство снизу, осуществляемое самими рабочими. Рабочие сразу увидят, кто считает тягу к «подполью» прискорбным фактом, кто в подпольи видит «маскарад», а в стачках — «стачечный азарт». Относящиеся по-марксистски ко всем указанным вопросам начнут немедленно объединяться, независимо от того, кто они — большевики, меньшевики, нефракционные и т. д. Единство снизу есть призыв к действительному решению вопроса самими рабочими. Это есть призыв к единству на чистоту, а не для «дипломатии». Это есть постановка вопроса, при которой дадут о себе знать действительные, реальные силы.

Ликвидаторы объявляют, что единство снизу есть «вредный» лозунг для Седова, Ларина, Дана, Троцкого, словом, для тех, кто единства не хочет, а пользуется им для своих ликвидаторских целей.

Тут-то и всплывает лозунг: «и сверху, и снизу». Любой толковый марксист знает, что «и сверху, и снизу» означает одной рукой разрушать то, что делают другой, к плюсу прибавлять минус, что в результате дает, как известно, нуль.

Рабочие выросли и сами берут дело в свои руки. Теперь вам не 1910 год, когда вы подписывали резолюцию о том, что ликвидаторство есть буржуазное течение, а сами в это же время вдесятеро усиливали свою ликвидаторскую проповедь. Рабочие не верят словам, а смотрят на дела. Они судят больше всего по практике. Они очень хорошо понимают, что вы против единства снизу потому, что «внизу», там, среди борющихся и жертвующих собой рабочих масс, вас-то и ваших убежденных сторонников нет, ибо вы умеете только клеветать на «подполье». Рабочие говорят: мы хотим быть едиными, мы желаем сплотить все свои силы, объединить всех тех, кто идет по одному старому тернистому пути. Кто же может нам помешать? Позаботимся сами об единстве. Начнем осуществлять его, не дожидаясь, пока Седов и Ежов соблаговолят одобрить «подполье». На фабриках и заводах, в мастерских и районах мы отлично друг друга знаем и никакой «дипломатии» не ведем. Мы знаем, кто хочет итти в одних рядах и кто не хочет этого. Вся наша постройка по самому характеру вещей созидается снизу. Единство тоже будет окончательно завершено снизу же. Все фракции могут объединиться, кроме одной — той, которая весь смысл своего существова-

ния видит в борьбе против старой партии и в ликвидации «подполья».

Так говорят рабочие. Они все более дружно подхватывают клич: да здравствует единство снизу, единство самих рабочих, единство, осуществляемое самими сознательными пролетариями, остающимися верными старому идеалу.

Если ликвидаторы жалуются на то, что этот лозунг для них «вреден», то рабочие отвечают: тем лучше, господа, тем лучше для рабочего дела, для русского рабочего движения, для русского марксизма, для всего русского освободительного движения...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Заметки о ликвидаторстве и единстве» напечатаны в №5 «Просвещения», в мае 1913 года.

[2]) Дело идет о решениях известной августовской конференции ликвидаторов, состоявшейся в Вене после конференции большевиков в Праге. На августовской конференции участвовали также тогдашние примиренцы во главе с тов. Троцким.

[3]) «Луч» — центральный орган ликвидаторов тогдашнего времени.

[4]) Газета «Луч» являлась на деле центральным органом ликвидаторов. С демагогическими целями она, однако, называла себя органом «марксистов разных направлений».

[5]) Ан — псевдоним Н. Жордания. Жордания тогда выступал в роли «левого» меньшевика и отчасти солидаризировался с Плехановым.

[6]) В переводе: вымыть шкуру, не замочив ее.

[7]) Из цензурных соображений вместо слова «революция» употреблены слова «общенациональное освобождение».

ЛИКВИДАТОРСТВО И ЕДИНСТВО (1).

Из дневника бывшего примиренца (2).

I. Единство и Ф. Дан.

Статья Ф. Дана «Анти-ликвидаторство и рабочее движение» в «Нашей Заре» представляет не малый интерес. Та группа, от имени которой говорит Ф. Дан, несомненно составляет единственно серьезную силу среди тех, кто объединился против непримиримых ленинцев на платформе: примирение и единство во что бы то ни стало.

Каким же образом предлагает провести примирение и единство с анти-ликвидаторами видный представитель этой примирительной платформы Ф. Дан?

Читаю и диву даюсь...

... «Анти-ликвидаторство предстало перед ним (рабочим движением) лицом к лицу, как непримиримый противник, которого надо победить в открытом бою».

«Победить в открытом бою», — вот так примирение...

Читаю дальше.

... «Крупные политические задачи делают неизбежною беспощадную войну с анти-ликвидаторством».

... «Анти-ликвидаторство есть вечный тормоз, вечная дезорганизация».

Час от часу не легче. Я думал найти проповедь единства, а нашел пропаганду «беспощадной войны»...

Но дальше, дальше.

Надо «всеми силами стараться убить (!) его (анти-ликвидаторство) в зародыше, убить его теперь же» и т. д.

Даже рука не подымается выписывать дальше все эти кровожадные призывы Ф. Дана. Никогда не думал, что Ф. Дан, который так усиленно проповедывал за последнее время единство и примирение, такой кровожадный человек...

«Убить! Убить в зародыше!» — как бы в забытьи и с каким-то сладострастьем нашептывает своим единомышленникам Ф. Дан.

Есть от чего в отчаяние прийти истинным примиренцам...

Правда, когда я показал эти кровожадные места статьи Ф. Дана одному фракционеру-ленинцу, тот нисколько не обеспо-

коился и даже, смеясь, заметил: ну, ликвидаторам по нынешним временам не столько пристало думать о том, чтобы «убить», сколько о том, чтобы самим не быть «убитыми». Этот ленинец добавил: вот это я понимаю. Это не фальшивые, напыщенные фразы о «мире», это открытое объявление войны противнику, и мы повоюем.

Каково же положение наше, примиренцев, искренне верующих в то, что Ф. Дан и другие ликвидаторы хотят единства с анти-ликвидаторами?

Ведь когда Дан и его друзья говорили об единстве, не имели же они в виду единство с самими собой или с Троцким (кто его берет всерьез?), ведь речь все время шла именно о единстве с анти-ликвидаторами. Так почему же теперь вдруг крик: «Убить! Убить в зародыше!» Не понимаю, что же это за примирение.

Дальше Ф. Дан пишет прямую инструкцию для своих ликвидаторов о том, как лучше бороться с анти-ликвидаторами на окраинах и в центре, на юге и на западе, на Кавказе и в Литве, в России и за границей и т. д.

Какое-то руководство к истреблению анти-ликвидаторов.

Рушится, рушится дело примирения. Много огорчения принесла мне указанная статья *) Ф. Дана, которого многие до сих пор считали примиренцем.

2. Единство и В. Левицкий.

Прочтя заглавие статьи известного российского вождя ликвидаторской группы В. Левицкого, я был весьма обрадован — надеялся найти утешение после тех огорчений, которые доставил мне Ф. Дан. — «За объединение против раскола!» Вот именно, — подумал я. — Это-то и есть то, что нам нужно, это и есть наше, примиренцев, знамя.

Но по мере чтения статьи Левицкого у меня все больше и больше вытягивалась физиономия. Да что он издевается, что ли, над нами, примиренцами? Ведь все, кроме заглавия, в его статье есть прямая проповедь раскола.

Левицкий говорит прямо: либо пусть все станут ликвидаторами, либо никакого объединения быть не может.

*) «Наша Заря» № 6, 11 г., стр. 32-38.

Он выдвигает следующие скромные условия «объединения»: а) вся партия должна превратиться в «центральную инициативную группу» (курсив автора), т.-е. усвоить именно те формы организации, которые излюбили ликвидаторы; в) вся партия должна отказаться от «искусственного оживления политически мертвых ячеек»; с) вся партия должна признать лозунг: «против культа «подполья» и увековечить теорию «борьбы за право» *).

Ни больше, ни меньше... Либо станьте все ликвидаторами, либо наше (примиренцев и ликвидаторов) «соглашение, как и все прежние кружковые комбинации, обречено на бесплодное существование»,— так прямо и заявляет В. Левицкий.

Это все равно, как если бы Биссоляти (3) теперь сказал: я всецело за объединение против раскола, но...но только на одном условии — чтобы вся итальянская партия признала вред классовой борьбы и пользу участия социалистов в буржуазных министерствах и в «патриотических» хождениях ко двору. Биссоляти, впрочем, в этом роде и держался на съезде итальянцев, исключившем этого сторонника «единства» из партии. Он был только чуточку скромнее Левицкого и требовал лишь признания, что его взгляды являются «законным оттенком» в партии.

Нам, примиренцам, Левицкий делает одну лишь уступку: пусть они (примиренцы) «в утешение себе... говорят, что не они, а ликвидаторы изменились, но это такой же обман зрения, как представление о том, что берега проносятся мимо нас, а мы стоим на месте» (стр. 31).

Выходит какой-то скверный анекдот.

Мы, примиренцы, должны пристать к ликвидаторским берегам, напевая «в утешение себе» из арии:

...«Невольно к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила»...

Если это называется проповедью единства, то что же такое проповедь раскола?

Шансы на примирение с ликвидаторами тают с каждым днем. Худшие предсказания фракционеров-ленинцев начинают оправдываться.

---

*) «Наша Заря» № 4, 12 г., стр. 28-33.

3. Единство и П. Б. Аксельрод.

То, что написал П. Б. Аксельрод по поводу интересующего нас вопроса об единстве, окончательно поставило вверх ногами наши представления о примирительных намерениях ликвидаторов.

В его статье-манифесте примирением и не пахнет. Она вся есть прямая проповедь раскола. П. Б. Аксельрод — несомненно самый крупный представитель ликвидаторства. Если он в июле 1912 года помещает раскольническую статью, то, значит, ликвидаторы решили даже на словах бросить объединение.

П. Аксельрод заявляет прямо и недвусмысленно: у нас «два главных лагеря», которые «придерживаются более или менее определенных политических, тактических и организационных взглядов, а другие (т.-е. примиренцы. — *Автор Г. З.*) шатаются в разные стороны, путаясь между ног у первых».

До сих пор ликвидаторы всюду и везде гордились тем, что примиренцы идут с ними. Теперь, оказывается, мы уже «шатаемся» и «путаемся между ног». За что такая немилость? Чем прогневали мы Аксельрода?

Надо сказать открыто—наши пути, действительно разошлись. Аксельрод открыто призывает ликвидаторов образовать свою особую организацию, в лучшем случае какую-то партию в партии, какое-то государство в государстве. «Клин клином вышибают»,—говорит он. Т.-е. раскол расколом, что ли? Организация «в самостоятельную фракцию!!... является... их («ликвидаторов») прямою обязанностью (!), неотложной (!) задачей». «Фракционное оформление и сплочение является прямой обязанностью и неотложным делом», — повторяет Аксельрод,— «только такая идейно и организационно (!) сплоченная фракция... сможет с успехом работать» и т. д. В заключение Аксельрод призывает en toutes lettres — к совершению «партийной революции» *), т.-е., попросту говоря, открытого раскола.

Так вот оно как... Значит, правы были большевики-фракционеры, указывавшие давно, что вы хотите строить новую партию... Из-за чего же было огород городить и блок устраивать с теми, кто хочет единства, а не раскола? В таком случае права

---

*) «На очередные темы». «Наша Заря» № 6, 1912 г., стр. 8-20.

наша старая знакомая, «тоже-марксистка», Кускова, которая довольно убедительно и весьма наставительно обучает Аксельрода тому, что кто сказал «а», тот должен сказать и «б».

Вы хотите делать «революцию» в партии? Вы хотите окончательно оформить фракцию ликвидаторов? При чем же тут мы, примиренцы?! О каком вашем блоке с нами может теперь быть речь? Наши пути разошлись, и это надо сказать прямо и ясно.

Итог достаточно печален, но подвести его надо. Группа «Нашей Зари» только для дипломатии говорила об единстве. Теперь ясно: говоря об «единстве», ликвидаторы на деле имеют в виду только единство ликвидаторской фракции! Говоря о примирении, они имеют в виду скромное требование— чтобы вся партия примирилась с ликвидаторством, чтобы все марксисты стали ликвидаторами.

Этакого «единства» и этакого «примирения» лучше не надо. Не на это мы шли, не этого мы добивались.

Высказались совершенно ясно Дан, Левицкий, Аксельрод. Ларин прямо писал Троцкому: «Мириться?—Изволь! Но только мирюсь без урону». Т.-е., другими словами,—примкните к ликвидаторской программе, вот и будет мир.

Дан, Аксельрод, Левицкий и Ларин — это и есть общепризнанные выразители мнений ликвидаторов. Их слово есть слово всей группы, фактически представляющей ликвидаторское течение. Против этого никто не станет спорить. Это слово сказано вполне ясно и недвусмысленно.

Ни о каком единстве с анти-ликвидаторами всех течений ликвидаторы не думают. Конечно, время от времени они могут для своих групповых целей опять использовать популярный лозунг единства. Конечно, они могут для дипломатии созывать «конференции» и шуметь, что эта конференция всех объединяет и всецело стоит за единство и за примирение. Все это—фальшь. Генеральный штаб ликвидаторов, фактические руководители «Нашей Зари», будут продолжать вести по-старому ликвидаторскую линию, а «объединительные» фразы «конференции» будут лишь служить словесной удочкой для наивных людей.

Однажды ликвидаторы солгали, кто же им поверит?.. Однажды раскрыли свою игру, и не стоит затевать ее вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Ликвидаторство и единство» — статья из № 8-9 «Просвещения» за 1912 г.

[2]) Этот подзаголовок взят для того, чтобы в шуточной форме изобразить всю политическую беспомощность тогдашнего примиренческого лагеря.

[3]) Биссоляти—итальянский оппортунист, исключенный из итальянской с.-д. в 1912 г.

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ЛИКВИДАТОРСТВО И «НЕЗАВИСИМОСТЬ» ДЕПУТАТОВ (1)?

Страничка из истории третьедумской с.-д. фракции.

В с.-д. фракции 3-й Думы, кроме ликвидатора Кузнецова, был один еще более последовательный ликвидатор — г. Белоусов. В последний год деятельности 3-й Думы г. Белоусов, состоящий до последнего момента сотрудником центральных ликвидаторских изданий, официально вышел из думской с.-д. фракции. Марксистская «Звезда» дала оценку этого шага последовательного ликвидатора. В ответ на статью «Звезды» г. Белоусов прислал в с.-д. фракцию 3-й Думы официальное изложение своего ликвидаторского символа веры.

До сих пор этот документ полностью нигде не был опубликован, а между тем он — документ громадной политической важности.

Ликвидаторы делают теперь попытку создать целую фракцию «независимых» от рабочей партии депутатов. Они уже работают над оформлением такой «Белоусовской» фракции. При таких обстоятельствах пора предать гласности платформу единомышленника г. Мартова (см. заявление г. Белоусова) — «молодым людям на поучение, старым людям — на послушание».

Вот это заявление полностью, без всяких изменений и сокращений:

По поводу моего выхода из с.-д. фракции.

«Если г. Белоусов желает отмалчиваться, то мы не в праве молчать».

«И все и каждый будет третировать вас, как политического авантюриста и обманщика».

«Всякий сознательный рабочий не будет молча смотреть на установление парламентской безнравственности, когда депутаты ловят мандаты, как добычу для свободных проделок с этой добычей».

«Рабочие должны воспитывать не ловцов мандатов и дельцов парламентских афер».

«Перебежчик... ренегат...»

«Нельзя молчать... Нельзя допускать, чтобы депутаты смели безнаказанно выходить из с.-д. фракции...»

Так аттестует меня «Звезда», в числе постоянных сотрудников коей значатся две трети членов с.-д. фракции...

Аттестация эта не вызвала ни протеста, ни каких-либо оговорок ни со стороны фракции, как целого коллектива, ни одного защитительного голоса от отдельных депутатов — моих бывших сочленов по фракции.

Поэтому я должен рассматривать ее, как отражение мнения фракции и как дальнейшее развитие, толкование ее постановления о моем выходе.

Обвинение брошено тяжкое и порочащее.

Я должен защититься. Я имею право на это.

После этой статьи я считаю себя в праве приподнять завесу этой истории, возмутившей нравственное существо целомудренных весталок, поддерживающих священный огонь большевистской «Звезды».

«О направлении г. Белоусова, нам, как и большинству марксистов, известно лишь одно: это было направление резко ликвидаторское. Г. Белоусов дошел в ликвидаторстве до того, что фракция окончательно ликвидировала *его связь с с.-д.* (курсив наш — *Г. З.*). Тем лучше для нее, для рабочих, для рабочего дела».

Я рад, что члены с.-д. фракции, участвующие в «Звезде», бросили мне эту перчатку. Я поднимаю ее.

Совершенно верно, что мой выход есть, — употребляю терминологию этой статьи, — «ликвидация связи с социал-демократией».

В эту плоскость и было поставлено мое заявление с.-д. фракции.

Вот что писал я, между прочим, в этом заявлении:

«Фракция знает мое отрицательное отношение к официально-господствующему течению социал-демократии (но не к самой идее организации демократических масс). Ныне своим выходом я окончательно ставлю точку на i. Знаю, что мой выход не есть мое личное дело, точно так же, как и дело народного представителя не есть дело служения какой-либо фракции, партии, а есть дело служения населению. И лишь интересами этого служения продиктован мой выход. Я хочу отметить и подчеркнуть, что существование современного официально господствующего направления в русской социал-демократии есть опасный гипноз, отводящий внимание рабочих масс от строительства действительно отвечающей их интаресам партии». (Фракция, полагаю, не поставит мне в вину перестановку в словах»).

Из этого заявления и из этого шага видно, что действительно мною первым ликвидируется «связь с социал-демократией» (употребляю выражение «Звезды»), а не фракция отсекает меня от нее.

Если члены фракции прибегли к толкованию своей резолюции о моем выходе через посредство обширной статьи, то в праве и я разъяснить свое заявление.

С какой социал-демократией, спрашивается, я ликвидирую связь? В этом вопросе и заключается все существо этой истории с выходом, на чем предусмотрительно не остановились авторы статьи, о которой идет речь.

Да, я ликвидирую связь с той социал-демократией, которая стоит, по моему глубокому убеждению, поперек пути строительного творчества демократической мысли, с той социал-демократией, которая ядом своего морального разложения отравляет рабочую мысль, с той социал-демократией, о похождениях, о философии и этике которой так красочно повествуют разоблачения Мартова.

И странно, как не обратили внимание на это заявление те члены с.-д. фракции, кои приложили свою руку для появления на страницах «Звезды» ругательного акафиста по моему адресу.

За четыре прошедшие года работы в Гос. Думе много пришлось передумать по поводу современного положения и нравственной атмосферы, господствующей в той социал-демократии, от имени коей говорит «Звезда».

И был получен неутешительный вывод. Именно. Если старая психология, которою живут командующие слои современной социал-демократии, не заменится другою, включающею в себе более общественности, если со сцены рабочего движения и организации не сойдут «заговорщики и профессионалы по деланию революции», «теоретики партизанства» (пользуясь характеристикой, данной этому течению «Нашей Зарей»), то нельзя ожидать ни в ближайшем будущем, ни в отдаленном роста организации нашего рабочего класса. Так говорит многолетний опыт изучения господствующей в рядах социал-демократии смуты.

Та социал-демократия, которая говорит в «Звезде» бурно-пламенными устами г. Т. (³), та с.-д.—ия, которая отлучила от социал-демократической церкви так называемое ликвидаторское направление, это действительно здоровое течение, несущее жизнедеятельность рабочим организациям, та социал-демократия есть, по моему глубокому убеждению, злой недуг, разъедающий ряд лет рабочую мысль, это — то болото, в котором беспомощно барахтается и тонет рабочая мысль, в той с.-д. нет здоровых сил для творчества лучших форм общественной жизни, а есть вызывающая чувство негодования мелкая борьба личностей, мелких партийных страстей, есть злоба и ненависть ко всему тому, что не подходит под их аршин, что осмеливается свое суждение иметь, но нет честного желания служить интересам демократических масс. В той социал-демократии есть все, чем характеризуется азиатчина и деспотизм, вплоть до поразительного совпадения с ним в мелочах, как, например, подтасовка в выборах на конференции и съезды, легкомысленное обращение, если не сказать другого слова, с общественными средствами и т. д.

И выразители той социал-демократии, этих рыцарей «собачьей головы и метлы» (да простит мне «Наша Заря» взятое у нее выражение), осмеливаются бросить мне обвинение в политическом авантюризме и обмане народа, осмеливаются с ухарским видом спрашивать у меня: какой я народ представляю?

Удовлетворяю их любопытство.

Я представляю тот народ, рука которого не положила бы мне избирательного бюллетеня, если бы он допустил возможность одобрения мною, например, хотя бы тех приемов строительства лучших государственных форм, о которых сказано в отмеченной брошюре Мартова.

Мой выход из с.-д. фракции, бессильно метавшейся от ликвидаторства к большевизму, не только не поднявшей своего авторитетного голоса в осуждении позорящей честь и достоинство социал-демократии внутренней смуты, носителем коей является современный большевизм, но даже отдавшей в лице своего большинства симпатии этому миру,—мой выход из нее есть результат долгого раздумья, долгого, мучительного наблюдения и дол-

гих, страстных, но, к сожалению, бесплодных надежд увидеть то течение рабочей мысли, к коему я тяготею, господствующим.

Четыре года—большой период жизни общества, а значит и большой для внутреннего строительства социал-демократии. И, я вижу, они бесплодно пропали для этого дела, они дали мне лишь неопровержимое доказательство того, что подобные надежды и в будущем останутся тщетными. Я оказался слишком чуждым для такой атмосферы, слишком далеким от понимания этого мира и его, в свою очередь, своеобразного понимания текущих задач об организации общественных сил.

Уважая чужие мнения, я уважаю и собственные и не желаю далее оставаться безличным членом фракционного меньшинства.

Я хочу быть тем, что я есть, хочу жить теми убеждениями, которые для меня дороги, а не теми, которые предписываются большинством.

После долгого раздумья я вышел из социал-демократической фракции.

Социал-демократические Илиодоры подняли дубины над моей головой и кличут клич «не оставлять безнаказанно» моего ухода из фракции.

В этом кличе и в этих приведенных мною выше эпитетах по моему адресу, как нельзя лучше, отразилась этика той социал-демократии, с к о т о р о й я «л и к в и д и р у ю с в я з ь».

Они не допускают даже возможности моего ответа в какой-либо газете; бранят «Речь», «Живое Дело», что приютили его.

Надо комментировать эти приемы борьбы, эту мораль готтентотов.

Они грозят лицу, смевшему критически отнестись к их воззрениям, «не оставлять его безнаказанно», т.-е. грозят травлей его личности и намерением отравить его дальнейшую жизнь ругательствами и намеками: «кто он такой... что он есть... куда покатился... к кому и к чему его потянуло» (цитирую по «Звезде»)...

Коли попал в этот круг, выхода нет. Хочешь... не хочешь, по гроб своей жизни сказывай себя правоверным с.-д. в том стиле и духе, который предуказан творцами «Звезды».

В предвидении такой бесцеремонности в обращении с личностью в этих кругах «борцов за свободу» личности и ее «критической мысли», в предвидении этой травли нужно много времени для колебания, и, пожалуй, нужна доля мужества для принятия окончательного решения об уходе.

Таковы в кратких словах те мотивы моего ухода, к освещению коих, должен сказать, я приступил с великой неохотой, лишь вынужденный бесцеремонною травлею «Звезды», поддержанной молчаливым одобрением с.-д. фракции, ибо знаю и понимаю, как неблагодарна эта полемика в переживаемое темное смутное время.

Надо полагать к великому удовольствию илиодоровцов из «Звезды», считаю нужным остановиться еще на одной стороне моих разногласий с с.-д. фракцией.

Ряд лет работы в Думе, внимательное изучение современной общественной жизни и, наконец, указания моих избирателей привели меня к убеждению, что парламентская тактика с.-д. группы, будучи копией аналогичной тактики заграничной с.-д. и откликом большевистского течения

русской, не может охватывать все многообразие выдвигаемых нашею своеобразною русскою жизнью запросов.

Можно и должно быть врагом современного политического курса и всего крепостнического уклада русской жизни, но, состоя членом законодательного учреждения, хотя бы и с урезанными полномочиями, нельзя с пренебрежением проходить мимо его обыденной жизни, нельзя, витая в облаках заданий радикального переустройства, упускать и сегодняшние, ближайшие в существующих рамках политического бытия, пользы и нужды страны вообще и в частности той местности, от которой прибыл депутат в это учреждение.

Кто близко знаком с работой и тактикой думских партий, тот знает, конечно, что положение с.-д. депутатов в повседневной работе в Государственной Думе было самое фальшивое. Пришли мы, с.-д., в Думу с задачей содействовать политическому воспитанию масс посредством трибуны, путем критики действий правительства и формулировки «неурезанных требований».

«Группа с.-д., — пишет Ю. М. Стеклов в том же номере «Звезды», в коем помещены ругательства по моему адресу, — не стремились приобщиться к органической работе Думы».

Но, скажу я, на основании опыта, силою вещей, силою повседневного хода работ в законодательном учреждении, затрагивающем большие и малые вопросы народной жизни, рядом с парадною стороною мы **должны были сталкиваться и с этой работой**, должны были участвовать в процессе формулировки различных законодательных норм, касавшихся различных сторон общественной и экономической жизни страны: от неприкосновенности личности... до рассмотрения вопроса об организации пароходного сообщения где-нибудь в дальней Сибири и проч.... И то, что ставит цитированный мною публицист в заслугу с.-д. фракции, является, по моему мнению, слабой стороной ее думской деятельности.

Надо пережить подобное положение, чтобы в достаточной степени оценить всю важность такого вопроса. Например, по своему глубокому убеждению и по наказу от избирателей, насущные нужды деревни требовали от меня — депутата, выдвинутого этой деревней — самой энергичной защиты и вмешательства в дело ассигнований кредитов на улучшение ее экономического и духовного быта, а для тактики правоверной современной русской с.-д. такое вмешательство неприемлемо, ибо им мы можем оказать доверие власти и приобщиться к органической работе 3-й Думы.

Или: как житель Сибирского края, я вижу, что переселение — величайший фактор для жизни Сибири, и должен поэтому принимать самое деятельное участи в обсуждении самых мельчайших сторон этого дела, должен отстаивать все мероприятия и кредиты, улучшающие его постановку и экономическое положение новоселов; но, как член с.-д. фракции, я обязан взять по отношению к этому вопросу резко-непримиримую позицию на основании отмеченных выше взглядов на органическую работу, а также на основании и других мотивов, относящихся к категории общей оценки господствующего в данное время политического курса в стране. И т. д. и т. д.

Там, в тиши думских комиссий, за спиною и за глазами печати, где трибунные цели не к месту, с.-д. депутат втягивался невольно в процесс часто скрупулезных расчетов на орошение, осушение, обучение, пути сообщения и пр. и пр., должен был воевать с представителями правительства за необходимость тех или других изменений в проектах и законодательных предположениях. Выйдя же из комиссии на трибуну, должен был с горделивым видом принципиальной «выдержанности» ядовито громить «ответственную» оппозицию за ее пристрастие к «крохоборству», за оппортунизм, за ее политическую обывательщину и т. д.

Прекраснейшей иллюстрацией к этому положению может служить вопрос о введении земства в Сибири. Я, член с.-д. фракции, приветствовал мысль о распространении земского положения на Сибирь. Я был из тех депутатов Сибири, которые первые подали голос за разработку этого вопроса и за внесение законодательного предположения в Думу. С думской трибуны члены фракции с.-д. громили этот проект, громили к.-д. за нарушение этим законопроектом прав населения, за отказ от неурезанных требований, и мое участие в разработке вопроса, моя подпись под проектом вследствие этого непримиримого взгляда были признаны недоразумением.

Получается, как выше сказано, в высшей степени фальшивое положение, в силу которого на массу выдвигаемых думской работой и самой повседневной жизнью вопросов с.-д. депутаты должны отвечать бессильным балансированием между Сциллою — принципиально-отрицательным отношением к так называемой органической работе, и Харибдою — повелительным требованиям жизни самого процесса участия в работе законодательного учреждения.

И мои наблюдения дали мне вывод, что тактика соседних с социал-демократией левых групп более отвечает обязанностям, возложенным населением на своего депутата. Но надежд на изменение и пересмотр этого вопроса в социал-демократии я не вижу. Слишком сильно влияние тех, кому посвящен этот ответ. Я не развертываю деталей этого вопроса, останавливаясь на нем лишь для полноты своего ответа. Поэтому, я и не даю полной формулировки желательной, по моему мнению, парламентской тактики.

В заключение еще несколько сообщений на некоторые вопросы и соображения, высказанные в статье, на которую дается этот ответ.

Мое предложение фракции о неоглашении в данное время моего ухода было продиктовано исключительно желанием избегнуть ненужного шума и не нанести своим бывшим сочленам в их думской работе ущерба. Я полагал, что посчитаться со мной по поводу моего ухода возможно было и во время избирательного периода, т.-е. по окончании Думы.

Далее. Мандата я не ловил. Апеллирую к своим выборщикам по поводу этого оскорбительного для них навета.

Еще раз сообщаю, что состав моих выборщиков и избирателей был беспартийный. К фракции я присоединился не на основании наказа от них, а по своему желанию. Поэтому громы и молнии, коими лихо бросает в меня моралист из «Звезды», являются самою обыкновенною, достойной их автора передержкою.

И, наконец, думаю, что Иркутское общество торговли и промышленности, пославшее мне телеграмму (какое ужасное преступление—получение такой телеграммы для правоверного с.-д.!), не является единственным кругом моих избирателей, которые не поддержали предложения фракции о снятии полномочий».

* * *

Приведенный документ не нуждается в длинных пояснениях. Он сам достаточно ярко говорит за себя.

Наиболее принципиальная часть сводится к указанию, что «парламентская тактика с.-д. группы, будучи копией аналогичной тактики заграничной с.-д. и откликом большевистского течения русской, не может охватывать все многообразие выдвигаемых нашей своеобразной русской жизнью запросов.

Большевистское течение — вот враг господ Белоусовых, справедливо отождествляющих это течение с международным марксизмом. В этом—величайший комплимент большевизму. Ни на что другое мы и не претендуем, как на то, чтобы применять марксизм к русским условиям.

Рассуждения г. Белоусова о служении депутата не партии, а «населению», его протест против «витания» марксистов в «облаках», его взгляд «на необходимость положительной» работы в Думе, — все это целиком списано у ликвидаторов. Путь, на который теперь ведет г. Ф. Д. семерку (3), есть тот самый путь, который защищает г. Белоусов. Начало семеркой сделано. Законопроект, требующий свободы коалиции, «поскольку» действия, с ней связанные, не являются уголовно-наказуемыми деяниями (4), «белоусовское» выступление Манькова по вопросу об оброках на сибирских крестьян (Маньков, как «реальный» политик, требовал не уничтожения их, а только оставления в прежней норме) — это есть начало осуществления «белоусовской» тактики независимости от социал-демократии.

В заявлении Белоусова много ругательств по нашему адресу. Мы оставляем их в полной неприкосновенности и проходим мимо них. Белоусов сам называет г. Мартова своим учителем. Трижды на протяжении своего заявления он упоминает о своей солидарности с ним и с «Нашей Зарей». Когда-нибудь какой-нибудь новый Белоусов повторит и нынешние клеветы, расточаемые по адресу марксистов в «Новой Рабочей Газете» г. Гаммой (5). Не в ругательстве дело. Нас интересует только «философия» и принципы последовательного ликвидатора-независимца.

Ликвидаторство есть «здоровое течение», заявляет в своей платформе г. Белоусов. «Здоровым течением», очевидно, не прочь признать ликвидаторство и семерка. И вот мы говорим всем марксистам: знайте, что, независимо от личных желаний семерки, ее политическая позиция приведет ее к «белоусовскому» концу. Хотите знать ваше будущее, господа «независимые», — обратитесь к прошлому г. Белоусова.

Русские рабочие, без различия фракций, поддержат свою рабочую фракцию, во всем подчиняющуюся рабочему авангарду.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Статья напечатана в № 11 «Просвещения» за ноябрь 1913 года.

2) Т. — Тулин, т. е. Ленин.

3) В четвертой Думе, после раскола, на стороне большевиков оказались все шесть депутатов по рабочей курии (шестерка), на стороне ликвидаторов оказалось семь депутатов (семерка), во главе с Чхеидзе.

4) Меньшевики внесли в 4-ю Думу законопроект о свободе коалиций. В этом законопроекте эти «реальные» политики требовали свободы коалиции лишь постольку, поскольку действия, связанные с ней, не являются «уголовно-наказуемыми деяниями». Другими словами, меньшевики явно подслуживались и в этом вопросе к буржуазии.

5) Под псевдонимом Гаммы в те времена в «Луче» и «Новой Рабочей Газете» подвизался не кто иной, как Л. Мартов. Наиболее отравленные статьи против большевиков Мартов печатал под этим псевдонимом.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

К статье «Первые шаги с.-д. парламентаризма в России». (Стр. 249).

Декларация с.-д. фракции в 8 засед. 1 сессии IV Думы.

Выступая на трибуну четвертой Государственной Думы, социал-демократическая фракция заявляет, что ее деятельность будет неразрывно связана с деятельностью социал-демократической фракции прежних созывов. Российская социал-демократия является отрядом международной армии социалистического пролетариата. Обострение классовых противоречий в современном обществе усиливает классовую борьбу в нем; все учащаются боевые схватки могильщиков современного общества, класса наемных рабочих с господами положения, с классом капиталистов. Все шире, интенсивнее и грандиознее становится эта борьба, от победы к победе идет международный пролетариат и близится время его последней победы—осуществление социализма. Наши предшественники во всех трех Думах энергично выступали против милитаризма, и в полном согласии с ними и социалистическим Интернационалом мы, стоя в настоящее время лицом к лицу с разгоревшимся на Балканах пожаром, от имени российского пролетариата, со всей энергией протестуем против попыток господствующих реакционных и либеральных классов России втянуть Россию в войну под каким-нибудь предлогом. Мы присоединяемся к социалистическому конгрессу в Базеле и вместе с пролетариатом всего мира объявляем войну войне. Социал-демократическая фракция вполне понимает и сочувствует стремлениям балканских народов освободиться от опеки великих держав, господствующие классы которых в своих корыстных целях стараются увековечить культурную, экономическую и политическую отсталость и раздробленность балканских народностей. Но мы вместе со всеми балканскими социалистами с негодованием отвергаем политику династических и хищнических интересов балканских реакционеров, связывающих исторически необходимое дело возрождения Балкан с кровавой бойней. Такой путь способен только ослабить силу сопротивления эксплоатируемых народных масс на Балканах и привести к еще большему укреплению милитаризма, служащего в руках господствующих классов всех стран орудием для усиления эксплоатации и угнетения трудящихся масс. Приветствуя усилия пролетариев всех балканских государств прекратить кровопролитие и разрешить балканский вопрос путем создания балканской федеративной демократической республики, мы заявляем, что нигде—ни на Балканах, ни в Персии, ни на Дальнем Востоке нет таких интересов трудящихся классов России, которые оправдали бы вооруженное столкновение. Поэтому мы протестуем против захватной политики русского правительства и заявляем, что всякие внешние авантюры и связанное с ним усиление ужаса милитаризма способно лишь усилить разорение и порабощение народов России и затруднить нерешенные после 1905 г. самые насущные задачи политического раскрепощения страны. Эта очередная задача стала еще только настоятельнее и острее после пятилетнего

существования третьей Думы, где правящая бюрократия, как правительство паразитических элементов и помещичьих капиталистических групп, нашла себе, благодаря перевороту 3 июня, послушных сотрудников в лице третьедумского большинства, еще большим усилением народного разорения и бесправия оказалось это сотрудничество. Земельная политика бюрократии и третьедумского большинства обострила безземелие крестьянских масс, их сословную порабощенность и внесла разорение и анархию в жизнь русской деревни. Финансовая политика попрежнему покоится на истощающих население косвенных налогах—пьяном бюджете—и еще более прежнего сводится к наполнению карманов господствующих групп и к расходованию свыше трехмиллиардного бюджета на непроизводительные цели. Вся экономическая политика стала колоссальным тормазом для развития производительности страны. Возросшая дороговизна жизни тяжелым гнетом ложится на массу городского населения. Правительство, поддержанное третьедумским большинством, с одной стороны, парализовало силы населения в борьбе с этим бедствием, подавляя всякую попытку самодеятельности, с другой—еще обострило гнет дороговизны, покровительствуя организациям капитала, усиливающим эксплоатацию потребителей. На рабочий класс обрушивается бесконечная цепь преследований его организаций—политических, профессиональных, кооперативных и иных, в то время, как боевые организации крупных капиталов пользуются полным простором. Вырванное напором рабочего движение признание необходимости страхования рабочих осуществлено третьей Думой в виде законов, которые, не улучшая нынешнего положения рабочих масс, во многих отношениях делают шаг назад по сравнению с фактически действовавшим страхованием от несчастных случаев и врачебной помощью рабочим. В области государственного устройства торжествующая реакция продолжает итти по пути 3 июня 1907 г. после того, как большинство, созданное актом 3 июня, Думы приветствовало этот акт. За большим государственным переворотом последовал ряд малых: нарочитый роспуск Думы на три дня, массовые разъяснения избирателей, особенно еврейских, бесконечная цепь ухищрений при делании выборов в четвертую Думу; сенатское разъяснение, пытающееся упразднить свободу слова даже с думской трибуны; система политического провокаторства остается одним из главных устоев правительственной политики. Одним из преступнейших актов провокации был заговор против социал-демократической фракции второй Государственной Думы, призванный служить делу государственного переворота 3 июня 1907 года. Третья Дума, созданная этим переворотом, конечно, одобрила этот акт правительственной провокации. Произвол центральной и местной администрации превышает теперь все испытанное Россией до 1905 года. В переполненных политическими пленниками реакции тюрьмах они подвергаются таким издевательствам, пыткам и актам варварской мести, которые были немыслимы в до-конституционное время. Мы стали очевидцами таких преступлений правительства, как массовый расстрел ленских рабочих в угоду их беззастенчивых эксплоататоров. И весь этот безграничный произвол находил себе неизменное одобрение большинства третьей Думы. То же большинство довело до пышного расцвета систему

натравливания одной национальности на другую с тем, чтобы легче было разделаться со всеми ими. Особенно дикую форму приняла травля еврейской народности; для этого не постеснялись сделать попытку восстановить легенду мрачного средневековья, пустив в ход кровавый навет о ритуальных убийствах. Этой цели были призваны служить все органы власти вплоть до щегловитовского суда. Активное содействие оказала третья Дума правительству в его стремлении разрушить финляндскую конституцию и в его насильнической руссификаторской политике на окраинах, которая по отношению Польши нашла себе самое яркое проявление в отторжении Холмщины. При поддержке третьей Думы развернулась во всю варварская система министерства Кассо, разгромившая высшую школу и установившая казарменную атмосферу в средней и низшей школе. Наконец, полицейский гнет стал душить печать как никогда, особенно же рабочую. Вся эта разрушительная, противонародная политика, точно мертвая петля, душит нашу страну. Россия шла бы навстречу разложению и гибели, если бы не движение живых сил народа, рассеивая атмосферу общественной реакции и вовлекая в борьбу с третьеиюньским режимом те слои населения, которые не принадлежат к лагерю контр-революции, своими массовыми забастовками против ленских расстрелов и смертных приговоров, своим протестом против травли инородцев и политики военных авантюр, первомайской забастовкой и борьбой за свободу своих организаций, свидетельствует о том, что волна рабочего движения растет и близится время, когда рабочий класс, во главе нового освободительного движения народных масс, выступит за полную демократизацию государственного строя. Учитывая, с одной стороны, чреватое тяжелыми последствиями положение, созданное в стране господством дворянско-плутократической клики, а с другой стороны, нарастающую волну рабочего движения, социал-демократическая фракция четвертой Думы будет, исходя из социал-демократической программы, согласовывать свои действия с выдвинутыми движением рабочих масс очередными задачами. В интересах представляемого нами рабочего класса мы будем отстаивать введение восьмичасового рабочего дня, широкого рабочего законодательства государственного страхования рабочих от болезней, несчастных случаев, инвалидности, старости, безработицы, а также страхования материнства для всех категорий трудящихся за счет государства и предпринимателей и с гарантией полного самоуправления страхуемых. Отстаивая все эти требования, социал-демократическая фракция будет действовать с полным сознанием своего права говорить прежде всего от имени многомиллионной массы рабочих, которая, разрушая все полицейские преграды, неизменно посылала во все Думы только социал-демократических депутатов. Но, кроме того, весь ход выборов в четвертую Государственную Думу дает нам полное основание заявить: социал-демократия, представленная в Государственной Думе немногочисленною фракциею, является в стране самою крупною из враждебных современному порядку сил, так как за социал-демократов, кроме рабочих, голосует, несмотря на самые неблагоприятные для нас внешние условия, все большее количество городских избирателей. На социал-демократию возлагают свои надежды угнетенные народности; наконец, социал-демократии несомненно принадлежит симпатия огромного

большинства всех тех, кого уродливый избирательный закон вовсе не допускает к избирательным урнам. Защита всех демократических слоев населения возлагается на партию рабочего класса, кроме того, еще и ненадежностью анти-демократическим духом либеральной буржуазии в России. Чувствуя и поддерживая свою органическую связь с рабочим классом, стоящим во главе движения всех демократических слоев населения, социал-демократическая фракция будет стараться своею думскою работою поддерживать и расширять проявления его организованной самодеятельности. Нас не пугает ни сложность, ни трудность стоящих перед нами задач. За нас непреложные законы общественного развития. Исходя из них, мы предвидели революционное движение 1905 года и в период контр-революции предсказывали теперь уже начавшиеся новые выступления рабочего класса за ближайшие требования и конечную цель российской социал-демократии. Эта твердая уверенность вселяет в нас бодрость и в четвертой Думе работать для приближения того часа, когда всенародное учредительное собрание положит начало полной демократизации государственного строя России и тем самым расчистит пролетариату путь для борьбы за освобождение от цепей наемного рабства, для борьбы за социализм.

УКАЗАТЕЛИ.

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А) Рабочее движение в России.

Б) Рабочее движение заграницей.

II.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

III.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1911 г. Нужна ли общепартийная конференция? «Социал-Демократ» № 19-20, 13-26 января, Париж, Стр. 33.

Закон о лишении отдыха торгово-промышленных служащих. «Гр. Мысль», № 2, январь, Москва. Стр. 5.

Ремесленный съезд. «Мысль», № 3, февраль. Москва. Стр. 9.

Параллели. «О борьбе за право коалиций». Там же. Стр. 26.

На темы дня. Нечто о петициях. — Г. Зиновьев. «Мысль» № 5, апрель, Москва. Стр. 61.

Кризис надвигается. «Рабочая Газета», № 4-5, 15-28 апреля, Париж. Стр. 75.

Ходатайство или борьба. (О петиционной кампании.) Там же. Стр. 79.

Что же дальше? (О положении дел в нашей партии и задачах партийцев). «Социал-Демократ», № 23, 14-1 сентября, Париж. Стр. 39.

Совещание деятелей легального рабочего движения. Там же. Стр. 68.

Господин Ларин и нелегальная С.-Д. организация. Там же.

На смерть Столыпина. «Рабочая Газета». № 6, 22 сентября, Париж, стр. 90.

Новое насилие над Финляндией. Там же, стр. 98.

Столыпин и кадетское министерство. Там же, стр. 100.

О партийной конференции. Там же. Стр. 123.

Выборы в 4-ю Думу и наши задачи. — Г. Зиновьев. Брошюра. Париж. Стр. 109.

Первый шаг. «Рабочая Газета», № 7, 22 декабря, Париж. Стр. 130.

Провокаторы Николая II и суд над с.-д. депутатами второй Думы. Там же, Стр. 132.

Каторжный приговор. Там же. Стр. 137.

Собственные его величества воры. Там же. Стр. 139.

Избирательная кампания по выборам в IV Государственную Думу. Там же. Стр. 140.

Политическая кампания рабочих и игра в «политические кампании». Там-же. Стр. 145.

1912 г. Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. Положение «Рабочей Газеты» в партии. «Рабочая Газета», № 8, 17 — 30 марта, Париж. Стр. 146.

Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. Там же. Стр. 150.

Выборы в Германии. Там-же. Стр. 155.

Вопросы избирательной кампании. — Г. Зуев. «Просвещение» № 3 — 4, февраль — март, Спб. Стр. 181.

Избирательная платформа. «Рабочая Газета», № 9, 12 — 30 августа, Париж. Стр. 158.

Положение дел в партии. Там-же. Стр. 161.

Извещение о Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. Брошюра. Париж. Стр. 165.

Вопросы тактики. По поводу «петиционной кампании». Брошюра. Париж. Стр. 208.

1913 г. Первые шаги с.-д. парламентаризма в России. «Просвещение», № 1, январь, Спб. Стр. 249.

О том, как бундовцы разоблачили ликвидаторов. К национальному вопросу. «Просвещение», № 3, март, Спб. Стр. 261.

Заметки о ликвидаторстве и единстве. «Просвещение» № 5, май, Спб. Стр. 267.

Ликвидаторство и единство. Из дневника бывшего примиренца. «Просвещение», № 8 — 9, Спб. Стр. 283.

К чему приводит ликвидаторство и «независимость депутатов». «Просвещение», № 11, ноябрь, Спб. Стр. 289.

СОДЕРЖАНИЕ.

5р.

